

- История христианской Церкви

- Введение в науку
- § 1. Понятие о Церкви и её истории
- § 2. Предмет Церковной истории и ее составные части
- § 3. Источники и пособия
- § 4. Разделение Церковной Истории на периоды
- Первый период
- Первый период. От начала распространения Христовой Церкви во время апостолов до торжества её над язычеством при Константине Великом (34—313 годы)
- § 5. Общая характеристика первого периода
- Часть I. Внешняя жизнь Святой Христовой Церкви
- Глава I. Распространение и устройство Церкви святыми апостолами
- § 6. Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви
- § 7. Распространение Церкви при святых апостолах. Сошествие Святого Духа на апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме
- § 8. Святой Павел — апостол народов и его апостольские труды
- § 9. Благовестнические труды других святых апостолов
- § 10. Общая характеристика и причины быстрого распространения Христианской Церкви в Апостольский век
- Глава II. Церковь Христова в послеапостольское время
- § 11. Распространение Церкви после апостолов во II и III веках в Европе, Африке и Азии
- § 12. Иудейское гонение Церкви
- § 13. Отношение языческого мира к христианству
- § 14. Гонения на Церковь со стороны языческих императоров в I-III веках
- § 15. Гонение на христиан в начале IV столетия при Диоклетиане и других императорах
- § 16. Миланский эдикт Константина Великого
- Часть II. Внутренняя жизнь Святой Христовой Церкви
- Глава III. Учение Святой Церкви
- § 17. Источники вероучения Новозаветной Церкви
- § 18. Священное Предание и канон священных книг
- § 19. Краткое изложение церковного учения о символах
- § 20. Некоторые догматы, раскрывающиеся Святой Церковью
- Глава IV. Ереси и секты
- § 21. Происхождение ересей и лжеучений
- § 22. Еретики иудействующие
- § 23. Гностицизм
- § 24. Манихейство
- § 25. Ересь антиринитариев
- § 26. Монтаизм
- § 27. Хилиазм
- Глава V. Церковная письменность и богословская наука
- § 28. «Учение Двенадцати апостолов»
- § 29. Мужья апостольские, их жизнь и творения

- [§ 30. Христианские апологеты](#)
- [§ 31. Богословские школы и виднейшие учителя Церкви во II-III веках](#)
- [§ 32. Малоазийская школа](#)
- [§ 33. Североафриканская школа](#)
- [§ 34. Александрийская богословская школа](#)
- [§ 35. Антиохийская школа](#)
- [Глава VI. Христианская жизнь](#)
- [§ 36. Святость и чистота жизни христиан первых веков](#)
- [§ 37. Значение мученичества](#)
- [§ 38. Христианские обычаи](#)
- [§ 39. Церковная дисциплина](#)
- [Глава VII. Богослужение](#)
- [§ 40. Характер новозаветного богослужения и его составные части](#)
- [§ 41. Христианские храмы](#)
- [§ 42. Христианское богослужение: суточный, недельный и годовой круг](#)
- [§ 43. Совершение таинств](#)
- [Глава VIII. Устройство и управление Церкви](#)
- [§ 44. Клер и миряне](#)
- [§ 45. Чрезвычайные проповедники Слова Божия в апостольский век](#)
- [§ 46. Степени постоянной иерархии](#)
- [§ 47. Неиерархические церковные должности](#)
- [§ 48. Избрание и посвящение духовных лиц](#)
- [§ 49. Положение клира в первые века](#)
- [§ 50. Епископское управление](#)
- [§ 51. Взаимные отношения между поместными Церквами и их предстоятелями — епископами](#)
- [§ 52. Церковное законодательство](#)
- [Второй период](#)
- [От торжества Церкви над язычеством при Константине Великом до разделения Церквей \(313—1054 годы\)](#)
- [§ 1. Общая характеристика второго периода](#)
- [Часть I. Внешняя жизнь Святой Христовой Церкви](#)
- [Глава I. Положение Церкви Христовой при святом Константине Великом и его преемниках](#)
- [§ 2. Положение Церкви Христовой при Константине Великом и его сыновьях](#)
- [§ 3. Положение Церкви при Юлиане Отступнике](#)
- [§ 4. Положение Церкви при последующих императорах и окончательное падение язычества в Римской империи](#)
- [§ 5. Усилия ученых язычников защитить падающее язычество. Опровержение их со стороны христиан](#)
- [Глава II. Территориальное распространение Церкви](#)
- [§ 6. Распространение Церкви вне пределов Римской империи](#)
- [§ 7. Христианская Церковь в период Великого переселения народов. Ислам](#)
- [Часть II. Внутренняя жизнь Святой Христовой Церкви](#)
- [Глава III. Состояние вероучения в эпоху Вселенских Соборов](#)
- [§ 8. Общий взгляд на характер ересей IV и последующих веков](#)
- [§ 9. Первый Вселенский Собор и ересь Ария](#)

- [§ 10. Состояние Церкви после I Вселенского Собора](#)
- [§ 11. Лжеучения, возникшие в Церкви во время арианских смут](#)
- [§ 12. Второй Вселенский Собор и окончательное поражение арианства со всеми его отраслями](#)
- [§ 13. Третий Вселенский Собор и ересь Нестория](#)
- [§ 14. Утверждение несторианства в Сиро-Персидской Церкви](#)
- [§ 15. Четвертый Вселенский Собор и монофизитская ересь, или ересь Евтихия](#)
- [§ 16. Продолжение монофизитской ереси после Собора](#)
- [§ 17. Попечение Юстиниана I о мире Церкви. Пятый Вселенский Собор и спор о трех главах](#)
- [§ 18. Упорство монофизитов и монофизитские секты](#)
- [§ 19. Шестой Вселенский Собор и ересь монофелитов](#)
- [§ 20. Седьмой Вселенский Собор и иконоборческая ересь. Святая Ирина и восстановление иконопочитания](#)
- [Глава IV. Церковь в IX — XI веках](#)
- [§ 21. Общая характеристика эпохи](#)
- [§ 22. Положение Церкви в Византийской империи на рубеже тысячелетий](#)
- [§ 23. Продолжение иконоборческой ереси после VII Вселенского Собора](#)
- [§ 24. Торжество Православия. Патриархи Мефодий \(842—847 гг.\) и Игнатий \(847—857, 867—877 гг.\)](#)
- [§ 25. Святой патриарх Фотий \(858—867, 878—886 гг.\)](#)
- [§ 26. Императоры Лев VI Мудрый, Философ \(886—912\) и Константин VII Багрянородный \(945—959\). Патриархи Николай Мистик \(901—907; 912—925\) и Евфимий \(906—911\)](#)
- [§ 27. Расцвет Византийской империи при императорах Никифоре Фоке \(962—969\),](#)
- [Иоанне Цимисхии \(969—976\) и Василии II \(976—1025\)](#)
- [§ 28. Христианская жизнь в Западной Церкви в IX-XI веках](#)
- [§ 29. Причины и предпосылки разделения церквей](#)
- [§ 30. Великий церковный раскол](#)
- [Библиография](#)

Введение

Содержание

В основу пособия положена «История Христианской Церкви» Евграфа Ивановича Смирнова (СПб., 1915) с дополнениями и исправлениями преподавателей Московской Православной Духовной Академии: профессора К.Е.Скурата и игумена Георгия (Тертышникова).

§ 1. Понятие о Церкви и её истории

Христианская Церковь есть основанное Господом нашим Иисусом Христом общество людей, соединенных между собой Православной верой в Него, законом Божиим, священноначалием и таинствами. Как общество людей, явившееся в мире в определенное время, существовавшее в продолжение многих веков при постоянной смене своих членов, имевших разнообразное влияние на ход и развитие его жизни, наконец, существующее в настоящее время, Церковь необходимо должна иметь и имеет свою историю. Как наука, история Церкви есть изображение в систематическом порядке, связи и последовательности жизни Церкви во всех ее проявлениях.

§ 2. Предмет Церковной истории и ее составные части

Предмет церковной истории есть Церковь как религиозное общество, состоящее из людей. Таким образом, предметом истории служит только человеческий элемент Церкви, как подлежащий изменчивости. Все же божественное, составляющее сущность и основу Церкви, например, вероучение, таинства и проч., как вечное и неизменяемое, не принадлежит собственно истории; хотя, становясь предметом разнообразного понимания людей, и оно становится предметом исторического изучения. Стороны, с которых должна быть рассматриваема Церковь как предмет исторической науки, указываются самой ее жизнью. Жизнь Церкви проявляется с двух сторон — внешней и внутренней. Так, мы видим, как Церковь распространяется или сокращается в своих пределах и стоит в разное время в известных отношениях к другим человеческим обществам. Это внешняя сторона. С другой стороны, мы видим, как Церковь заботится о сохранении и уяснении своего вероучения, хотя при этом встречает препятствия со стороны некоторых своих членов, отступающих от господствующего вероучения и составляющих ереси и расколы, совершает таинства и богослужение; управляется иерархией и наконец, стремится достигнуть главной цели своего существования — нравственного усовершенствования и спасения своих членов. Все это составляет внутреннюю сторону жизни Церкви. Отсюда и наука церковной истории должна изображать историческую жизнь Церкви с внешней и внутренней сторон, а именно: 1) как распространялась или сокращалась Церковь, и в каком отношении она находилась к другим обществам; 2) как сохранялось и уяснялось в ней учение веры, какие возникали ереси и расколы; 3) в каком виде находилось совершение Таинств и богослужение; 4) как действовала церковная иерархия; 5) в какой мере достигалась членами Церкви ее главная цель — нравственное усовершенствование и спасение.

§ 3. Источники и пособия

Источники Церковной Истории двух родов: немые и словесные, или письменные. К первым принадлежат: церковные здания, иконы, сосуды. Ко вторым относятся: Священное Писание, акты, определения и правила Соборов, символы, литургии, послания Соборов, церквей и епископов, творения Отцов Церкви, жития святых, сказания современников о событиях церковных. При изучении церковно-исторических памятников мы пользуемся данными исторических наук, таких как археология, палеография и т.д., филология, география. Пособиями при изучении церковной истории как науки в учебных заведениях могут служить церковно-исторические труды, начиная с «Церковной истории» Евсевия, епископа Кесарийского (ум. в 340 г.), отца церковной истории, и кончая новейшими церковно-историческими произведениями.

§ 4. Разделение Церковной Истории на периоды

История Церкви как наука должна быть стройным, органическим развитием всех сторон своего предмета. Поэтому необходимо, чтобы каждая сторона церковной жизни изображалась в ней по порядку и в хронологической последовательности. Но так как между всеми сторонами церковной жизни существует тесная историческая связь, то нельзя каждую из них рассматривать особо на всём протяжении истории. С другой стороны, рассматривать все стороны церковной жизни вместе в каждом веке также неудобно, потому что есть такого рода события, начало которых — в одном веке, а продолжение — в другом и даже в третьем веке. Ограничивая изучение церковной истории жесткими хронологическими рамками какого-либо столетия, мы можем потерять связь в изложении. Более удобным признается в учебной церковно-исторической литературе разделение церковной истории на периоды, сообразно характерным особенностям жизни Церкви в известный промежуток времени. История Церкви может быть разделена на четыре периода: Первый — период по преимуществу внешнего распространения Церкви Христовой, от времени апостолов до торжества христианства над язычеством при Константине Великом (34—313 гг.). Второй — период по преимуществу внутреннего благоустройства Церкви, от торжества Церкви над язычеством при Константине Великом до окончательного отпадения Западной Церкви от Восточной и устройства Церкви Русской (313—1054 гг.). Третий период — от окончательного отпадения Западной Церкви от Восточной и устройства Церкви Русской до падения Византийской империи на Востоке (1453 г.) и начала Реформации на Западе (1517 г.), характеризуемый со стороны Восточной Церкви неизменным соблюдением древнего вселенского учения и благоустройства, а со стороны Западной — постепенным уклонением от этого учения и благоустройства. Четвертый период — от падения Византийской империи на Востоке и с начала Реформации на Западе — до настоящего времени.

Первый период. От начала распространения Христовой Церкви во время апостолов до торжества её над язычеством при Константине Великом (34—313 годы)

§ 5. Общая характеристика первого периода

Появление в мире Христианской Церкви встречено было крайне враждебно. Иудейский и языческий мир, не признавая за христианством значения единственной истинной религии, вступает в борьбу с Церковью и стремится уничтожить её. Против Церкви издаются строгие законы, члены её подвергаются кровавым преследованиям и т.п. Но Церковь не погибает. Сильная присущею ей Божественной силой, она с необыкновенной быстротой распространяется в самом центре исторической жизни того времени — в Римской империи, и даже выходит за ее пределы, устраивает свой внутренний быт, насколько это было возможным при почти постоянных гонениях. Выдержав трехвековую борьбу с иудеями, внутренними ересями и язычниками, побеждает все препятствия к своему распространению и утверждается по всей Римской империи. Борьба Церкви с миром иудейским и языческим за право существования составляет характерную особенность первого периода её исторической жизни.

Глава I. Распространение и устройство Церкви святыми апостолами

§ 6. Условия, благоприятствовавшие распространению Церкви

Христианская Церковь при своем появлении встретила ожесточенное сопротивление со стороны человеческих обществ того времени, но в самой жизни этих обществ, как в области политической, так и религиозно-нравственной были условия, благоприятные для ее успешного распространения. Ко времени пришествия Христа Спасителя в мир и основания Им Своей Церкви, множество народов тогдашнего мира было соединено в одно огромное государство, под одной политической властью Римской империи. Рим назывался столицей всей вселенной. 6.1. Политическое состояние Иудеи Иудея, в которой надлежало явиться Искупителю мира, в потоке римских завоеваний не избежала участи других народов. Под управлением князей из фамилии Маккавеев она составляла самостоятельное государство (167—63 гг. до Рождества Христова)¹ и находилась даже в дружественных сношениях с Римской республикой. Но в 64 г. до Рождества Христова произошел раздор в фамилии Маккавеев между двумя братьями: Гирканом II и Аристовулом II. Они обратились с жалобами друг на друга к римскому полководцу Помпею, находившемуся тогда на Востоке. Помпей в 63 г. до Рождества Христова, после трехмесячной кровопролитной борьбы с иудеями, занял своими войсками Иудею, взял Иерусалим, Иерусалимский храм, и уничтожил самостоятельность иудейского народа, обязавши его платить дань римлянам. Впрочем, он предоставил Гиркану первосвященническое достоинство и титул народоначальника. Аристовул же был доставлен в Рим как пленник. Это было начало падения Маккавеев. Гиркан II, любивший более всего спокойную жизнь, не мог вернуть прежнего блеска этой фамилии. Всеми делами заведовал преданный римлянам иудеянин, принявший иудейскую веру, — Антипатр со своими сыновьями Фасаилом и Иродом, из которых первый управлял Иерусалимом, а второй — Галилеей. В 37 г. до Рождества Христова Ирод при содействии одного из римских триумвиров, Антония, достиг даже того, что был провозглашен царем иудейским. При помощи римских легионов он занял иудейский престол, а последний представитель фамилии Маккавеев, сын Аристовула, успевший было утвердиться в Иудее после борьбы со своим дядей Гирканом II, отправлен был в Рим и подвергнут там бичеванию у позорного столба как преступник. Со вступлением Ирода на престол царская власть в Иудее отошла от колена Иудина. Ирод, прозванный Великим, расширил пределы Иудеи, восстановил разрушенные города, перестроил и украсил храм Иерусалимский, но был нелюбим своими подданными за жестокости и введение в Иудее языческих обычаев и римских зрелищ. По смерти Ирода, последовавшей в первые годы по Рождестве Христовом, в Иудее опять начались волнения. Иудеи вооружились против римских войск, находившихся в ней; в Иерихоне появились разбойничьи шайки, предводители которых присваивали себе царский титул. Между тем, дети Ирода хлопотали в Риме о своих правах на иудейскую корону. Император Август, по расположению к умершему Ироду, поручил одну половину Палестины Архелаю, дал титул народного князя и обещал дать корону, если тот будет достоин того, другую половину — другим сыновьям Ирода — Антипе и Филиппу. Архелай через девять лет был вызван в Рим по обвинению в жестокости, и сослан в Галилею в заточение, а его владения сделались римскою провинцией с присоединением их к Сирии. Антипа и Филипп считались владетелями остальной половины Палестины, но не имели никакой власти. Всеми делами заведовали римские прокураторы, а иудейские цари носили только одни титулы. Римский прокуратор Сирии и Палестины, Квирий, обложил, наконец, Иудею поголовной данью в пользу Рима. Иудея окончательно была покорена римлянами. Явился было протест со стороны ревнителей национальной свободы, выразившийся в возмущении иудеев под предводительством Иуды Галилеянина, но скоро был подавлен римскими войсками. Ко времени пришествия Христа

Спасителя иудеи жили и вне Палестины. Во время постоянных нападений на Иудею и опустошений, её жители были отводимы в плен и поселяемы между победителями, так что не было страны, входившей в состав римского государства, в которой не было бы евреев. Здесь положение их было спокойнее, чем в Палестине. По своему предприимчивому характеру евреи занимались торговлею и ремеслами, приобретали богатства, а иногда независимость и даже привилегии. Особенно много евреев было в Александрии; были они даже в Риме, куда попали в первый раз при Помпее как пленники.

6.2. Религиозно-нравственное состояние языческого мира

На рубеже старой и новой веры положение человечества в религиозно-нравственном отношении было весьма безотраднo. Знания истинного Бога не было ни у одного народа, кроме еврейского. Понятия о Едином истинном Боге и об отношении к Нему людей, сообщенные человечеству первобытной религией, в течение многих веков, прошедших от падения прародителей, затмились окончательно. Человечество успело создать свои религиозные системы, в которых сначала заметны были следы истинной веры, но чем дальше шло время, тем меньше оставалось в них истинных религиозных понятий. Более и более погружались люди в жизнь окружающей их природы и совсем потеряли представление о высшем духовном мире. Явились так называемые языческие религиозные системы с обоготворением всей природы или только некоторых её частей, сил и явлений. На место единого Бога первобытной религии явилось множество богов: небесные светила, стихии и произведения земли, звери, животные; люди, чем-нибудь знаменитые, добродетели, пороки, страсти и т.п. — все было предметом обоготворения в языческой религии. Подобные религиозные системы, сталкиваясь и перемешиваясь между собой, ко времени пришествия Христа Спасителя существовали у разных народов языческого мира. В греко-римском мире, в котором тогда сосредоточивалась историческая жизнь и с которым Христианская Церковь прежде всего вошла в соприкосновение, господствующей была религия, допускавшая обоготворение людей. Но эта религия начала колебаться, когда в греческом обществе просвещение развилось настолько, что не могло допустить веры в создания человеческой фантазии. Явились философские системы, поставившие своей задачей объяснить и постигнуть бытие мира и вещей. Философия подвергала народную религию критике и отвергала ее. Взгляды философов на религию стали распространяться в народной массе, и в ней тоже пробудилось недоверие к богам. Такое религиозное отрицание началось в Греции еще за три века до Рождества Христова, так что ко времени появления христианства было почти всеобщим. Народная религия падала, народ уже не верил своим богам, хотя и исполнял религиозные обряды по привычке к старине и по привязанности к блестящим религиозным церемониям, удовлетворявшим его эстетическое чувство. То же случилось и с религией римлян. Народная римская религия, сходная с религией греков, держалась до тех пор, пока Рим в своих завоеваниях не выступил за пределы Италии, особенно пока не пришел в столкновение с Грецией. Греки, побежденные римлянами, в свою очередь подчинили их своему культурному и нравственному влиянию. Они познакомили римлян со своим образованием, со своей философией и передали им свои взгляды на религию. Высшие классы прежде других усвоили греческое образование; поэтому среди них в первую очередь возбудилось неверие в отечественных богов. Но и народ скоро последовал за высшими образованными классами в религиозном отрицании: театральные представления, в которых осмеивались боги, подрывали в нем религиозные убеждения. Оставалась в народе только привязанность к обрядам и церемониям, к которым и сводилась вся религия. Даже блюстители религии — жрецы — заражены были общим неверием. Само римское правительство, заботясь о всемирном господстве, подорвало уважение народа к отечественной религии, собрав в римском пантеоне изображения богов всех завоеванных народов и дав им «право гражданства». От этого в римском народе появилась холодность к собственной религии и поселилось убеждение, что можно

исповедовать какую угодно религию. Впрочем, Рим-ское правительство требовало сохранения древней религии, убежденное, что с сохранением религии сохранится и самое государство, основанное на ней. Философия, подорвавшая народные религии, вместо них сама не могла дать ничего положительного. Эпикурейская философия, отвергая высшее назначение настоящей жизни, проповедовала одно наслаждение жизнью и в умении наслаждаться полагала всю мудрость человеческую. Стоицизм, проповедуя строгость жизни, равнодушие и презрение ко всем её случайностям, заставлял искать успокоения и блаженства в размышлении о неизбежности всего совершающегося, в силу неизменных законов вселенной, в углублении человека внутрь себя и в гордом сознании богатства собственной внутренней жизни; о божественном же, высшем назначении этой жизни не было речи. Платонизм, выработавший понятие о Высочайшем Божественном Мироправителе, проповедовал зависимость от Него человека и общение с Ним признавал единственным источником освящения, но на этом и останавливался, не разрешая, каким образом людям искать этого общения. Так называемый неоплатонизм, отвергая все философские системы и религии, утверждал, что истины безусловной нет ни в одной из них, хотя проблески ее можно находить во многих. Философские течения такого рода при всем их разнообразии отрицали друг друга и не могли заменить человеку религии, не могли удовлетворить жившего в нем религиозного чувства. Люди мыслящие, у которых еще сильно было желание найти истинную веру, осознавая внутреннюю пустоту безверия, переходили от одной философской системы к другой, нигде не находя удовлетворения. Народ не знал философии: при отсутствии определенных верований, он бросался в противоположную крайность — суеверие. Перед временем пришествия Христа Спасителя в греко-римском мире особенно распространились тайные восточные культы со своими гаданиями и волшебствами. Вместе с падением языческой религии в греко-римском мире, естественно, пала и нравственность. При отсутствии веры в истинного Бога не было никаких основ для чистой нравственности. Деспотизм императоров, наплыв в Рим богатств со всего мира, происходящая отсюда роскошь, философия, проповедовавшая наслаждение — все это содействовало упадку древней строгости нравов. Царила распущенность нравов. Языческие писатели того времени все как один говорят об упадке нравственности в мире. Святой апостол Павел яркими чертами изображает нравственное состояние римского общества, замечая ([Рим.1:29-31](#)), что оно полно всякой неправды, блуждения, лукавства, корыстолюбия, злобы, зависти, убийства, распрей, лести, злонравия, гордости и пороков.

6.3. Религиозно-нравственное состояние иудейского народа

Наряду с языческими религиозными системами, господствовавшими у народов дохристианского мира, одиноко стоит особая религиозная система, исповедуемая одним только еврейским народом. Иудеи обладали неоценимым благом: у них была религия Богооткровенная, с истинными понятиями о Едином Боге и об отношении к Нему человека. Только в иудейской религии были божественные обетования о пришествии в мир Искупителя человечества. В течение многих веков, при всех политических переменах в судьбе иудейского народа, Богооткровенная религия сохранялась им в чистоте неизменной. Данную через Моисея религию Господь Бог разъяснял чрез пророков, которые своими возвышенными толкованиями закона подготовляли путь новой религии, говорили, что день Господень скоро наступит, даже обозначали время пришествия Спасителя. Но перед пришествием Христа Спасителя и еврейский народ в религиозном отношении не избежал участи остального человечества. Веры в Единого Бога еврейский народ не потерял; но, с одной стороны, главный догмат своей религии — учение об Искупителе — стал понимать неверно, с другой — разделился на несколько партий в понимании религии вообще. Под влиянием тяжелых политических обстоятельств, поработанный сначала египтянами, потом ассирийцами, наконец, римлянами, еврейский народ видел в обещанном Искупителе только необыкновенного

царя-завоевателя и освободителя от чужеземного ига, который устроит земное царство и даст славу и блеск еврейскому народу. Гордый перед другими народами своей истинной религией, еврейский народ как избранный Богом ожидал Мессию только для одного себя. В таком смысле евреи объясняли и понимали и пророческие сказания о Мессии. Являлись даже ложные пророки, которые говорили о наступлении времени освобождения от чужеземного ига. Мессии в уничиженном виде евреи не хотели знать, а между тем охотно шли за народными бунтовщиками, объявлявшими себя мессиями, пришедшими будто бы освободить еврейский народ от ига. Такого рода мессией был, например, Иуда Галилеянин, о котором упоминается в Деяниях Апостолов, в речи Гамалиила синедриону. Конечно, были исключения в еврейском народе и в понимании религии, о чем свидетельствует Евангелие, но большинство в своих ожиданиях было слишком далеко от того обещанного Мессии, верой в Которого жили праведные люди прежних веков. При всем этом, перед временем пришествия Христа Спасителя, в еврейском народе образовались религиозные партии фарисеев, саддукеев, ессеев и ферапевтов. Появление первых двух партий относится ко времени распространения на востоке греческой образованности (во II веке до Рождества Христова), когда некоторые иудеи из высшего класса стали увлекаться языческой философией, а вместе с тем заимствовать и языческие обычаи. Ревнителю отечественной религии и отечественных учреждений восстали против этого и образовали особую религиозную партию с политическим оттенком, именуя себя фарисеями, что значит избранные, отделенные. Они были ревнителями не только закона Моисеева, но и всей вообще еврейской старины, всех устных преданий. Ревность их, вначале почтенная, получила скоро превратное направление: они не столько заботились о сохранении и поддержании существенного в религии, сколько второстепенного. Все внимание фарисеев, доходившее до мелочности, было обращено к внешней стороне религии: они добровольно налагали на себя посты; часто молились, часто совершали ритуальные омовения, пребывая в том убеждении, что такое строгое исполнение предписаний закона, нередко ими самими выдуманых, особенно угодно Богу и составляет единственный путь ко спасению. Отсюда фарисейская гордость и презрение ко всякому, не принадлежащему к их партии. Внешняя святость жизни фарисеев привлекала к ним народ, который всецело подчинился влиянию этих мнимых ревнителей веры. Противоположность фарисеям составляли саддукеи. Это были люди, усвоившие себе греческое образование, смотревшие на все с философской точки зрения, между прочим, и на религию. Саддукеи стремились к рационалистическому пониманию закона Моисеева, поэтому они отвергали устные предания, так много уважаемые фарисеями, не придавали большого значения обрядам, наконец, дошли до отрицания бессмертия души, воскресения мертвых, бытия мира духовного и Божественного Провидения. Сравнительно с фарисеями саддукеев было немного: секта их состояла из богатых и знатных людей, которые занимали высшие должности, между ними немало было даже первосвященников. При первоначальной борьбе партий фарисеев и саддукеев во II веке до Рождества Христова образовались новые религиозные направления ессеев и ферапевтов. Люди, державшиеся этих направлений, образовали своего рода особые секты, посвятившие себя на служение Богу вдали от еврейского общества. Ессеи сначала жили в городах, потом ушли к Мертвому морю и там поселились отдельным обществом, которое насчитывало до 4000 человек; ферапевты проживали в Египте. В свое общество ессеи принимали после особого тщательного испытания с особыми обетами почитать Бога, хранить имена ангелов, любить истину, не открывать никому тайн общества. Жизнь в этих обществах была строго умеренная, все члены их занимались земледелием, имущество было у них общее, были общие собрания, особенно в субботу, на которых они читали Священное Писание, пели гимны. В молитвенных собраниях соблюдался строгий порядок и торжественная тишина. Все стремление ессеев и ферапевтов направлены были, в противоположность фарисеям, на

внутреннюю сторону религии, на внутреннее самоусовершенствование человека. Внешним выражением этого у ессеев служили частые омовения. Толкование и понимание закона Моисеева, особенно у ферапевтов, было мистическое, таинственное. Кроме иудеев, в Палестине была еще одна народность, ожидавшая Мессию. Это — самаряне, обитавшие между Иудеей и Галилеей. Происхождение самарян относится ко времени падения царства Израильского (722 г. до Рождества Христова), когда ассирийцы, забрав в плен большую часть израильтян, переселили в завоеванную страну язычников. Последние, смешавшись с оставшимися израильтянами, произвели смесь иудейства с язычеством, пока, наконец, служение Богу истинному не взяло перевеса. Таким образом, появились самаряне. Они принимали только Пятикнижие Моисея, как единственную книгу закона, имели некоторое время свой храм, построенный на горе Гаризим бежавшим из Иудеи священником Манассией, и совершали богослужение по установлению Моисееву. Иудеи ненавидели самарян и считали их за еретиков, хотя последние, как видно из беседы Иисуса Христа с самарянкой, имели понятия о Мессии не хуже, чем сами иудеи. У самарян не было, как у иудеев, такой национальной гордости и уверенности в собственной святости, вследствие одного только происхождения от Авраама; они видели в Мессии пророка, который должен был объяснить им закон и научить их всему. Поэтому они стояли ближе к христианству, чем иудеи. Что касается религиозного состояния иудеев, живших вне Палестины, то нужно заметить, что религиозные понятия их были отличны от понятий иудеев палестинских. Иудеи рассеяния, живя в городах, близких к Риму, и познакомившись с политическим могуществом империи в местах ее владычества, были чужды мечтаний палестинских иудеев о всемирном политическом господстве иудейского народа. Поэтому представления их о Мессии сложились иначе. Они не разделяли с палестинскими иудеями ожидания Мессии в качестве политического деятеля и были более тех подготовлены к принятию Его как Искупителя от грехов. Кроме того, иудеи рассеяния, входя в столкновение с язычниками, особенно по делам торговли, были по отношению к ним не так нетерпимы, как иудеи палестинские. Они знакомили язычников со своими религиозными убеждениями и передавали им даже свою веру, а с другой стороны и сами перенимали греческое образование и греческую философию. Это особенно заметно было в Александрии, центре мировой культуры, торговли и науки. Здесь у евреев Священное Писание было уже давно переведено на греческий язык, бывший в то время во всеобщем употреблении. Благодаря этому любознательные язычники при желании могли познакомиться с возвышенным богословием иудейской религии. Следствием же такого знакомства было то, что религиозные убеждения иудеев рассеяния стали прививаться и язычникам, недовольным собственными религиями и искавшими истинного богопознания. Ко времени пришествия Христа Спасителя мы уже встречаем довольно большое число язычников, принявших иудейство, которые известны были под именем пришельцев врат, если они принимали религию евреев без обрезания, и пришельцев правды, если принимали вместе с тем и обрезание. С другой стороны, евреи, знакомясь с греческой философией, особенно с философией Платона, находили в ней нечто достойное уважения в религиозном отношении.

6.4. Ожидание Мессии Лучшие люди языческого мира, наблюдая, с одной стороны, мрачные стороны политической к общественной жизни человечества, а с другой — всеобщий упадок религии и нравственности, ясно сознавали, что такое положение вещей ненормально. В языческой среде ожило предание, сохранившееся от первобытной религии, о золотом веке, когда человек находился в блаженном невинном состоянии; являлась даже мысль о возможности возвращения человечества к этому счастливому времени. Но выйти из настоящего безотрадного состояния, по мнению лучших людей древности, человечество было бессильно. Для этого — утверждали они — нужна была сверхъестественная сила, Божественная помощь. Подобные убеждения еще больше утвердились среди язычников, когда между ними стали

распространяться верования иудеев в Мессию. Идея о Мессии, как Избавителе от всяких зол и Установителе лучших порядков жизни, была особенно привлекательна для страждущих и угнетенных, которых так много было в безрадостном языческом мире. Словом, в последние годы пред Рождеством Христовым ожидание Мессии сделалось всеобщим. Поэтому, когда Божественный Спаситель рода человеческого явился и основал для спасения людей Свою Церковь, те из иудеев и язычников, которые ожидали Его и увидели в Нем истинного Мессию, первые и пошли за Ним, стали членами Его Церкви. Таким образом, безотрадное состояние политической и религиозно-нравственной жизни народов дохристианского времени послужило на пользу Церкви — оно побудило многих искать истинного религиозного знания и принять Христа Спасителя как Истинного Сына Божия. Объединение народов под единой политической властью римлян также облегчило проповедование новой веры и вследствие этого должно быть поставлено в число условий, благоприятствовавших распространению Церкви.

§ 7. Распространение Церкви при святых апостолах. Сошествие Святого Духа на апостолов и первые успехи евангельской проповеди в Иерусалиме

Господь Иисус Христос основал Свою Церковь, избрав двенадцать Своих учеников — апостолов (что означает с греческого «посланник»). Их имена были: 1. Симон, называемый Петром. 2. Андрей, брат [Петра. 3](#). Иаков Заведеев. 4. Иоанн Заведеев, брат Иакова (братьям Зеведеевым нарекли имена Воанергес, то есть «сыны грома»). 5. Филипп. 6. Варфоломей, или Нафанаил. 7. Фома, или Близнец, или Фаддей. 8. Матфей мытарь, или Левий. 9. Иаков Алфеев. 10. Иуда Иаковлев, или Леввей, или Фаддей, брат Иакова Алфеева. 11. Симон Зилот, или Симон Кананит (именно на его свадьбе, по преданию, Господь сотворил первое чудо в Кане). 12. Иуда Искариотский, впоследствии сделавшийся предателем Господа. Им Он поручил дело распространения и устройства Церкви, обещая для предстоящего им служения облечь их силою свыше. «Не отлучайтесь из Иерусалима, — говорил Он им пред Своим вознесением на небо, — но ждите обещанного от Отца... вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» ([Деян. 1:4, 8](#)). Обетованием Святого Духа Спаситель окончил Свои наставления апостолам относительно распространения и устройства Церкви и вознесся на небо. По вознесении Иисуса Христа апостолы, согласно Его повелению, основали свое местопребывание в Иерусалиме и ожидали здесь сошествия Святого Духа. Все они, вместе с Богородицею и другими верующими, «единодушно пребывали в молитве и молении» ([Деян. 1:14](#)), для чего собирались в особом доме. В одном из собраний, на котором было 120 верующих, апостол Петр предложил на место предателя Иуды Искариотского избрать для апостольского служения другое лицо из числа тех верующих, которые все время находились при Спасителе и были свидетелями Его воскресения. Собрание поставило пред апостолами Иосифа и Матфия. После общей молитвы бросили о них жребий, жребий пал на Матфия, и он был причислен к одиннадцати апостолам. Наконец, по прошествии десяти дней от вознесения Господня, в еврейский праздник Пятидесятницы совершилось сошествие Святого Духа на апостолов. Благодатная сила Святого Духа, изливавшаяся на апостолов во всей полноте, обнаружилась в первый раз тем, что они получили способность говорить на разных языках. Со дня сошествия Святого Духа началась открытая проповедь апостолов об Иисусе Христе. Они проповедовали и в иерусалимском храме и в частных домах. Проповедь их обращала к вере во Христа Великое множество народа.

§ 8. Святой Павел — апостол народов и его апостольские труды

Святой Павел, до начала проповеди язычникам называвшийся Савлом (Саулом), по особенному изволению Божию был присоединен к двенадцати апостолам. Он был родом из Тарса, главного города Киликии, славившегося греческою образованностью, и происходил из еврейского семейства, которое пользовалось правом римского гражданства. В детстве он получил греческое образование. Затем еще в молодых годах отправлен был в Иерусалим для изучения иудейского богословия, так как родители предназначали его в раввины. В Иерусалиме учителем его был знаменитый Гамалиил. После своего чудесного обращения в 37 г. на дороге в Дамаск, и крещения он из Дамаска удалился в Аравию, после чего возвратился опять в Дамаск. Спасшись, при помощи христиан, от преследования дамасских иудеев, он в 40 г. пришел в Иерусалим и представлен был Варнавою апостолам, как ревностный поборник христианства, чудесно обращенный Господом. Во время молитвы в храме он получил от Господа призвание к проповеди среди язычников. Когда в Иерусалиме Павел вошел в состязание с иудеями-эллинистами, и последние покушались убить его, то он отправлен был апостолами в родной город Тарс. 8.1. Первое путешествие апостола Павла (45—49 гг.) ([Деян. 13:14](#) гл.) Вызванный из Тарса Варнавою, апостол Павел вместе с ним устраивал Антиохийскую церковь. А в 45 г., по особому откровению Божию, апостол Павел вместе с апостолом Варнавою совершил и свое первое большое путешествие. Местом своей деятельности они сначала избрали остров Кипр — родину апостола Варнавы. Проповедь здесь сопровождалась большими успехами. В числе обращенных ко Христу был и главный начальник острова, римский проконсул Павел Сергей. Его обращению сильно противодействовал один волхв, именем Вариисус. Но апостол Павел, обличив его как «врага всякой правды», поразил его слепотою. С острова Кипра апостолы переправились на малоазиатский полуостров, и дошли до Антиохии, главного города Писидийской области. Из Антиохии апостолы отправились в Иконию, главный город Ликаонии. Здесь их проповедь, сопровождавшаяся многими чудесами, имела громадный успех. Но и отсюда озлобленные иудеи заставили апостолов поспешно удалиться; они ушли в южные пределы Ликаонийской области и насадили христианство в городах Листре и Дервии. В Листре произошло довольно странное недоразумение. Павел и Варнава, придя сюда, совершили чудо: исцелили хромого от рождения. Это так поразило жителей-язычников, что они приняли апостолов за своих богов: Варнаву, обладающего представительной и величавой наружностью, — за Зевса, а Павла, как более красноречивого, — за Гермеса. Уже явился жрец, и приведены были на площадь животные для жертвоприношения. Апостолы с трудом вразумили толпу, что они такие же люди и пришли для обращения их от ложных божеств к истинному живому Богу. Между тем из Антиохии и Иконии пришли сюда иудеи и так возмутили слушателей против благовестников, что Павел был побит камнями и замертво вынесен из города. Приведенный в чувство стараниями учеников, Апостол на другой день отправился в город Дервию и здесь многих обратил ко Христу. Это был последний город первого путешествия. Обратный путь апостолы предприняли через те же города, где, проповедуя веру, в каждой новой церкви рукополагали пресвитеров, которым поручали управлять вновь образованной общиной и продолжать дело учительства.

8.2. Апостольский Собор в Иерусалиме ([Деян. 15](#)) Вопрос об отношении иудейства к христианству, или, уже, о том, должно ли обращающимся в христианство язычникам, а также и иудеям, соблюдать Моисеев закон, занимал в Иерусалиме умы уверовавших иудеев, особенно фарисейского направления. Некоторые из иерусалимских христиан, прибыв в Антиохию, говорили уверовавшим язычникам: «Если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете

спасти». Павел и Варнава, не придававшие такого значения иудейству после пришествия Христа Спасителя, вступили с ними в спор. Чтобы окончательно разрешить этот вопрос, Антиохийская церковь положила отправить Павла и Варнаву в Иерусалим к апостолам и пресвитерам. По принятой датировке, это было в 50 году. По описанию апостола Луки, на Соборе присутствовали апостолы Иаков, Петр и Иоанн, тут же были апостолы Павел и Варнава и пресвитеры иерусалимской церкви. Были ли на Соборе другие апостолы — неизвестно. После долгих рассуждений по возбужденному вопросу, апостол Петр произнес перед Собором речь, которую начал с того, что напомнил, как Сам Бог повелел ему проповедовать язычникам и как язычники (сотник Корнелий и его семейство), не будучи обрезаны по закону Моисееву, получили дары Святого Духа, подобно другим верующим. Потом из этого он вывел заключение, что Бог не положил различия между иудеями и язычниками при вступлении их в Церковь Христову. В заключение святой апостол Петр прибавил, что излишне возлагать на уверовавших язычников иго исполнения закона, так как принадлежащие к Христовой Церкви спасаются все единой благодатью Господа Иисуса Христа. Апостолы Павел и Варнава в подтверждение мысли, высказанной Петром, что проповедь язычникам — дело, угодное Богу, рассказали, какие знамения и чудеса сотворил Бог через них среди язычников. Когда они умолкли, начал говорить предстоятель Иерусалимской церкви, апостол Иаков. На основании пророчества о благодатном царстве он доказал, что с пришествием Своим, Искупитель Господь Иисус Христос основал Церковь для всех народов, вместо иудейской, объединявшей только еврейский народ. Поэтому последняя, как имевшая только временное назначение, должна уступить место первой. «Посему, — заключил апостол Иаков, — я полагаю не затруднять обращающихся к Богу из язычников, а написать им, чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови, и чтобы не делали другим того, чего не хотят себе». Слово апостола Иакова, получившего за ревностное исполнение закона Моисеева прозвание Праведника, было особенно убедительно. Предложение его было принято всем Собором. Было составлено соборное определение о необязательности для обращающихся из язычников исполнения закона Моисеева. При посредстве апостолов Павла и Варнавы и других избранных для сего мужей оно было письменно сообщено Иерусалимской церкви, христианским общинам в Антиохии, Сирии и Киликии, состоявшим из язычников. Собор апостолов изложил решение своё письменно, запечатлев его словами: «Изволися Духу Святому и нам». В нем сказано, что вопрос о христианской проповеди среди язычников решен окончательно. Теперь без всяких сомнений и опасений апостолы Павел и Варнава, призванные к сей проповеди, начинают с еще большей ревностью распространять христианство между язычниками. Петр же, Иаков и Иоанн приняли на себя труд благовествовать иудеям.

8.3. Второе путешествие апостола Павла (52—54 гг.) ([Деян. 15:39-18, 22](#)) Прожив некоторое время в Антиохии и утвердив там Церковь, апостолы Павел и Варнава вместе со спутниками Силою и Иоанном-Марком, разделившись на две группы, предприняли новое путешествие. Варнава с Марком отплыли на о. Кипр, а Павел с Силою отправились пешком вдоль берега Средиземного моря на север в город Тарс. Святой апостол Павел посетил во втором путешествии следующие места: в Малой Азии — Сирию, Киликию (Тарс), Ликаонию (Дервия, Листра, Икония), Антиохию Гисинийскую, Галатию и Фригию, Троаду (древняя Троя); в Греции — Неаполь; во Фракии — Филиппы, Амфиполь, Фессалоникли (Салоники), Верию, Афины. Город Афины представлял особенно удобное место для евангельской проповеди. Афиняне отличались философским образованием: на улицах и площадях города постоянно велись споры о разных вопросах, так что, кроме синагоги, апостол мог находить слушателей для своей проповеди и под открытым небом. Но гордые своим философским образованием, представители школ стоиков и эпикурейцев высокомерно и поверхностно отнеслись к

апостольской проповеди. Они даже не поняли самого главного в ней. Слыша в проповеди апостола имя Иисуса и слово «воскресение», они думали, что он проповедует каких-то новых богов. Жаждающие услышать разъяснений от апостола Павла, греки схватили его и привели на высшее афинское судилище — ареопаг. Здесь апостол произнес блестящую речь, которая может назваться образцом ораторского искусства и христианской проповеди ([Деян. 17:22-31](#)). «Афиняне, — начал свою проповедь апостол Павел, — по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу». Сего то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» ([Деян. 17:22-23](#)). Закончил свою проповедь апостол благовестием о Христе, воскресшем из мертвых. Не веровавшие в воскресение мертвых эпикурейской школы стали смеяться над проповедником и говорили: «Об этом мы слушаем тебя в другое время» ([Деян. 27:32](#)). Положив начало афинской церкви, апостол Павел оставил Афины и прибыл в Коринф, знаменитый в то время богатством и образованностью жителей. Оттуда он возвратился в Малую Азию в город Ефес и затем, через о. Родос, в Кесарию, т. е. Палестину. Целью второго путешествия было укрепление в вере и ободрение новых христианских церквей, основанных апостолом в первом его путешествии, а также проповедь слова Божия в новых городах и странах и основание там новых церквей.

8.4. Третье путешествие апостола Павла (54—55—58 гг.) ([Деян. 18:23-21, 17](#)) Новое путешествие апостол Павел предпринял с учениками Лукой, Титом и Тимофеем. Выйдя из Антиохии в 54 или 55 гг., он еще раз посетил все основанные им раньше церкви в Малой Азии, Македонии и Греции. В город Милет апостол призвал пресвитеров Ефесской церкви и, преподав им наставления ([Деян. 20:18-35](#)), простился с ними. С плачем и рыданиями пастыри Ефесской церкви проводили его из Милета. Ко дню пятидесятницы в 58 г. апостол Павел прибыл в Иерусалим.

8.5. Узы святого апостола Павла и его мученическая кончина В Иерусалиме апостола Павла ожидала серьезная опасность. Против него сильно озлобились иудеи за то, что он считал необязательным для вступающих в Церковь язычников соблюдения закона Моисея и тем унижал его достоинство. Поэтому, как только апостол Павел прибыл в Иерусалим, иудеи против него подняли возмущение. Апостола схватили в храме и хотели убить, но начальник Римского полка Клавдий Лисий спас его от ярости толпы. Он явился на место происшествия со стражей, взял апостола и посадил его в крепость (58 г.). Иудеи продолжали волноваться и всячески добивались смерти апостола Павла. Более сорока человек поклялись не есть и не пить, пока не убьют апостола. Когда тысяченачальник получил известие об этом заговоре, он ночью под крепкой охраной отправил апостола Павла в Кесарию на суд прокуратора Феликса. В Кесарии апостол Павел пробыл около двух лет. Феликс хотел считать апостола невинным, но тянул дело долго, в расчете получить с него за освобождение большой выкуп, как с человека влиятельного между христианами. Преемник его Фест (60 г.), желая угодить иудеям, хотел было выдать им апостола, но Павел, как римский гражданин, потребовал себе суда у кесаря, и его отправили на корабле в Рим. Апостол Павел ждал этого путешествия, надеясь получить возможность проповедовать о Христе в самой столице тогдашнего мира. Он имел сведения, что христианство уже распространилось в Риме ([Рим. 16:3-15](#)), почему желал сам побывать там и проповедовать, сеять на такой благодатной почве, как Рим. Само путешествие в Рим, хотя он ехал в качестве узника, приняло миссионерский характер. Начальник корабля позволил апостолу сходить на берег и проповедовать собравшемуся населению. Когда они прибыли на о. Крит, апостол советовал провожавшему его сотнику пробыть здесь зиму, в противном случае предсказывал ему опасное плавание. Но сотник не согласился последовать этому совету. И едва они вышли в море, поднялась ужасная буря: в течение двух недель путники не видели ни солнца, ни звезд и потеряли всякую надежду на спасение. Но апостол по откровению Божию успокоил своих спутников, сказав, что ко-рабль

погибнет, а они все спасутся. И действительно, корабль около острова Мальты сел на мель и разбился, а все находившиеся на нем, 276 человек, вплавь достигли берега. В ожидании нового корабля они прожили здесь три месяца. Апостол Павел воспользовался этим, чтобы и здесь распространить учение Христово ([Деян. 28:8-9](#)). Проповедь он подкреплял чудесами и исцелениями; он исцелил правителя острова Публия и многих других жителей, страдавших болезнями. По прошествии трех месяцев мореплаватели на новом корабле продолжили свой путь и благополучно прибыли в Рим (61 г.). Здесь апостолу дозволено жить в частном доме под надзором воина, принимать посетителей и писать письма. Апостол пользовался этим для евангельской проповеди. Число христиан в Риме стало увеличиваться, и их можно было встретить даже во дворце императора. В тоже время апостол Павел занялся и устройством Римской церкви, основанной ранее его сотрудниками. Римские христиане еще не имели у себя епископа. Павел рукоположил во епископа Римской церкви ученика своего Лина. После двухлетнего пребывания под стражей апостол получил полную свободу. Во время пребывания в Риме апостол Павел, как полагают, написал послания к Ефесянам, Филиппийцам, Колоссянам и к Филимону. Куда отправился апостол после своего освобождения: в Испанию ли, как предполагали прежде, или на восток — с точностью неизвестно. Вероятнее, что он отправился на восток, где по-прежнему посещал основанные им церкви, в частности, как видно, из его пастырских посланий, он посетил Ефес, поставил здесь епископом Тимофея. Затем он основал церковь на о. Крите и наблюдение над нею вверил своему бывшему спутнику Титу. В 66 и 67 гг. он опять приходит в Рим. Это было в самый разгар гонений на христиан при императоре Нероне. Сюда прибыл он, несомненно, для того чтобы ободрить верующих среди тяжких страданий, но и сам сделался жертвою этого гонения: его заключили в темницу и, как римского гражданина, осудили на почетную смерть через усечение мечом. Так окончил великий апостол многотрудную и многопользную деятельность, продолжавшуюся около 30 лет. Глубокая убежденность в истинности проповедуемого им учения, ясное понимание христианских истин, спокойное мужество среди всевозможных опасностей, необыкновенное знание человеческого сердца и природная увлекательная сила красноречия при благодатных дарах Святого Духа содействовали его необыкновенным успехам и снискали ему титул Первоверховного Апостола. Множество христианских общин на пространстве почти всей Римской империи от востока до запада считают его своим основателем.

§ 9. Благовестнические труды других святых апостолов

После сошествия Святого Духа на апостолов, они, несмотря на все преследования со стороны иудеев, до 45 г. по Рождестве Христовом постоянно находились в Иерусалиме, устраивая здесь Церковь и, по време-нам, распространяя христианство в окрестностях его, пока не наступило время отправиться им на проповедь в другие страны. Но о местах проповеди апостолов и их деятельности сохранилось мало точных и определенных сведений, кроме заключающихся в Священном Писании.

1. Святой апостол Андрей Первозванный был родом из галилейского города Вифсаиды, что на берегу Генисаретского озера. По занятию рыбак, он был одним из первых учеников Спасителя. Последовал он за Христом по указанию Иоанна Крестителя и привел к нему еще своего брата Симона (Петра). О жизни и деятельности первозванного апостола сохранились только позднейшие сказания, по которым он представляется проповедующим в Каппадокии, Вифинии, вообще по восточным и северным берегам черного моря и в Скифии. По преданию Русской Церкви он был в Херсонесе Таврическом и по Днепру дошел до гор Киевских, поставил здесь крест и предсказал, что на этих горах будет большой город и «церкви многи Бог воздвигнути имать». Проповедовал он также во Фракии, основал Церковь в городе Византий, где епископом поставил своего ученика Стахия. Мученическую кончину принял в греческом городе Патрасе (в Ахаии), где его распяли на кресте. Личность святого апостола Андрея была особо почитаема в Российском государстве. Император Петр Великий в качестве высшей государственной награды учредил орден Андрея Первозванного. На рубеже XX-XXI веков достоинство этого ордена было восстановлено.

2. Святой апостол Петр — брат Андрея, также рыбак, был одним из ревностных учеников Спасителя, поэтому вместе с апостолом Павлом носит в Церкви название Первоверховного. Он был уже женат, когда Господь призвал его к апостольству. Он вместе с Иаковом Заведеевым и Иоанном Богословом был свидетелем воскрешения дочери Иаира, Преображения Господня и молитвы в саду Гефсиманском. Апостол Петр принял на себя труд распространения христианства между иудеями. После сошествия Святого Духа апостол Петр проповедует учение Спасителя иудеям палестинским, и только по особенному внушению Божию обращает ко Христу одно языческое семейство. В 44 г., когда ему в Иерусалиме угрожала смерть от Ирода Агриппы, апостол [Петр](#), освобожденный Ангелом из темницы, оставил на долгое время Иерусалим. В это время апостол проповедовал в соседних с Иерусалимом провинциях и особенно в Антиохии. В 50 г. апостол Петр является опять в Иерусалиме на Апостольском соборе. После Апостольского собора апостол [Петр](#), также посетив Антиохию, проповедовал иудеям рассеяния в Понте, Галатии, Каппадокии, Ассирии и Вифинии; им же он писал свое первое послание. Затем со своим спутником Евангелистом Марком проповедовал в Вавилоне, где жило много евреев. Прибыв из Вавилона в Александрию, апостол Петр поставил здесь Марка епископом для новообращенных христиан, а сам переправился в Коринф, уже после того, как основал здесь Церковь апостол Павел. Последним местом проповеди апостола Петра предание единогласно называет Рим, куда он прибыл под самый конец своей жизни и где, в гонение Нерона, принял мученическую кончину в 67 или 68 году. Незадолго до его смерти, по свидетельству предания, римские христиане убеждали апостола хотя бы на некоторое время оставить столицу, на что он было и согласился. Но недалеко от города он увидел своего Учителя, идущего по направлению к Риму. Петр обратился к нему с вопросом: «Куда идешь, Господи?» — «Иду в Рим опять на распятие», — отвечал Господь. Апостол принял этот ответ за упрек своему малодушию, вернулся в Рим и добровольно отдался в руки мучителей. По собственному желанию он был распят на кресте вниз головой, потому что считал себя

недостойным умереть смертью Господа. Апостол Петр оставил два соборных послания, написанных в конце жизни, в Риме, которые внесены в канон священных книг. Под его именем известны еще другие послания, но не вошедшие в канон, например, евангелие, послание к Клименту в Риме и две другие литургии. 3. Святой апостол Иаков (Старший) — сын рыбака Заведя, вероятно, Вифсаидского, и брат Евангелиста Иоанна Богослова. Вместе с другими апостолами апостол Иаков устраивал Иерусалимскую церковь и, по всей вероятности, совсем не выходил из Иерусалима, где претерпел мученическую кончину в 44 г. при Ироде Агриппе. 4. Святой апостол Иоанн Богослов. Возлюбленный ученик Господа, присутствовал при крестных страданиях Спасителя и здесь получил от Него завещание заботиться о Пресвятой Деве Марии ([Ин. 19:27](#)). Выполняя завещание Господа Иисуса Христа, святой апостол Иоанн не оставлял Иерусалима до успения Божией Матери (15 августа 46 г.). Во время Апостольского собора в 50 г. апостол Иоанн был еще в Иерусалиме, а затем после того, как церкви в Малой Азии, по случаю заключения апостола Павла в Узы, лишились в 60 г. руководителя, апостол Иоанн прибыл на Малоазиатский полуостров. Апостол остался жить постоянно в Ефесе. Он заботился об устройении Церкви Божией здесь и в других малоазиатских городах (по всей вероятности, в тех, о которых упоминается в его Апокалипсисе). Во время гонения на христиан при императоре Домициане апостол Иоанн был отправлен проконсулом Азии в Рим на суд кесаря. Там он подвергся жестоким истязаниям, но, сохраняемый силой Божией, перенес их: яд, данный апостолу, не причинил ему вреда; когда его бросили в котел с кипящим маслом, он остался невредимым. Видя это, Домициан сослал его (93—96 гг.) на пустынный остров Патмос, куда ссылались только самые тяжкие преступники. Здесь апостол Иоанн удостоился чудесного Откровения от Бога о будущей судьбе Церкви Христовой, и записал его в особой книге — «Апокалипсис». Во время пребывания на Патмосе Иоанн просветил христианством всех жителей острова. По смерти Домициана в 96 г. апостол Иоанн возвращен был императором Нервою в Ефес. Главная забота его теперь состояла в том, чтобы сохранилось в чистоте учение Христово. В то время начали вкрадываться в общество христиан опасные еретики, появилось множество лжеучителей, которые извращали слово Божие и превратно толковали то, что в Священном Писании казалось им непонятным. В обличие этих еретиков апостол Иоанн написал Евангелие и в нем подробно изложил те беседы и деяния Господа, в которых особенно ясно открывалось учение о Божестве Иисуса Христа. С этой же целью написаны были им и три соборных послания. Последние годы своей жизни из-за старческой немощи апостол не мог говорить много и повторял только одно наставление: «Дети, любите друг друга». На вопрос, почему он так часто повторяет одно и то же нравоучение, апостол ответил: «Это самая необходимая заповедь: если ее исполните, то весь Христов закон исполните». Святой Иоанн — единственный из апостолов, кто скончался естественной смертью в начале II века при императоре Траяне в 101—105 гг. в Ефесе. За особенную высоту его учения о Боге Слово Церковь присвоила ему наименование Богослова. 5. Святой апостол Филипп был родом из Вифсаиды, родного города Петра и Андрея. Филипп имел жену и трех дочерей. Он проповедовал во Фригии, где долгое время управлял Церковью в Иераполе. Однажды на дороге от Иерусалима к Газе апостол Филипп обратился ко Христу и крестил Эфиопского вельможу ([Деян. 8:26-40](#)). Этим событием было положено основание Церкви в Эфиопии. В Иераполе при императоре Домициане он был распят и погребен. 6. Святой апостол Варфоломей (или Нафанаил) был родом из Каны Галилейской. Каков был его род занятий, неизвестно. Он проповедовал в южной Аравии, куда принес Евангелие от Матфея на еврейском языке. Был в Персии и Великой Армении, где в городе Альбанополе претерпел мученическую смерть — распят на кресте (68—71 гг.). 7. Святой апостол Фома, называемый также Дидимом. Происхождение его достоверно неизвестно. Воскресению Спасителя он поверил только после

того, как собственными глазами и руками осязал язвы на Его Пречистом Телѣ. Он проповедовал Евангелие в Парфии, Индии и на близлежащих островах; в Индии он и претерпел мученическую кончину. 8. Святой апостол Матфей, которого отождествляют с мытарем Левием, был сборщиком податей в селениях близ Галилейского озера. По рассказу церковного историка Евсевия, сначала он проповедовал евреям, потом, когда решился идти на проповедь к другим народам, то написал на еврейском языке Евангелие. По позднейшим сказаниям, он представляется проповедующим то в Македонии, то в Сирии и Парфии, Эфиопии и других странах. Несомненен тот факт, что он проповедовал вне пределов Римской империи. Обстоятельства его смерти также неизвестны. 9. Святой апостол Иаков был сыном Алфея и братом апостола и евангелиста Матфея. Приняв с другими апостолами Духа Святого, он отправился к язычникам проповедовать Христа и множество людей привел к вере в Него, через что приобрел себе и новое имя — «Семя Божественное». Он совершал апостольское служение сначала в Иудее, затем сопутствовал апостолу Андрею Первозванному в Едессу (древний знаменитый город в Месопотамии на р. Евфрате), проповедовал учение Христово в Газе, Елевфе-рополе (город Южной Палестины), в Египте и здесь, в городе Остракине (приморский город на границе с Палестиной), кончил апостольские труды свои мученической смертью. 10. Святой апостол Иуда (Иаковлев) — брат Господень, (надо отличать от Иуды-предателя) был братом апостола Иакова Праведного, епископа Иерусалимской церкви, одним из братьев Господа по плоти, сыном Иосифа Обручника от Соломии. По преданию он возражал при разделе земли Иосифом против наделения Иисуса Христа частью надела, не признавая Его своим братом. После, в знак смирения, он не осмеливался называть себя братом Божиим, а называл себя братом Иакова. Он проповедовал учение Христово в Месопотамии, Эдессе, в Армении. Пострадал в Армении в 80 г., вследствие чего армяне считают его своим покровителем. Им написано Соборное послание к христианам первенствующей Церкви. 11. Святой апостол Симон Зилот (Кананит) происходил из Канны Галилейской. Согласно преданию, когда Симон справлял торжество по случаю своего вступления в брак, то на это торжество он пригласил и Господа с Его учениками и Пречистую Марию. Но так как для гостей не доставало вина, то Господь претворил в вино воду. Будучи поражен этим чудом, жених уверовал в Господа Иисуса Христа как в Бога истинного, оставил брачное торжество и самый дом, последовав с усердием за Господом Иисусом. Поэтому он и был прозван Зилотом или «ревнителем». Получив Духа Святого в день Пятидесятницы, он отправился с проповедью о Христе по разным странам, прошел Египет, Мавританию, Ливию, Нумидию и Абхазию. Был он также в Британии, где просвещал верою Христовою язычников, за что и был распят ими. 12. Святой апостол Матфий, избранный на место Иуды Искариотского. О нем неизвестно ничего, кроме того, что он вместе с другими апостолами во время земной жизни Господа постоянно находился при Нем, почему и был избран для апостольского служения. Проповедовал в Иудее, Эфиопии, Македонии. Помимо перечисленных выше двенадцати апостолов, предназначенных для проповеди двенадцати коленам Израильским, Господь Иисус Христос избрал еще 70 учеников, в задачу которых входило распространение евангельской вести всем народам, населявшим землю. Трое из них оставили истории священные тексты, вошедшие в канон Нового Завета: 1. Святой апостол Марк сначала сопутствовал апостолам Павлу и Варнаве во время первого их путешествия, потом проповедовал вместе с апостолом Варнавою на о. Кипре и, наконец, присоединился к апостолу Петру во время его проповеди иудеям рассеяния. Хотя апостол Петр поставил его епископом Александрии, Марк тем не менее сопутствовал апостолу Петру в Рим и под его руководством написал там святое Евангелие для христиан и язычников. Из Рима он возвратился в Египет и после многих лет служения Церкви в сане епископа, скончался в Александрии мучеником. После завоевания Египта арабами-магометанами (в

первой половине IX века) христиане перенесли его мощи в Венецию. 2. Святой апостол Лука был родом из Антиохии Сирийской, в молодости получил греческое образование, знал врачебное искусство и живопись. Со времени второго путешествия апостола Павла он становится его спутником в Рим и разделяет с ним там страдания. После мученической кончины апостола Павла он проповедовал во многих странах. Скончался апостол Лука мучеником в греческих Фивах, где его, за неимением креста, пригвоздили к оливковому дереву. Мощи святого Луки из Фив перенесены в Константинополь. Он оставил Церкви Евангелие и Книгу Деяний святых апостолов. По преданию, апостол Лука написал несколько изображений Божией Матери, копиями которых считают Смоленскую и Владимирскую иконы Божией Матери (так называемая Одигитрия) и святых апостолов Петра и Павла. 3. Святой апостол Иаков, брат Господень, был сыном святого праведного Иосифа Обручника от его первого брака и потому называется (как и брат его Иуда) братом Господним. После сошествия Святого Духа апостол Иаков, по особому указанию Господа был поставлен апостолами первым епископом Иерусалимской церкви и потому все время оставался в Иерусалиме. Как предстоятель Иерусалимской церкви, управлял ею свыше 20 лет (на Апостольском соборе 50 года он занимал место председателя). Отличаясь всегда глубоким и строгим исполнением заповедей, он пользовался большим уважением, как от апостолов, так и всех верующих. Даже неверующие иудеи почитали его называли Праведным за усердные молитвы в храме, за посещение и строгое соблюдение закона. Многие из них обращались в христианскую церковь только по одному доверию к слову праведника. Но святая жизнь его и любовь народа не избавили апостола Иакова от мученической кончины. В 62 г., во время отсутствия в Иудее римского прокуратора, захватил в свои руки власть первосвященник Анан Младший, человек по природе необыкновенно жестокий. Когда наступил праздник Пасхи, и в Иерусалим собралось отовсюду много народу, он приказал апостолу взойти на один из портиков храма и оттуда объявить народу, что вера в Иисуса распятого как во Христа есть заблуждение. Вероятно, Анан надеялся, что, почитающийся праведником в народе, святой Иаков окажется скорее правоверным иудеем, нежели христианином. Апостол как будто решился исполнить эту просьбу: беспрекословно взшел на кровлю храма, но оттуда он безбоязненно исповедовал Иисуса Христа Сыном Божиим. Простой народ в радости воскликнул: «Осанна Сыну Давидову!». Раздраженный Анан велел низвергнуть апостола с кровли храма и побить его камнями. Страдалец не вдруг умер, но, собрав последние силы, стал на колени и сказал: «Господи Боже, прости их. Они не знают, что делают». В то время как на него летели камни, один сукновал ударил апостола вальком по голове и он скончался (на 96 году своей жизни). Убиение Иакова так сильно поразило совесть народа, что происшедшее через восемь лет разрушение римлянами Иерусалима и храма простой народ иудейский считал Божиим наказанием за кровь праведника. Иосиф Флавий, иудейский историк, описавший ужасы иудейской войны, говорит: «Все это случилось с нами за смерть праведника, брата Иисуса, называемого Христом. Иудеи убили его, хотя он был человек святой». От апостола Иакова сохранилось одно соборное послание нравоучительного характера. Ему же приписывается чин Божественной литургии, по которому она и доселе совершается в Иерусалиме однажды в год в день памяти святого апостола 23 октября (5 ноября).

§ 10. Общая характеристика и причины быстрого распространения Христианской

Церкви в Апостольский век

Апостолы по повелению Спасителя ходили с проповедью Евангелия по всем известным тогда народам. Римская империя была центром апостольской деятельности. А некоторые из апостолов, как было сказано выше, посвятили себя проповеди Евангелия среди народов варварских, вне пределов римского владычества. Все они исполняли дело своего служения с необыкновенною ревностью. Затруднений и препятствий для них как бы не существовало: голод и холод, преследования, темницы, смерть — ничто не останавливало их. Путешествуя с проповедью Евангелия, апостолы, за исключением некоторых, почти не останавливались на одном месте, но, устроив церковь в одном месте, переходили в другое. Результатом их деятельности было то, что во всех больших и значительных городах Римской империи, например в Иерусалиме, Антиохии, Ефесе, Солуни, Филиппах, Афинах, Коринфе, Александрии, Риме и других центрах устроены были христианские церкви. Даже во многих малых городах были христианские общины, как это видно из путешествий апостола Павла. Ученики апостолов, особенно ученики апостолов Павла и Иоанна, воспитавших целое поколение ревностных учителей и проповедников Евангелия, по большей части представителей основанных ими церквей, были их ближайшими помощниками в распространении христианства. Как быстро шло распространение христианства во времена апостольские, видно из того, что в самом начале II века, немного спустя после смерти Иоанна Богослова, правитель Вифинии, Плиний Младший доносил императору Траяну. По его словам, в этой области христианство проникло, как зараза, не только в города, но даже в села и деревни, так что опустели языческие храмы и прекратились языческие празднества. Конечно, такое множество христиан в Вифинии появилось не вдруг после смерти апостолов, а увеличивалось постепенно еще при их жизни. Вообще, в век апостольский на пространстве всей империи христиан следует считать многими тысячами. Что касается причин такого быстрого распространения Церкви Христовой в век апостольский, то, замечали христианские писатели последующего времени, такое распространение есть само по себе чудо, трудно объяснимое. Естественными причинами только отчасти можно объяснить факт быстрого распространения христианства в век апостольский. С одной стороны — обилие чудес в это время, высокая нравственная жизнь христиан, братская связь членов христианского общества, их благотворительность, помощь как своим братьям, так и язычникам, и, наконец, Божественное учение, проповедуемое ими, привлекали многих в Церковь Христову, с другой стороны — сами иудеи и язычники чувствовали потребность и нужду вступить в Церковь.

§ 11. Распространение Церкви после апостолов во II и III веках в Европе, Африке и Азии

После того, как апостолами были основаны во многих местностях Римской империи христианские общины, дальнейшее распространение христианства было делом ближайших их приемников и самих общин. Из таких приемников апостолов известны: Климент, третий епископ Римский (ум. 101 г.) после Лина и Анаклета, Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский (ум. 107 г.), Поликарп, епископ Смирнский (ум. 167 г.), Дионисий Ареопагит (ум. в начале II века) и другие. В свою очередь, эти ученики апостолов, например, святой Поликарп, приготавливали к проповеднической деятельности новых подвижников. Вообще же нельзя определенно указать, какие именно лица были распространителями христианства после времен апостольских, и какой они имели успех; можно сказать, что все члены и преимущественно предстоятели Церкви были непременными распространителями христианства. Христианские общины, основанные и устроенные апостолами и их преемниками, были уже настолько организованны, что могли сами собой содействовать распространению христианства. Из больших торговых или правительственных городов, в которых христианство утвердилось еще при апостолах, как из центров, Церковь распространялась по меньшим городам, и, наконец, селам. Жители многих городов и сел, приезжая в большие города по делам торговли или судебным, могли удобно знакомиться с христианством. То, что привлекало многих в Церковь в век Апостольский, привлекало и теперь. Особенно сильно действовало на расположение к христианству язычников высоконравственная жизнь христиан. Святой Иустин Философ, писатель II века, говорит об этом в своей апологии: «Мы можем представить вам многих, которые обратились к вере потому, что или по соседству видели степенность христиан в обыкновенной жизни, или во время путешествий были свидетелями их терпения среди всякого рода неприятностей, встречающихся на дороге, или узнавали их лучше, ведя с ними дела». В третьем столетии христианская Церковь имела своих членов во всех классах общества и так распространилась в Римской империи, что возбуждался вопрос о том, что должно существовать — язычество или христианство. Преследования христиан, возбуждаемые отживающим язычеством, вели только к тому, что на место замученных христиан приходили новые — во множестве из самих же гонителей. Из внутренних областей Римской империи во II и III веках христианство распространялось по самым отделенным ее провинциям и проникало в другие страны. Так, вероятно, посредством торговых отношений жителей Малой Азии с Южной Галлией занесено было в последнюю христианство малоазиатскими проповедниками. В III веке христианство распространилось в Галлии уже из ближайшей Церкви — Римской. Из Галлии христианство через тех же малоазиатских проповедников занесено было к германцам, обитавшим на востоке от нее. В конце же III века являются христианские церкви в отдаленной Британии. Сходство в церковном устройстве и обычаях древнебританских церквей с малоазиатскими свидетельствует о том, что христианство перенесено в Британию или из Галлии малоазиатскими проповедниками, или непосредственно из Малой Азии, что при торговых сношениях Малой Азии с Британией было весьма возможно и удобно. В начале II века христианство распространилось и в Африке, именно в Карфагене, а отсюда в Мавритании и Нумидии. При Тертуллиане, в конце II века, Карфагенская церковь уже была в цветущем состоянии; в конце II века и в первой половине III века здесь были уже большие соборы из местных епископов. Постоянные сношения этой церкви с римской говорят о том, что она получила свое начало от последней. Распространение христианства в Испании тоже относится ко II веку и шло тем же путем из Рима, как и в Карфаген. Из города Эдессы, где основал церковь

апостол Фаддей, христианство проникло в Персию.

§ 12. Иудейское гонение Церкви

На первых же порах существования молодой христианской Церкви среди еврейского населения Палестины и евреев рассеяния обнаружилось двойное отношение к Ней. Простой народ, как свидетельствует Книга Деяний Апостольских, относился к Церкви доброжелательно. Но привилегированные слои общества, преимущественно знатные евреи, принадлежавшие к сектам фарисеев и саддукеев, так называемые «иудеи», были крайне враждебны к Церкви и настраивали народ против христиан. Почему же так они относились? Дело в том, что еврейское общество отличалось внешним соблюдением обрядового закона (омовение рук и др.) и ожиданием Мессии в качестве земного царя, который должен был установить политическое господство евреев во всем греко-римском мире. Христианство явилось полной противоположностью иудейскому ожиданию Мессии и извращенному пониманию религии. «Царство Мое не от мира сего», «Бог есть Дух», «и таковых Он ищет», — говорил Спаситель. Поэтому вполне естественно иудейство встретило Церковь враждебно. Противодействие иудейства Христовой Церкви происходило по двум направлениям: I. Путем искажения смысла учения Христова и II. Путем физического уничтожения христиан. I. Искажение христианского учения появилось в первое же десятилетие существования Церкви, когда «неции из иудеев» пытались посеять недоверие к апостолам и распространить ложное учение о недостаточности евангельского закона для спасения и необходимости соблюдения обрядового закона ([Деян. 15:1-7](#)). Апостольский собор в 50 г. окончательно решил этот вопрос. Но противники Евангелия не успокоились и еще некоторое время волновали Церковь своим еретическим учением. Однако их влияние на христиан-евреев было не велико, а христиан-эллинов еще меньше. II. Иудеи стремились и физическим путем уничтожить христианство. Пользуясь относительной свободой судопроизводства и временным отсутствием контроля со стороны Рима, синедрион убивает архидиакона Стефана и преследует верующих в Иерусалиме (36 г.), убивает Иакова Зеведеева и заключает в темницу апостола Петра (44 г.). Иудеи покушаются на жизнь апостола Павла в 58 г. и убивают апостола Иакова, брата Господня в 63 г. А за пределами Палестины апостолы и христиане не раз подвергались нападению толпы по подстрекательству иудеев. В 66 г. в Иерусалиме подготавливается восстание против римлян. Помня слова Спасителя («Горе тебе, Иерусалим»), верующие христиане удалились за Иордан в город Пеллу, во владения еврейского царя Агриппы III, который к ним относился благожелательно. Когда в 70 г. после длительной и жестокой осады Иерусалим был взят римскими войсками под командованием Тита и разрушен до основания, то иудеи утратили возможность прямо преследовать Церковь, но ненависть их к христианам увеличилась еще больше, как мнимым изменникам отечеству. С этого момента они стараются клеветать на христиан перед римскими чиновниками и руками язычников преследовать ненавистную им Церковь Христову. Так продолжалось до IV века — 313 года.

§ 13. Отношение языческого мира к христианству

Отношение языческого мира к Церкви было гораздо разнообразнее и сложнее. Здесь следует различать три основные силы: государственную власть империи, народ и представителей языческого культа и классической древней культуры: 1. Законы Римской империи были направлены к установлению строгого порядка во всех областях общественной жизни. В частности, были определены законы и о религии. Подчиняя какой-либо народ в политическом отношении, Рим оставлял ему его религиозное верование. Поэтому в империи существовало много религиозных культов. Все они делились на дозволенные и недозволенные. Дозволенных религий было большинство; для этого требовалось, чтобы религию содержал издавна определенный народ; чтобы она не была тайной и не противодействовала государственным законам. В противном случае религия запрещалась, и ее сторонники преследовались по закону. Над всеми местными религиями завоеванных народов возвышалась религия завоевателей, то есть религия римлян. В каждом городе стояли жертвенники богине Роме и Августу, покровителям империи и императора. Римские законы видели основу и благополучие государства в пунктуальном исполнении государственного долга. Всем гражданам вменялось в обязанность принимать участие в языческих церемониях независимо от их желания. Различные общественные собрания, государственная и военная служба сопровождались участием в жертвоприношениях. Уклонение от них считалось нарушением государственных законов, враждебным отношением к империи и злоумышлением против цезаря. По участию в религиозных церемониях органы римской власти могли заключить о степени благонадежности граждан. 2. Простой народ разных национальностей, населявших Римскую империю, не отличался глубокой внутренней религиозностью. Личная религиозная жизнь язычников была очень проста. Она выражалась в периодическом принесении жертв и в неукоснительном выполнении всех религиозных законов империи. Язычники могли относиться к этим обязанностям формально, могли осмеивать своих богов и жертвоприношения, но выполняли все беспрекословно, потому что, во-первых, этого требовали законы, во-вторых, жертвоприношение было необходимо, по их мнению, для благополучия государства. Главное для простого язычника в религии составлял внешний обрядовый культ, то есть изображения, процессии, праздничное веселие и удовольствие. 3. Культурное языческое общество состояло из жреческого сословия, аристократии и представителей классического искусства, философии и науки. Жрецы и волхвы теряли свое влияние на народ с появлением христианства. Языческая религия для них служила средством существования. Для представителей классической культуры языческая религия утратила свое значение, но она была нераздельно связана с искусством, философией и наукой. Вообще для многих форм древней культуры языческие мифы и боги были основным содержанием, например, для изобразительного искусства, поэзии, театра, философии. Отрицание язычества грозило, как им казалось, уничтожением классической культуры, которой они не без основания гордились. Христиане принципиально отвергали языческую религию во всех ее проявлениях и все связанное с ней в религиозном отношении. Поэтому-то каждая общественная группа по-своему (но враждебно) относилась к христианам. Языческое правительство считало христианство религией недозволенной, а в христианах видело нарушителей законов, заговорщиков против благополучия государства и цезаря. Простой народ не понимал возвышенного христианского учения и нравственной жизни. Вдобавок под влиянием нелепых слухов, распространявшихся иудеями, он обвинял христиан в безбожии, человеконенавистничестве и разврате. Поводом к этому служило отсутствие у христиан внешнего культа, уклонение от общественных жертвоприношений и языческих празднеств.

Простой народ имел ложные представления о причинах бедствий. Во всех общественных бедствиях простой народ склонен был винить христиан и преследовать их. Жрецы, естественно, ненавидели христиан, так как из-за них уничтожилось язычество. Культурное общество презирало христианство как религию рабов, ибо христианство первоначально распространилось в низших слоях. Отрицательное отношение христиан к содержанию языческого искусства расценивалось как отрицание христианами культуры вообще, за что считали их опасными и требовали уничтожения. Кроме того, их удивляли мужество и героизм христиан при исполнении веры. Они это считали вредным и неразумным фанатизмом.

§ 14. Гонения на Церковь со стороны языческих императоров в I-III веках

Римское правительство на первых порах не отличало христиан от иудеев. По крайней мере, не видно, чтобы императоры Тиверий (12—37 гг.), в последние годы царствования которого явилось христианство, Кай Калигула (37—41 гг.) и Клавдий (41—54 гг.) имели понятия о христианах, как составляющих особое от иудеев религиозное общество. Правда, по приказу Клавдия, христиане были изгнаны из Рима, но такое распоряжение направлено было против иудеев, поднявших возмущение в Риме, и коснулось христиан только потому, что в римской христианской общине находились уверовавшие из иудеев. Гонения на христиан со стороны язычников начинаются собственно при императоре Нероне (54—68 гг.). До того же времени, если и были преследования, то частные и случайные, вроде того, как народ и воеводы напали на апостола Павла в Филиппах, по поводу изгнания им нечистого духа из одной служанки, или как в Ефесе поднял против него возмущение некто Димитрий среброковач в среде ремесленников, благосостояние которых зависело от того, что они работали на языческие храмы, которым христианство угрожало падением. Гонение при Нероне началось по следующему поводу. Деспот-император, губивший для своего удовольствия жизнь и благосостояния своих подданных, сжег больше половины Рима. Общественное мнение в этом пожаре обвинило его. Чтобы отклонить от себя подозрение и успокоить волновавшийся народ, Нерон обвинил в поджоге христиан. А так как о христианах сложилось уже мнение, как о людях самой позорной жизни и человеконенавистниках, то народ без труда поверил такой клевете, — и как правительство, так и народ начали преследовать христиан. В Риме правительство схватило множество христиан и обвинило их, по отзыву историка Тацита, «не столько в зажигательстве, сколько в ненависти к человеческому роду». Многие из них претерпели ужасные мучения, пока не были замучены до смерти. Их одевали в шкуры зверей и травили собаками, распинали на крестах, обливали горячими веществами и сжигали по ночам вместо факелов для освещения садов Нерона. Гонение при Нероне, начавшееся с 64 г., продолжалось до 68 г., когда этот государь самоубийством положил конец кровопролитию. В это время в Риме пострадали апостолы Петр и Павел; Петр был распят на кресте вниз головой, а Павел усечен мечом. Хотя Нерон не издавал никакого общего для всей империи закона относительно христиан, тем не менее гонение едва ли ограничилось одним Римом; по крайней мере, правители провинций могли теперь безнаказанно дозволять черни выражать свою ненависть к христианам насильственными мерами. Гонение при Нероне, в первый раз так жестоко разразившееся над христианами, было причиной того, что у них сложилась легенда, будто Нерон не умер, а ушел за Евфрат, откуда явится впоследствии в качестве антихриста. Императоры Веспасиан (69—70 гг.) и Тит (79—81 гг.) оставили христиан в покое, это были государи справедливые и вообще терпели в своей империи все как философские, так и религиозные системы и учения. Напротив, при Домициане (81—96 гг.) положение христиан изменилось к худшему. Этот государь отличался крайней подозрительностью и жестоко преследовал всех, кто казался ему опасным. Христиан он считал опасными для своей власти на том основании, что они ожидали наступления Царствия Христова. Не ограничиваясь преследованием христиан римских, Домициан вызвал к себе на суд последователей христиан из отдаленных провинций. Так, около 96 г. он вызвал из Ефеса в Рим апостола Иоанна Богослова, приказал ввергнуть его в котел с кипящим маслом, и когда он остался невредимым, сослал в заточение на о. Патмос. В гонение же Домициана святой Антипа, епископ Пергамский, сожжен был в медном быке. Чтобы отнять у иудеев всякую надежду на явление Мессии-царя, Домициан приказал разыскивать в

Палестине и привести к нему потомков Давида. Такими потомками оказались родственники Господа Иисуса Христа по плоти, внуки апостола Иуды, брата Господня, которые и были приведены в Рим. Но подозрительный царь вскоре отпустил их, не причинив им никакого вреда, так как увидел перед собой людей бедных, с загрубевшими от земледельческих работ руками, а из ответов их узнал, что они ожидают Царства Христова — небесного, а не земного. После Домициана императором был Нерва (96—98 гг.). Этот добрый государь возвратил из заточения всех сосланных его предшественником, между прочим, и христиан. Он не любил доносов, которые были в ходу при Домициане, и даже издал против них эдикт, особенно запрещающий доносы рабов на господ. Вследствие этого христиане в его правление не были тревожимы даже доносчиками, но христианство все-таки и при нем оставалось религией недозволенной. С наступлением II столетия положение христиан в Римской империи снова изменились к худшему. Сменивший Нерву Траян (98—117 гг.), считающийся лучшим правителем империи, был гонителем христиан, так как смотрел на них с языческой точки зрения. Заботясь о спокойствии в империи, Траян в 99 г. возобновил закон, запрещающий тайные общества. Этот закон прежде всего касался христиан, так как о них в языческом мире составилось уже мнение, как о людях, принадлежавших к тайному обществу. Кроме того, богослужебные собрания христиан, происходившие большей частью в ночное время и в местах, недоступных для язычников, по мнению римской администрации, составляли прямое нарушение упомянутого закона. Поэтому, наблюдая за точным выполнением закона, правители областей считали своей обязанностью преследовать христиан, как его нарушителей. Кроме закона против тайных обществ, касавшегося христиан косвенным образом, Траян в 104 г. издал еще специальный закон относительно их. Повод к изданию его был следующий. Правитель Вифинии и Понта, Плиний Младший, на основании закона 99 г., делал в своей области розыски о христианском обществе. Когда оказалось слишком много принадлежавших этому обществу, особенно же когда язычники подали ему безымянный донос со списками христиан, Плиний недоумевал, как поступить в этом случае, и обратился за разъяснениями к императору. В своем докладе, он, между прочим, писал, что по его мнению, ничего особенного преступного в христианах не оказалось, кроме «суеверия грубого и безмерного», почему он слишком упорных в этом суеверии (то есть христианстве) казнил, а отказавшихся от него (христианства) отпускал; в заключение же доклада спрашивал императора, нужно ли наказывать христиан за самое имя «христианин» или тогда, когда они окажутся виновными в других определенных преступлениях. В ответ на этот доклад Траян послал Плинию эдикт, который затем сделал обязательным для всех областных правителей. «В судопроизводстве над теми, которые представлены к тебе как христиане, писал он, ты поступал как должно. Вообще нельзя поставить одного правила, которое служило бы определенной нормой для всех случаев. Розыскиваемы они не должны быть; если представляют и обвиняют, они должны быть наказываемы; впрочем, так, что если кто не признает себя христианином и подтвердит это самым делом, то есть поклонением нашим богам, хотя бы прежде и был подозреваемым в неподчинении их, тот получает прощение за раскаяние. Безымянные же доносы не должны иметь место ни в каком судопроизводстве, так как это может произвести дурные последствия и должно быть чуждо нашего времени». Таким образом, Траян признал принадлежность к христианству государственным преступлением, подлежащим наказанию. В гонение Траяна, в числе многих других, претерпели мученическую смерть Климент, епископ Римский, Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, Симеон, епископ Иерусалимский, шестидесятилетний старец, сын Клеопы и премник Иакова Праведного по кафедре. Климент сначала был сослан в заточение в пустынный Херсонес и затем утоплен в Черном море (101 г.); Игнатий Богоносец отправлен был из Антиохии в Рим и здесь брошен на растерзание львам в амфитеатре (107 г.).

Симеон обвинен был пред проконсулом, как христианин и потомок Давида, и после многих истязаний распят на кресте. Качественное изменение характера гонений христианского общества состоялось при императоре Марке Аврелии Антонине Философе (161—180 гг.), последнем выдающемся представителе школы стоиков. Если ранее правительство не разыскивало христиан, производя над ними суд лишь тогда, когда их приводили в суд и обвиняли; теперь оно само начинает разыскивать и преследовать их. Марк Аврелий, замечая постоянное увеличение христианских обществ и опасаясь за государственную религию и целостность империи, старался всеми мерами поддержать в народе отечественное служение богам. Кроме того, как государь-философ и притом стоик, он смотрел на христиан как на заблуждающихся, упрямых фанатиков, и ненавидел их за их, по его понятию, суеверное учение, особенно за их горячую веру в будущую жизнь и святое одушевление при встрече со смертью. Такой государь не мог безучастно смотреть на христиан; если они, думал он, суеверны и фанатики, не разумеющие лживости своих убеждений и еще вредные для государства, то надо их разубедить, сообщить им правильные убеждения, чтобы они были достойными членами государства, хотя бы для достижения этой цели пришлось употреблять насилие. И вот, Марк Аврелий не только не останавливает, подобно прежним императорам, обычных народных возмущений против христиан, но даже сам издает «новый эдикт» касательно их, отличный от эдиктов прежнего времени. Теперь повелевалось разыскивать христиан, убеждать отказаться их от своих заблуждений, и если они останутся непреклонными, предавать пыткам, которые следует прекращать только тогда, когда они откажутся от своих заблуждений и принесут поклонение богам. Таким образом, преследование христиан при Марке Аврелии было очень жестоким. В это гонение христиане заявили себя особенно ревностно к вере; никогда в предшествовавшие преследования не было столько мучеников, сколько теперь. Святой Иустин Философ, основавший в Риме христианскую школу, погиб там мученически в 166 г. вместе со своими учениками. Император Декий Траян (249—252 гг.), достигший престола после борьбы за него с Филиппом Аравитянином, был ненавистником христиан уже по тому одному, что его предшественник был к ним благосклонен. Кроме того, как человек грубый, он не размышлял много о верованиях, следуя древнему идолопоклонству, и разделял убеждение, что целостность и благосостояние государства стоит в неразрывной связи с сохранением древней религии. Партии языческих фанатиков такой государь и был нужен. С христианами, отступившими от древней государственной религии и стремившимися заменить ее новой, Декий задумал поступить очень просто — истребить их совершенно. В 250 году он издал эдикт ко всем областным правителям, которым повелевалось всеми мерами, не исключая и насильственных, принуждать христиан следовать древней государственной религии. Преследования христиан, которое началось вследствие этого эдикта, превосходило все предшествующие, за исключением разве гонения Марка Аврелия, своей жестокостью. Правительство установило определенный порядок преследования. К определенному времени все христиане известной области должны были явиться в назначенное место и приносить жертвы. Если же они не являлись добровольно, то полиция разыскивала их, при пособии пяти избранных граждан. Некоторые из христиан при начале гонения спасались бегством. У таких конфисковалось имущество, и они теряли все гражданские права. Некоторые изменяли христианству и приносили жертву идолам; иные, хотя и не приносили жертв, но получали от суда «свидетельства» в принесении их; некоторые исповедовали себя христианами, но после жестоких мучений ослабевали и отрекались от христианства. Наконец, некоторые претерпевали всевозможные мучения, иногда оставались в живых, а большинство было замучено до смерти. В это жестокое гонение было много отпавших от христианства вследствие того, что в предшествовавшее ему спокойное время многие принимали христианство не по истинному убеждению, а ради личной выгоды. Вся тяжесть

гонения первоначально обрушилась на предстоятелей Церкви, которые были опорой для христианских обществ. Многих из них Церковь ублажает как мучеников и исповедников. Некоторые из епископов, чтобы в тяжкое время не оставлять свою паству без пастырского руководства, удалялись на время из тех мест, где они жили, и издали управляли ими. Так поступили святители Киприан Карфагенский и Дионисий Александрийский. А святитель Григорий Неокесарийский Чудотворец собрал всех пасомых и удалился с ними на время гонения в пустыню, вследствие чего у него совсем не было отпавших. К счастью для христиан, гонения продолжались только около двух лет, — Господь хранил Свою Церковь. В конце 251 г. Декий Траян был убит во время войны с готами, и гонение на короткое время утихло.

§ 15. Гонение на христиан в начале IV столетия при Диоклетиане и других императорах

В 284 г. на императорский престол вступил Диоклетиан (284—305 гг.), с именем которого связано последнее жестокое гонение на христиан, хотя лично он принимал в нем не особенно большое участие. Это был государь благоразумный, справедливый, поставивший задачей своего правления восстановить блеск Римской империи. Сознывая, как трудно одному управлять таким обширным государством, какова была в то время империя, на окраине которой производили постоянные набеги варварские народы, он в 285 г. выбрал себе соправителем одного из своих полководцев храброго Максимиана Геркула, которому поручил западную половину империи, с титулом августа. В 292 г. он избрал еще двух помощников в управлении, с титулом кесарей, Констанция Хлора для Британии, Галии и Испании, и Галерия для Иллирии. С последним Диоклетиан вступил в родственную связь, отдав ему в замужество свою дочь Валерию. Что касается самого Диоклетиана, то в продолжение почти двадцати лет своего правления он не преследовал христиан, хотя лично был приверженцем языческой религии. Как благоразумный политик, стремившийся успокоить свое государство, волнуемое внутренними смутами, и, может быть, еще по чувству человеколюбия, признаки которого были заметны в нем, страшился начать кровопролитие христиан, тем более что их было слишком много. Максимиан Геркул, грубый солдат, не входивший в политические соображения Диоклетиана, готов был преследовать христиан, особенно находившихся в его войске и нарушавших военную дисциплину отказом в принесении языческих жертв. Напротив, помощник Геркула, кесарь Констанций Хлор, человек добросовестный, уважаемый деятель, смотрел на христиан без предубеждения, даже уважал их за твердость в вере, основательно предполагая, что они также твердо должны быть преданы государю. Злейшим же из всех правителей врагом христиан явился зять Диоклетиана, жестокий кесарь Галерий. Диоклетиан, пока был в силах и не состарился, сдерживал вредные для империи порывы Галерия к уничтожению христианства; кроме эдикта об удалении христиан из военной службы, он долгое время не соглашался издать какой-либо общий закон относительно их. Наконец, в 303 г. Галерий достиг своей цели. Он приехал в Никомидию, что в Вифинии, местопребывание Диоклетиана, и, поддерживаемый жрецами и другими фанатиками, настоятельно требовал издания общего закона против христиан. Старый, больной и тяготившийся делами правления, Диоклетиан подчинился влиянию своего зятя и допустил преследование. Никомидийские христиане прежде других испытали нападение: их «великолепная церковь» была разрушена до основания, священные книги были отняты и сожжены. Вслед за этим последовал общий эдикт следующего содержания: все богослужебные собрания христиан запрещаются, христианские храмы должны быть разрушены, списки Священного Писания должны быть отбираемы и сожигаемы; все исповедующие христианство лишаются своего достоинства и гражданских прав, у христиан-рабов отбирается навсегда надежда на освобождение; при суде над христианами дозволяется употреблять пытки, без принятий от них жалоб. После такого эдикта началось преследование христиан по всей империи. Западные правители, к которым он препровожден был для исполнения, должны были поступать также сообразно уму. Благосклонный к христианам Констанций Хлор нашел, однако, возможность применять его без особенного отягощения для христиан, допустив только для формы разрушить несколько церквей, тогда как Максимиан Геркул начал дело разрушения храмов и сожжения священных книг со свойственной ему настойчивостью и жестокостью. После продолжительного спокойствия, которым христиане пользовались в последнее время, начавшееся гонение было особенно тяжелым для них, но они

показали себя достойными последователями Христа. Несмотря на все запрещения, они составляли богослужебные собрания, если не в храмах, которые разрушились, то в подземельях (катакомбах); книги Священного Писания, скрывались в потайных местах, и если не возможно было скрывать, то отдавали их вместе со своей жизнью. Некоторые, впрочем, из христиан, из страха перед пытками, выдавали книги Священного Писания, и таких Церковь отлучала как предателей. Вскоре после издания эдикта преследования христиан усилились еще больше. В Никомидии, во дворце Диоклетиана два раза открывался пожар; Галерий обвинил в поджоге христиан и смог убедить Диоклетиана, что в этом случае следует предполагать заговор. Происшедшее вскоре возмущение в Сирии и Армении дало Галерию новый повод обвинить в этом христиан, особенно лиц духовных, мнимых защитников бунта, и еще усилить преследование. По этому поводу был издан эдикт, которым повелевалось всех предстоятелей церквей и других духовных лиц, как политических преступников, заключать в темницы. Немедленно заключено было в темницы множество епископов, пресвитеров и диаконов. Скоро появился и третий эдикт: всех заключенных, принесших жертвы идолам, освобождать, остающихся же непреклонными, мучить жестокими пытками. И вот, много предстоятелей церквей и других духовных лиц было замучено до смерти. Наконец, в 304 г. вышел четвертый эдикт, которым все христиане поголовно были осуждены на пытки, мучения, с целью принудить их к отречению от христианства и принесения жертвы идолам. Теперь жестокость мучителей не знала никаких границ. Почти во всех областях империи началось открытое избиение христиан. Мучители нарочно выдумывали разные формы мук и пыток, чтобы склонить христиан к отречению. Современник настоящего гонения, Евсевий, епископ Кесарийский (ок. 260—340 гг.), в своей «Церковной Истории» рассказывает подробно о всех ужасах, сопровождавших преследования христиан в разных областях и городах империи. Между тем, в управлении империей произошли существенные перемены. Через два года начала гонения, в 305 г. оба императора, Диоклетиан и Максимиан Геркул, удалились от дел правления. Титул августов получили на востоке Галерий, а на западе — Констанций Хлор; место кесарей, по избранию Галерия, заняли: на востоке — его родственник Максимиан, а на западе — Север. Север, впрочем, скоро был свержен Максентием, сыном Максимиана Геркула, который сам на время принял участие в управлении для поддержки сына. Затем, в 306 г. произошла еще перемена в управлении империей, особенно важная для христиан. Констанций Хлор умер, и титул императора на западе принял его сын, Константин, унаследовавший благосклонность своего отца к христианам. Злейший враг христиан, восточный император Галерий, пораженный тяжкой и неизлечимой болезнью, убедился, наконец, что никакая человеческая сила не может уничтожить их. Поэтому в 311 г., незадолго до своей смерти, выбрав себе приемником одного из своих полководцев, Ликиния, вместе с ним и западным императором Константином издал эдикт о прекращении гонения на христиан. Этим эдиктом римское правительство торжественно засвидетельствовало свое бессилие в борьбе с христианами, признав все свои старания обратить их к древнему учению отцов, то есть идолопоклонству, бесплодными. Правительство вынуждено было сказать: «Пусть снова будут христиане, и пусть они строят свои молитвенные дома. С тем только, что бы ни в чем не поступать против порядка». Вследствие этого эдикта Галерия, Ликиния и Константина христиане, гонимые и ссылаемые, были освобождены от поисков и возвращены из заточения. Опять стали появляться христианские храмы, в которых по-прежнему начало совершаться богослужение. Даже язычники, познакомившись в последнее время еще ближе с христианами, радовались вместе с ними, изумлялись силе христианского Бога, защитившего Свою Церковь. В 312 г. император запада Константин, поразивший тирана Максентия, сделался единодержавным правителем запада и склонился окончательно в пользу христиан. В 313 г. то же самое случилось на востоке с Максимином, который был низвержен

Ликийским, утвердившим свое господство в провинциях.

§ 16. Миланский эдикт Константина Великого

В начале IV века, при постоянных столкновениях христиан с язычниками, последние знали уже хорошо, что такое христианское общество, какие цели и стремления, и не находили во всем этом ничего преступного, ничего достойного порицания. Массы народа, во время последних гонений, не принимали уже в них участия; даже некоторые проконсулы, например, в Карфагене, были настолько благосклонны к христианам, что позволяли им скрывать священные книги. Видя, что христианская Церковь после трехвековой борьбы за свое существование не уничтожена, не поколебалась даже в последнее жесточайшее из всех гонений, язычники начали сознавать, что в ней присутствует истинная божественная сила, чудесно защищающая её. Это сознание было присуще большинству язычников; только грубые фанатики, поднявшись на борьбу за умирающее язычество, чужды были его. Император Константин, поистине великий святой и равноапостольный, первый открыто высказал это тяготевшее над языческим миром убеждение в истинности христианства и ложности язычества. До обращения своего в христианство, он был одним из тех язычников, которые смотрели разумно, без предубеждения, как на язычество, так и на христианство. Первоначальное воспитание его под руководством отца, Констанция Хлора, и матери Елены, благосклонно относившихся к христианам, развило в нем то беспристрастие и благосклонность к христианскому обществу, которыми он отличался в последствии. Далее, с умом философски образованным, Константин, по своему положению имел возможность беспристрастно произвести сравнение между отживающим язычеством и полным жизни и силы христианством. В юности своей он состоял при дворе Диоклетиана и Галерия, видел все ужасы гонения на христиан, видел их твердость и мог понять, какая божественная сила одушевляла их идти на мученичество. Под влиянием живых и сильных впечатлений юности в душе Константина, не находившего удовлетворения религиозному чувству в язычестве, начинается религиозный переворот. Хотя в 312 г. он считался еще язычником и даже в 308 г. совершал служение богам, но религиозное сомнение не покидало его. Сближение с христианами, находившимися при дворе его, окончательно склонило его к предпочтению христианства перед язычеством. Кроме удовлетворения своего религиозного чувства новой религией, Константин, в противоположность своим предшественникам императорам, видел в замене язычества христианством не падение империи, а обновление ее жизни новыми началами; он знал, каким братством соединены были между собой христиане, какими верными подданными они могут быть и какой прочный оплот могут составить для государства. Чудесное видение креста, в 312 г. пред битвой с Максентием, утвердило еще более Константина в намерении принять христианство и заявить об этом открыто. После победы над Максентием он велел в Риме на видном месте поставить себе статую с крестом в правой руке и с надписью: «Этим спасительным знамением, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана». Очень скоро Константин, хотя еще он не принимал крещения, доказал самим делом свой переход в христианство. В начале 313 г. в Медиолане появился манифест за подписью его и Ликиния, позволяющий каждому свободное исповедание веры и, в частности, разрешающий свободный переход в христианство всякому желающему. Затем Константин повелел возратить все отнятое у христиан во время последнего гонения.

§ 17. Источники вероучения Новозаветной Церкви

Господь Иисус Христос во время общественного служения спасению людей Свое Божественное учение преподавал устно. Апостолы, посвященные Им во все тайны Царствия Божия и озаренные Святым Духом, были охранителями Его учения. Выступая сами на проповедь сего учения, они распространяли его также устно, так что христианское учение первоначально заключалось в вере и сознании каждого уверовавшего во Христа. Но в то же время, апостолы позаботились о том, чтобы Божественное Учение Основателя христианства сохранилось не только по преданию, но и в письме. По внушению Святого Духа они сами, или, под их надзором, ближайшие их сотрудники, с другой стороны, записали деяния Спасителя и Его учение, а с другой — оставили письменные памятники того, как они распространяли это учение, как понимали его сами, и как оно должно быть понимаемо верующими. Таким образом, в первое же время существования Христианской Церкви ее Божественное учение прочно было ограждено от примеси сторонних учений. Четыре Евангелия — Матфея, Марка, Луки, Иоанна, Деяния Апостолов, семь соборных апостольских посланий, четырнадцать посланий апостола Павла и Откровение апостола Иоанна Богослова — заключили в себе всю сущность христианского вероучения. Все эти книги составили Священное Писание Нового Завета; оно и сделалось источником христианского вероучения. Что касается Священного Писания Ветхого Завета, то и оно как боговдохновенное и полезное для научения, обличения, исправления и наставления в праведности, также было источником христианского вероучения о домостроительстве спасения рода человеческого. Но если евангелист Иоанн заметил, что весь мир не вместил бы написанных книг с подробным изложением всех деяний Христа Спасителя, если принять во внимание, что апостолы постоянно и довольно долгое время преподавали евангельское учение, то будет несомненно, что в священных книгах, оставленных ими Церкви, христианское вероучение изложено только в основных существенных пунктах. Частности учения развиты были апостолами устно и переданы вере и сознанию христиан, особенно предстоятелей церквей, основанных или посещенных ими. Поэтому, апостольское предание относительно частных и второстепенных сторон вероучения является также источником христианского вероучения. Преданием объясняется и дополняется все письменно изложенное вероучение.

§ 18. Священное Предание и канон священных книг

Христианское вероучение, сосредоточенное в Священном Писании и Священном Предании, на все последующие времена должно было оставаться неизменным в том самом виде, в каком оно заключалось в этих источниках. Поэтому, первой заботой Церкви послеапостольских времен было привести к единству источники своего вероучения. Прежде всего, нужно было составить сборник всех писаний, несомненно принадлежавших апостолам, который был бы образцом апостольской веры для всей Вселенской Церкви. К этому побуждало Церковь и то, что еще во времена апостолов, а особенно во II веке, стали появляться с одной стороны писания учеников апостольских, а с другой — сочинения подложные, подписываемые именами апостолов; нередко заключающие еретическое учение. Нужно было отделить собственно апостольские писания от неапостольских и еретических. В этом случае Церковь поступала со строгой разборчивостью, и только после продолжительных исследований о той или другой книге, хотя принадлежавшей апостолам, но не общеизвестной, принимала ее в состав сборника священных книг. Таким образом, постепенно образовался один во Вселенской Церкви Сборник Священного Писания Нового Завета или канон Священных книг Нового Завета. Также заботливо охраняла Церковь неприкосновенность Священного Предания. Только то предание признавала она священным, апостольским, которое несомненно шло от самих апостолов и при том не противоречило их писаниям. Таким образом, предание, сохранившееся в церквях, основанных самими апостолами, считалось истинно апостольским преданием. А что эти церкви сохраняли предание неповрежденным, за это ручался надежный и верный способ их хранения. Хранителями апостольского предания были предстоятели церквей: непосредственные ученики апостолов, или самими поставленные, которые в свою очередь передавали его своим преемникам. О таком способе хранения предания есть замечательное свидетельство Иринея Лионского, ученика святителя Поликарпа Смирнского. «Быв еще отроком, — писал он Флорину, впавшему в ересь, — я видел тебя в нижней Азии у Поликарпа. Тогдашнее я помню тверже, чем недавнее; потому что познание детского возраста, укреплялось вместе с душой, укореняется в ней. Так, я могу наименовать даже место, где сидел и разговаривал блаженный Поликарп. Могу показать все входы и исходы его; начертать образ его жизни и внешний вид; изложить его беседы с народом, описать его обращение с Иоанном, как он сам рассказывал, с прочими самовидцами Господа; изображать, как он сам припоминал слова их; как и что слышал о них о Господе, как он пересказывал о Его чудесах и учении, о чем получил предание от людей, которые сами видели Слово Жизни. Я записывал слова его не на бумаге, а в сердце, и благодать Божия помогает мне всегда сохранить их в свежей памяти». Предание имело весьма важное значение в Церкви. Нередко, когда возникали в частных церквях недоразумения и споры относительно того или другого пункта вероучения, на который не было указания Священного Писания или было, но краткое — предстоятели церквей, сохранившие апостольское предание, на согласовании его разъясняли недоразумения. Всякое учение, несогласное с преданием, Церковь отвергало как неправильное, и всякое учение правильное только тогда признавала правильным, когда оно проверено было преданием.

§ 19. Краткое изложение церковного учения о символах

Спаситель дал апостолам заповедь принимать в Его Церковь всех после предварительного научения истинам веры. Поэтому апостолы, прежде чем принимать в Церковь новых членов, старались научить их. Так делал апостол [Петр](#), когда после сошествия Святого Духа, обратился ко Христу около трех тысяч человек, или при обращении сотника Корнилия; также поступал диакон Филипп в Самарии, равно как и апостол Павел и другие апостолы. Из примеров предварительного научения истинам веры, представленных в книге Деяний Апостольских, видно, что такое научение ограничивалось только главными истинами. Апостолы говорили о важнейших событиях ветхозаветной и новозаветной истории в приложении их к домостроительству спасения, убеждали покаяться и уверовать в Иисуса Христа, как в обетованного Мессию и Спасителя. После того как слушавшие апостольскую проповедь усваивали основные истины христианства и заявляли о своей вере в эти истины, апостолы принимали их в Церковь через Крещение. Таким образом, при обращении верующих апостолами положено было начало краткому изложению основных истин веры, которые должен был знать и принимать с верой каждый вступающий в Церковь. После апостолов краткие изложения истин веры, составляемые на основании их писаний и преданий, были во всеобщем употреблении в Церкви и получили название символов, то есть образцов веры. Знание и исповедание веры в таком виде, как она изложена в символах, Церковь требовала от своих членов по примеру апостолов, при крещении их. Первоначально во всех церквях одного общего символа не было; та или другая поместная церковь имела свой символ. Но различие было только в форме, в выражениях, а не в сущности заключающегося в них учения. Содержание всех символов — одно и то же учение о Едином и троичном Боге, развиваемое также одинаково, но с дополнением в некоторых из них особых определений и выражений, прилагаемых к Лицам Бога Отца или Бога Сына, направленных против лжеучения тех или других еретиков. Известны символы церквей: иерусалимской, римской, антиохийской, кесарийской, галльской (в творениях Иринея), карфагенской (в сочинениях Тертуллиана), александрийской (в сочинениях Оригена) и других. Но уже в III веке, все символы мало-помалу стали получать однообразную форму: в IV веке на I и II Вселенских соборах окончательно определен был общий для всех церквей Символ веры, который сделался как бы суммой всего христианского вероучения и из которого возможно развитие его во всей полноте.

§ 20. Некоторые догматы, раскрывающиеся Святой Церковью

Излагая свое основное вероучение в символах вкратце, Церковь вместе с тем, в лице своих отцов и учителей, некоторые догматы, по требованию времени и обстоятельств, раскрывала и уясняла в сознании верующих подробнейшим образом. Таковы, например, догматы о Единстве Божиим, о Лице Иисуса Христа, о таинствах, о призывании и почитании святых. Языческому многобожию Церковь с особенной ясностью должна была противопоставить свое учение о единстве Божиим. При самом вступлении в общество христиан каждый уверовавший, если он был язычником, обязан был засвидетельствовать свою веру в Единого Бога, и потому во всех символах первым пунктом стоит учение о Едином Боге. Затем все отцы и писатели Церкви, опровергавшие язычников со всей обстоятельностью, раскрывали не только действительность, но и необходимость существования Единого Бога. В доказательство этого, кроме указаний на Священное Писание и Священное Придание, церковные писатели приводили то соображение, что совместное существование многих богов ведет за собой отрицание Божества вообще, так как боги, если их несколько, взаимно ограничивают один другого, а истинный Бог должен быть неограничен и потому Един. Другой догмат, раскрытый Церковью во II и III веках — это догмат о Святой Троице. Учение о Святой Троице в первое же время существования Церкви подвергалось многим возражениям со стороны язычников и искажения со стороны почти всех еретиков, а особенно антиринитариев. Поэтому Церковь вынуждена была настоятельно утвердить Троичность лиц в Боге. Все отцы и учителя Церкви II и III веков, на основании Священного Писания и Священного Предания, положительно без всяких колебаний, в своих сочинениях излагают учение о Святой Троице — Отце, Сыне, Святом Духе, приписывают одинаковое Божественное достоинство всем трем Лицам, называя каждого Богом, утверждают самостоятельность и отдельное бытие каждого. Вместе с догматом о Святой Троице раскрывается также и догмат о Лице Иисуса Христа. Церковь, в лице своих Отцов и учителей, положительно утверждала, что Иисус Христос есть Бог и вместе с тем человек, с душой и телом человеческими. Что касается таинств, то учение о них, раскрытое Церковью во II и III веках, то же самое, какое содержит Православная Церковь в настоящее время. Все Церковные писатели II и III веков согласно признавали таинства такими священнодействиями, через которое невидимо сообщается благодать Божия, возрождающая, обновляющая и освящающая человека, принимающего их. Также согласно учили многие писатели Церкви, что таинства имеют Божественное происхождение, что они должны быть совершаемы в известных определенных формах и уполномоченными на то лицами, и от такого совершения таинств поставляли в зависимость их действительность. Что касается числа таинств, то хотя ни один из писателей II и III веков не говорит о таинствах вместе, но порознь они говорят о всех семи, один об одном таинстве, другой — о двух, третий — о трех и т.д. В частности, о таинстве Крещения они учили, что оно должно быть совершаемо над всеми, вступающими в Церковь, через троекраное погружение в воду во имя Отца, Сына и Святого Духа, для рождения в новую духовную жизнь, с отпущением всех грехов. О Евхаристии Отцы учили, что в ней под видом хлеба и вина преподаются верующим истинное Тело и истинная Кровь Господа Иисуса Христа; что хлеб и вино становятся действительным Телом и действительною Кровию Господа после молитвы о призывании на Святые Дары Святого Духа; что причащаться должны все верующие и под обоими видами, то есть Тела и Крови Христовой; что Евхаристия есть благодарственная и умилоостивительная жертва за живых и умерших. О Покаянии отцы учили, что оно должно быть совершаемо через устное исповедание грехов перед пастырями Церкви, и через формальное, именем Божиим, разрешение кающегося от грехов. Наконец, у некоторых церковных писателей II и III веков есть

следы учения о призывании и почитании святых. С самого начала общим верованием христиан было, что между Церковью земной и Церковью небесной существует взаимное общение, что святые, принадлежащие к Церкви небесной, своими молитвами ходатайствуют пред Богом за живущих на земле. Это верование, основание которого заключается в изречении Иоанна Богослова в Апокалипсисе ([Апок. 8:3-5](#); 5,8), раскрыто у святителя Киприана, епископа Карфагенского, и особенно у Оригена. Вместе с этим верованием и на основании его, естественно, впервые же времена церковной жизни установилось учение о необходимости призывания святых и почитании их, как посредников между Богом и людьми. Самый факт почитания мучеников и их останков во II и III веках говорит за распространенность учения о почитании святых.

§ 21. Происхождение ересей и лжеучений

Христианское вероучение, заключающееся в Священном Писании и Священном Предании, явилось в Церкви, как данное, которое должно быть принимаемо и усвояемое каждым верующим без изменения, так, как оно заключается в своих источниках. Но так как у людей, составляющих Церковь, степень понимания и усвоения тех или других истин различна по различию силы их веры и понимания откровенного учения, а также по разнообразию первоначального воспитания и умственного развития, то и христианское вероучение на первых порах исторической жизни Церкви входило в сознание членов её различно. С одной стороны, мы видим людей, с верою во всей полноте принявших и усвоивших христианское учение именно так, как оно заключается в своих источниках, с другой — людей, принимавших христианство только по форме, внешним образом, не понявших его сущности, а поэтому искаживших его примесью посторонних учений, не имеющих основания ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Отсюда в сознании людей христианское вероучение является или таким, каким оно должно быть в своей идее: истинным, правильным, или искажённым, неправильным. В первом случае оно, в церковно-исторической жизни, является как православие, во втором — как ересь.

§ 22. Еретики иудействующие

Начало ересей иудействующих восходит ко времени Апостольского Собора 50 г. На этом Соборе по вопросу об отношении иудейства к христианству было решено, что соблюдение Моисеева закона не обязательно для христиан, так как в Христианской Церкви спасение совершается благодатью Господа Иисуса Христа, а не исполнением Моисеева закона. Несмотря на такое решение, партия христиан из иудеев фарисейского направления, возбудившая вопрос об отношении иудейства к христианству, осталась при своих убеждениях, а именно, что Моисеев закон и вообще все иудейство необходимы для спасения и в Христианской Церкви. Первоначально убеждения этой партии не имели характера ереси, так как в Палестине все христиане из иудеев, по установившемуся обычаю, исполняли закон Моисеев и обрезывались. Но в начале II века партия ревнителей Моисеева закона уже резко выделялась как еретическая. В 30-х годах того же века после разрушения Иерусалима, когда строгое соблюдение Моисеева закона стало невозможным, часть христиан из иудеев совершенно оставила исполнение его, присоединялась к христианам из язычников, составивших церковь в построенном вместо Иерусалима городе, Элии Капитолине, и даже согласилась на избрание епископа из необрезанных; партия же христиан из иудеев, отстаивавшая соблюдение Моисеева закона, решительно отделилась от Церкви и образовала отдельное, вполне еретическое общество. Впрочем, и эта партия распалась на две части строгих ревнителей закона и умеренных. Первые известны под названием евионитов, вторые — назареев. Назареи, в сущности, не отступали от общецерковного учения, признавая Иисуса Христа Мессией и Богом, допуская его сверхъестественное рождение. Но при этом они считали необходимым соблюдение Моисеева закона для христиан из иудеев, не придавая ему такого значения для христиан из язычников и признавая ап. Павла для последних учителем Божественной мудрости. Церковь относилась снисходительно к этой партии иудействующих, не считая их в собственном смысле еретиками. Партия назареев в небольшом количестве существовала до IV века. Совсем другое представляла партия евионитов, получивших такое название от еврейского слова «евион», что значит бедный. Они признавали решительно необходимым для всех христиан соблюдение Моисеева закона, считая поэтому апостола Павла, восставшего против этого, отступником от веры. По их понятию, иудейская религия и с пришествием Христа Спасителя по-прежнему имеет важное значение в деле спасения людей. Таким образом, значение христианства как религии, имевшей своей задачей обнять весь мир, ограничивалось. Евиониты не придавали ему даже значение новой религии, а считали продолжением того же иудейства. Отсюда и учение их и Христе Спасителе было не такое, какое содержала и содержит истинная Христианская Церковь. Признавая его за Мессию, они ведали в Нем не Бога-Искупителя, а только великого пророка, подобного Моисею, который пришёл проповедовать о наступлении своего царства, в которое могли войти одни только иудеи. Вся деятельность его ограничивалась, по их понятию, только разъяснением закона и дополнением его новыми заповедями. Отрицая в Иисусе Христе Божественное достоинство, они признавали его простым человеком, сыном Иосифа и Марии, получившим Божественную силу и достоинство Мессии только в Крещении. Таким образом, главного догмата христианства об искуплении человечества Господом Иисусом Христом от греха, проклятия и смерти у евионитов не было. Смерть Спасителя не имела у них искупительного значения, она воодушевляла их только надеждой скорого вторичного пришествия его на землю, чтобы основать земное царство, которое будет существовать тысячу лет (хилиазм). Евиониты отличались от истинной Христианской Церкви и в церковной практике. Так, они совершали таинство Евхаристии только однажды в год, в воспоминание Тайной вечери

Спасителя, и употребляли в нем одну воду, как аскеты.

§ 23. Гностицизм

Гностицизм является ересью языческого корня и происхождение его следующее. Грубые суеверия языческого культа и отвлеченные философские учения не могли удовлетворить религиозных запросов образованных язычников. Многие из них пришли к мысли, что их религия и философские учения заблуждаются, но в каждой из них есть доля правды. Выбирая по своему усмотрению эти наиболее правдоподобные части, некоторые стали создавать смешанные (эклетические) религиозно-философские системы. Эти языческие мыслители стали называться гностиками (с греч. γνῶσις — знание). Для создания своих систем они выбирали наиболее возвышенные и таинственные учения из греческой мифологии и философии, из языческой, и даже иудейской религии. Однако попытки их были бесплодны; такие гностические системы были запутанны, сложны и удовлетворить религиозного чувства человека тоже не могли. Когда в мире стало распространяться христианское учение, языческие гностики высоко оценили его и стали вступать в Церковь. При этом они не отказывались от своих прежних возрений, а тайно считали их равноценными христианскому учению. Скоро многие из них стали создавать новые гностические системы, добавляя в свои прежние вымыслы кое-что из евангельских повествований и церковного учения. Так появились христианские гностические ереси. Главная цель гностиков состояла в объяснении тайны бытия Бога, мироздания, борьбы в мире добра и зла и конечного существования мира и человека. Хотя гностики стремились придавать своим сочинениям вид философской системы, они оставались запутанными фантастическими вымыслами. Системы гностиков многочисленны и разнообразны, так как каждый вносил что-нибудь своё. Общий же смысл их таков: во всем мире существует вечно две самостоятельных силы: добрая (Высочайший Дух) и злая (материя). Высочайший Дух производит из себя множество второстепенных вечных духов, эонов, которые все вместе составляют полноту Божества (плирому). Однажды один эон попал в материю. Из соединения Духа и материи образовался видимый мир, в котором постоянно происходит борьба между добром и злом. Чтобы помочь добру, Верховный Дух посылает в мир своего высшего эона — Спасителя. Он соединяется с человеком по имени Иисус и через Него открывает людям высшее значение и указывает средства спасения. Когда Иисус умер, эон возвратился в плирому. Смерть Иисуса не имеет никакого значения. Цель его жизни состояла только в учении. Причем для гностиков оно передается высшим таинственным образом, а для простых людей — в Священном Писании. Основным средством спасения служит преобладание Духа над плотью. Конечная цель всего мирового процесса состоит в возвращении духа и материи в свое первоначальное обособленное состояние. Гностические системы делились по месту их происхождения на две группы: Александрийские и Сирийские, которые различались по некоторым особенностям учения, и в свою очередь, делились на множество сект. Докеты учили, что Иисус только имел вид человека, и страдания его были кажущимися (призрачными). Сирийские последователи Маркиона отличались крайним аскетизмом. Николаиты считали, что для возвышения духа необходимо умерщвлять плоть и вели жизнь безнравную, они и подобные им назывались антиномистами (противозаконниками). Гностицизм наибольшее развитие имел во II и III веках, но некоторые секты просуществовали до VI века. Он был одной из опаснейших древних ересей по нескольким причинам. Во-первых, гностические писатели совершенно искажали христианское учение. Свои вымыслы излагали они в форме философских произведений и широко распространяли их. Многие язычники и даже не твёрдые христиане соблазнялись гностицизмом и пополняли число сектантов-еретиков. Во-вторых, гностическое учение искажало христианский нравственный закон. Многие секты представляли собой верх безнравственности, через них распространялись в

народе глупейшие суеверные обычаи. Для Церкви это имело серьёзное отрицательное значение. С одной стороны, они смущали верующих и заражали церковное общество, а другой — язычники смешивали настоящих христиан с сектами и по безобразной жизни еретеков судили об истинной Церкви. Некоторые языческие писатели, смешивали и Евангельские и еретические книги, и, конечно, не могли знать настоящего христианского вероучения. Церковь решительно боролась с гностицизмом. Против него писались обличительные сочинения (св. Ириной Лионский «Против ересей»), а верующие старались не иметь общения с сектантами.

§ 24. Манихейство

Манихейство представляет собой ересь также языческого корня. Основатель манихейства — учёный персидский маг Манес. Он некоторое время был христианином, и даже пресвитером, но за свои дуалистические воззрения впоследствии был отлучён от Церкви. Своё учение он изложил в книге «Ертенки-Мани» и стал проповедовать при дворе персидского царя. Там у него нашлись противники, с которыми он вступил в борьбу, потерпел поражение и был казнен в середине III века. Религиозные воззрения Манеса представляют собой причудливое смешение христианского гностического учения с дуалистической персидской религией. Так же как и в гностицизме, манихейство признаёт два начала: доброго Бога, духа с чистыми эонами и злого демона с духами тьмы и материи. Однажды в борьбе с чистыми духами демоны похитили частицу одного эона, Иисуса Христа, смешали его с материей и создали видимый мир и человека. Эон Иисус Христос разделился на две части: Страждущий Иисус в мире, и бесстрастный в каждом человеке и предмете. Чтобы спасти свою похищенную страждующую половину, бесстрастный Иисус сходит на землю и открывает людям, как спастись от власти материи. Однако его учение люди забыли, и к ним должен был придти для напоминания Дух Утешитель, Параклит. Конец борьбы и мира должен был наступить тогда, когда все части страждущего Иисуса возвратятся на своё место, видимый мир сгорит и всё займёт своё первоначальное положение. Манес выдавал себя за Параклита. Он проповедовал крайний аскетизм в качестве средства победы над материей, безбрачие, вегетарианство, запрещал уничтожать растения, так как считал, что везде и во всем присутствует частица Животворящего Духа. Секта манихеев распространялась и существовала главным образом в западной части империи до V века. Впоследствии она воплощалась в других формах и под другими названиями.

§ 25. Ересь антитринитариев

Учение о Троичности лиц в едином Боге представляет собой один из самых основных и таинственных христианских догматов. В Древней Церкви некоторые из вновь принявших христианство пытались дать ему философское рационалистическое объяснение. В большинстве случаев эти разъяснения по непостижимости самой тайны Святой Троицы приводили к отрицанию троичности лиц в Боге. Так появилась ересь антитринитариев или монархиан, признававших одно лицо в Боге. Антитринитариев по различию взглядов делили на две группы: 1) Антитринитарии-модалисты учили, что Бог Един, но проявляется в разных формах в разные времена. Бог-Отец открывается в Ветхом завете, Он же воплотился и пострадал, Он же пришел в виде Святого Духа. Эти еретики назывались также патрипассианами. Их представитель — Птолемаидский пресвитер Савелий (III век, Египет). 2) Антитринитарии-динамисты учили, что Бог един, но обладает различными божественными силами, которые действуют в мире в разное время. Одна проявилась на земле в лице Иисуса Христа, другая действует как освящающая сила в виде Святого Духа. Представителем ереси этого направления был епископ Павел Самосатский (III век, Сирия). Ересь антитринитариев большого значения не имела. Но лжеучения о Святой Троице в истории Церкви появлялись неоднократно.

§ 26. Монтеизм

Монтеизм возник в Церкви в 160 г. первоначально как раскол, но в последствии выродился в еретическую секту. Основателем этого нового учения и общества был необразованный учитель малоазиатской области Фригии Монтеан, человек крайне фанатичный. Он проповедовал необычайную строгость жизни, и выдавал себя за Святого Духа, произносил свои проповеди в состоянии иступления, экстаза. Эта особенность производила на невежественных слушателей большое впечатление. Из среды собирались почитатели и сотрудники, которые распространяли слухи о его мнимой святости. Монтеизм стал быстро распространяться преимущественно в мало просвещенных западных областях, даже среди духовенства, в частности, к монтеизму склонились римские епископы Елевферий и Виктор; в карфагенской церкви к монтеизму принадлежал некоторое время пресвитер Тертуллиан. Основные заблуждения монтеистов состояли в следующем: они считали, что чрезвычайные служения (в частности, пророческое), которое прекратилось уже с веком апостольским, могут существовать в Церкви всегда, и что Церковь должна постепенно усиливать строгость жизни и достигать все большей святости таким путем. Монтеисты проповедовали крайний аскетизм, увеличивали произвольные посты, фанатически стремились к мученичеству и требовали отлучения о Церкви всех отпавших и согрешивших, несмотря на раскаяние. Монтеисты осуждали все земное, даже самое невинные и дозволенные Церковью удовольствия, науку, искусство. Совершенно отвергали участие разума в постижении истин веры. Они ожидали тысячелетнего царства Мессии, в которое войдут только они. Допуская непосредственное озарения Святым Духом своих пророков, монтеисты считали их выше епископов, а себя духовно выше православных. Они отрицали необходимость иерархии и единения с Церковью для спасения. Секты монтеистов просуществовали до VI века.

§ 27. Хилиазм

Хилиазм — древнее учение, возникшее в Церкви, состоявшее в ожидании чувственного тысячелетнего Царства на земле Христа с праведниками. Причина его возникновения кроется в иудейском представлении о внешнем царстве Мессии в тяжелом положении Церкви во времена гонений, в ожидании избавления от мученичества и в неверном буквальном понимании некоторых мест Священного Писания. Хилиазм был распространен не только среди еретиков-евионитов, монтанистов, но встречается и у некоторых церковных писателей II и III веков. Хилиазм исчез сам по себе, когда Церковь достигла спокойствия в IV веке.

§ 28. «Учение Двенадцати апостолов»

В 1883 году митрополит Никомидийский Филофей Вриений открыл в Константинополе рукопись 1056 года, в которой помещено сочинение «Дидахи» («Учение Двенадцати Апостолов»), давно уже затерянное. Оно составлено в конце I века. «Дидахи» есть род катехизиса. В первой части содержится описание двух путей: пути жизни и пути смерти. Здесь даются нравоучительные наставления: любить Бога и ближних, прощать оскорбления, не иметь врагов, воздерживаться от страстей, почитать наставляющих. На пути смерти находятся люди, совершившие убийства, прелюбодеяния и другие грехи, которых мы должны остерегаться. Во второй части даются наставления о крещении, Евхаристии, посте и молитве; указывается, как относится к апостолам, пророкам, учителям, епископам и диаконам; как отличать ложных пророков от истинных. В заключении христиане убеждаются бдительно заботиться о своем спасении в виду умножения беззаконий и соблазнов в последние времена и неизвестности времени пришествия Господа.

§ 29. Мужья апостольские, их жизнь и творения

Мужья апостольскими непосредственно называются ученики, сотрудники и преемники святых апостолов. Их творения имеют характер апостольских писаний: краткость, простоту слога и широкий объем вопросов христианской жизни. Святой апостол Варнава, иудей расселения с острова Кипра, один из семидесяти учеников Спасителя, член Иерусалимской христианской общины и сотрудник апостола Павла. Апостол Варнава устраивал Церковь на о. Кипре и там мученически скончался около 70 года. Если приписывается одно послание, направленное против иудействующих еретиков. В этом послании разъясняются смысл нравственных постановлений Апостольского собора. Святой Дионисий Ареопагит родился в Афинах; путешествовал по разным странам для приобретения образования. В христианство обращен апостолом Павлом и им же поставлен первым Афинским епископом. Ревностно распространял христианскую веру. Скончался мученически. Ранее ему приписывались следующие творения: «О небесной иерархии» (учение о девяти чинах ангельских), «О церковной иерархии» (ее степенях), «Об именах Божиих» (разъясняется значение имен Божиих, употребляемых в Священном Писании) и др. Сегодня в церковно-исторической науке принято считать, что этот корпус творений появился не ранее VI века и принадлежит неизвестному автору, получившему прозвище Псевдо-Дионисия Ареопагита. Характерная черта всех этих сочинений — возвышенное и глубокомысленное богословствование. Святитель Климент, третий епископ города Рима (92—101гг.). Мученически скончался в Херсоне. От него сохранилось одно послание к Коринфянам, в котором он, как и апостол Павел, пишет о божественном происхождении церковного устройства, необходимости подчинения иерархии и соблюдение мира между христианами. Кроме того, он излагал в послании учение о будущем воскресении. Святитель Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, ученик св. апостола Иоанна Богослова, растерзан зверем на орне цирка в Риме при Траяне в 107 г. От него сохранилось семь посланий: к ефесянам, магнетианам, траллицам, римлянам, к святителю Поликарпу Смирнскому, смирнтянам и филиладельфийцам. В своих посланиях он излагает учение о Божественной и человеческой природе в Иисусе Христе и о необходимости единения верующих с епископом для сохранения в Церкви истинного учения. Послание святителя Игнатия содержат в себе образец вида и христианской нравственности. Святитель Поликарп Смирнский — ученик апостола Иоанна Богослова, рукоположенный им в епископа, пробыл на кафедре до глубокой старости и был сожжен на костре в гонение при Марке Аврелии. Из посланий святителя Поликарпа сохранилось лишь одно — к филиппийцам, в котором он, как и апостол Иоанн Богослов, говорит об истинном воплощении Бога-Слова. Святитель Папий, епископ Иерапольский — ученик Иоанна Богослова и друг Поликарпа Смирнского. Он изучил Священное Писание, собирал незаписанные изречения Господа Иисуса Христа, предание о Его земной жизни и составил 5 книг «Изъяснений Господних Изречений», которые сохранились в отрывках. Святитель Ерм, родом грек, член Римской церкви; в 140—55 гг. составил книгу «Пастырь», в которой описывает бывшее ему видение откровения о настоящей и будущей судьбе Церкви и о христианской жизни.

§ 30. Христианские апологеты

Различным притеснениям со стороны язычников христиане противопоставляли не только веру, мужественное терпение и кротость, но и сочинения в свою защиту. Эти сочинения назывались апологиями (с греч. *ἀπολογία* — защита) и были двух родов: 1) судебные, которые подавались императору или чиновникам с требованием побудить правительство рассмотреть христианское учение по существу и прекратить преследование; 2) научные апологии, в которых христианские философы доказывали истинность христианского учения и ложность языческих верований. Авторы таких сочинений назывались апологетами. Апологеты были не только хорошо образованными по тому времени людьми, но и глубоко верующими самоотверженными членами Церкви. Их открытое апологетическое выступление, стремление сказать правду о христианах, переубедить и помочь Церкви чаще всего приводило их к мученическому венцу. Судебные апологии появляются впервые при императоре Адриане во II веке. Афинский епископ Кодрат в своей апологии доказывал историческую действительность Христа Спасителя, истинность Его Божественного учения и чудес. От его апологии сохранился небольшой отрывок. Апология афинского философа Аристида, написанная в то же время, сохранилась полностью. Святой Иустин Философ был грек по национальности, родился в Самарии, славился широким философским образованием; перед принятием христианства он был последователем философии Платона. В середине II века Иустин поселился в Риме и устроил там христианское училище. На него по зависти донес сосед — учитель языческой философской школы. Иустин мученически скончался при Марке Аврелии (между 163 и 167 гг.). Святой Иустин написал две апологии: при императоре Антонине Пие (136—161 гг.) и Марке Аврелии (161—180 гг.), в которых просит защищать христиан от нелепых обвинений и преследований со стороны языческого народа и государственных чиновников. В своих апологиях он доказывает истинность христианской веры и приводит образцы христианской нравственности. Сохранились полностью также апология философа Афинагора. Особенно остро критиковал языческую философию христианский философ Ермий в сочинении «Осмеяние языческих философов». Кроме отдельных лиц с конца II века в защиту веры выступают целые христианские училища, где начинает развиваться богословская наука.

§ 31. Богословские школы и виднейшие учителя Церкви во II-III веках

В послеапостольское время христианское учение развивалось и стало принимать научную богословскую форму. Этому способствовали следующие обстоятельства: приход в Церковь образованных язычников, борьба Церкви с еретиками и языческими философами. Возникают центры богословского просвещения. В зависимости от характера преобладавшего там философского направления, от особенности богословских воззрений основателей и наиболее талантливых представителей в этих богословских училищах создаются целые направления в науке. Такие направления богословской мысли называются «богословской школой». Крупнейшими школами были: малоазийская, северо-африканская, александрийская и антиохийская. Школы малоазийская и северо-африканская отличались верным хранением апостольского предания.

§ 32. Малоазийская школа

Крупнейшим представителем малоазийской школы является святитель Ириней, епископ Лионский, ученик святого Поликарпа Смирнского (ум. 202 г.), написавший сочинение «Против ересей», которое отличается верностью апостольскому преданию. Кроме него известен епископ пристани близ Рима Ипполит. Между его сочинениями замечательны толкования на Священное Писание, а также труд литургического характера «Апостольское предание». Юлий Африкан — первый христианский историк — составил христианскую Всемирную историю в пяти книгах, которые сохранились только фрагментами в трудах церковных писателей.

§ 33. Североафриканская школа

Тертуллиан, пресвитер карфагенской церкви, первый латинский церковный писатель (ум. ок. 223 г.), сын римского сотника, высоко-образованный адвокат. Обладавал блестящим умом и твердой волей. Его стремление к строгости жизни и ревностное служение было причиной уклонения его в особый раскол с очень строгими нравственными правилами. Тертуллиан написал очень много апологетических сочинений (например, «Апологетика», «Две книги к народам»), вероучительных и нравоучительных (о крещении, покаянии, о молитве, о посте) и полемических («О давности против еретиков»). Святитель Киприан, епископ Карфагенский (ум. 258 г.), происходил из богатой семьи. Был ритором, славился ученостью. Принял христианство на сороковом году жизни. В сане епископа прославился мудростью и ревностью служения. Он глубоко чтит Тертуллиана, но не разделял его крайностей. Святой Киприан написал много полемических и апологетических сочинений («О суете идолов», «Свидетельство против иудеев»). Самое главное его творение — «О единстве Церкви», против раскольников.

§ 34. Александрийская богословская школа

Александрийская школа отличалась аллегоризмом, то есть стремлением к отвлеченному философскому толкованию Священного Писания и христианских догматов. Центром образования александрийских богословов было александрийское огласительное училище. Основателем его был Пантен (ум. 191 г.), до обращения в христианство афинский философ-стоик. Он писал толкования на Священное Писание, которые не сохранились: много путешествовал с проповедью Евангелия. Климент, пресвитер Александрийский (ум. 216 или 217 гг.) имел широкое языческое образование, много путешествовал с научной целью. В Александрии стал учителем и преемником Пантена. Его катихизаторская деятельность имела большой успех. В своих уроках и сочинениях он глубоко объяснял истины веры и нравственности и стремился придать им философскую форму. Иногда Климент слишком увлекался философией и аллегоризмом. Главные его сочинения: «Увещательное слово к эллинам», «Строматы» и «Педагог». Ориген (182—254 гг.) — знаменитый ученый богослов и церковный писатель. Сын ритора александрийского училища, мученика Леонида (ум. 202 г.), Ориген отличался широчайшим, глубоким богословским умом и подвижнической строгостью жизни. Образование он получил под руководством своего отца и Климента. За безупречную жизнь и высокую образованность Ориген был назначен учителем александрийского училища. Он пользовался славой и уважением и далеко за пределами Александрийской Церкви и даже среди язычников и еретиков. Ориген по приглашению путешествовал с проповедью в Аравию в 217 г., в Антиохию, ко двору будущего императора Александра Севера в 220 г.; успешно боролся с еретиками в Александрии, Греции и Аравии. Он много путешествовал и с научной целью. В одном из путешествий его рукоположили палестинские епископы в сан пресвитера. Слава Оригена вызвала к нему зависть в Александрии. Противоканоническое рукоположение послужило поводом для его удаления из родного города. Ориген окончил свою жизнь в Кесарии, где основал школу, имел много учеников и друзей. Скончался Ориген исповедником. За веру и строгость жизни он прозван адамантовым. Ориген обладал всесторонней ученостью. Ему приписывали до шести тысяч сочинений по разным отделам богословия. Особую славу ему создали тридцатилетние труды по восстановлению точного текста Священного Писания (тетраплы, гекзаплы) и толкования на Ветхий и Новый Завет. Из крупнейших богословских сочинений Оригена сохранились «Против Цельса», «О началах», «О молитве» и др. Ориген в некоторых вопросах слишком увлекался философией и отклонился от церковного учения, например, в вопросах о возможности раскаяния дьявола, о предсуществовании душ, в неправильном представлении о Святой Троице. Это произошло потому, что церковное учение тогда еще не было выражено полно и определенно, а могучий ум Оригена искал ответа на такие вопросы, постичь которые человеческому рассудку невозможно. В последствии эти мнения Оригена были осуждены на Соборах, но сам Ориген очень уважается, хотя святым и не признан. Он оказал огромное влияние на развитие богословия. Его ближайшими учениками и последователями были святитель Дионисий Александрийский (ум. ок. 265 г.), святитель Григорий Чудотворец, епископ Кесарийский (ум. ок. 269 г.) и мученик Памфил, пресвитер Кесарийский (ум. 309 г.).

§ 35. Антиохийская школа

Антиохийская школа основана в III веке пресвитерами Дорофеем и Лукианом, знаменитым исправлением текста Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Своего расцвета школа достигла в IV-V веках. Антиохийская школа, в противоположность Александрийской, отличалась буквальным пониманием смысла Священного Писания. Христианские догматы она стремилась объяснить в простых доступных разуму понятиях. В богословии и экзегетике здесь преобладало историко-критическое направление. Большое место в Антиохии занимала история, археология и практическое учение о христианской нравственности. Представителями этой школы были святитель Кирилл Иерусалимский, святитель Иоанн Златоуст, блаженный Феодорит, епископ Кипрский.

§ 36. Святость и чистота жизни христиан первых веков

Дохристианский мир не знал высоких нравственных истин и законов. Главным началом деятельности человеческой в языческом мире был эгоизм. Под влиянием его каждый и язычников, преследуя в жизни только свои личные интересы и цели, неминуемо нарушал человеческие права и достоинства другого. Отсюда в языческом мире злоба человека к человеку, вражда отдельных личностей и обществ, отсюда же разного рода злодеяния, преступления и пороки. Христианство принесло в жизнь новое начало — учение о братстве и любви всех людей между собой. Сообщая об этом новом начале Своим ученикам, Спаситель заповедовал, чтобы оно было отличительным признаком Его последователей. Христиане апостольского века, близкие ко времени Спасителя и видевшие перед собой жизнь апостолов, в своей жизни действительно представляли полнейшее осуществление этого начала; взаимная братская любовь была первой отличительной чертой их жизни. У множества верующих, замечается в «Деяниях Апостольских», было «одно сердце и одна душа». Люди, образовавшие собой Церковь Христову, несмотря на различие происхождения, общественного положения и состояния, считали друг друга братьями и любили друг друга, как братьев. Общественные бедствия вызывали благотворительность христиан во всей силе. Так, святитель Дионисий Александрийский описывает в привлекательном свете полное евангельской любви поведение христиан во время моровой язвы, свирепствовавшей в Александрии, сопоставляя его с поведением язычников. «Весьма многие, — говорит он, — от избытка любви и братолюбия не щадили самих себя, но поддерживали друг друга, безбоязненно посещали больных, неутомимо ходили за ними, и служа им ради Христа, вместе с ними радостно умирали, потому что, исполняясь страданиями других, привлекали к себе болезнь от своих близких и добровольно принимали их мучения. Таким образом, оставляли жизнь лучшие из наших братьев: некоторые пресвитеры и диаконы, и многие весьма похвальные от народа. Они принимали тела святых на распростертые руки и перси, закрывали им глаза, заключали уста, несли их на своих плечах и потом полагали, прижимали к себе и обнимали, украшали их умываниями и одеждами, а вскоре и сами сподоблялись того же, потому что оставшиеся в живых всегда следовали по стопам своих предшественников. Совершенно напротив поступали язычники: они прогоняли начавших хворать; убегали от самых любезных, выбрасывали на улицу полумертвых, оставляли без погребения мертвых, и таким образом старались избавиться от передаваемой и общающейся смерти, которую, однако, и при всех их усилиях не легко было им отклонить от себя». Римская церковь в половине III века содержала на общественные приношения более тысячи пятисот вдовиц и всяких немощных. Кроме того, как Церковь, имевшая в своей среде богатых членов, она посылала всегда пожертвования в другие церкви бедствующим от чего бы то ни было братьям. Известна также благотворительность церкви Карфагенской. Святитель Киприан во время нашествия варваров на Нумидию, когда они захватили многих христиан в плен, собрал со своих клириков и народа необходимую сумму и выкупил пленных. Такая братская любовь христиан простиралась и на язычников. Она проявлялась во взаимных сношениях между христианами и язычниками в жизни частной и общественной. Прямотушие и честность христиан в столкновениях с язычниками по делам житейским и особенно торговым, их верность, преданность и покорность правительству во всех делах, за исключением дел веры, замечаемы были даже языческим обществом и правительством и нередко вызывали сочувствие того и другого. Недаром Констанций Хлор и Константин, последний еще до принятия христианства, считали христиан самыми лучшими подданными в своей империи. Самым лучшим доказательством осуществления христианской заповеди о любви к врагам — язычникам служит случай в

Карфагене при Киприане во время язвы. Язычники, также как в Александрии, бросали на улицу тела больных и умерших от язвы, никто не хотел прибирать их; язва усилилась. Язычники стали обвинять христиан в том, что они прогневили богов, и из-за них боги посылают язву. Но тут во всей силе проявилась любовь христиан. Киприан увещал их помогать не только своим собратям, но и язычникам, так как они братья и дети Отца Небесного. Христиане, по его слову, одни без помощи язычников, очистили городские улицы от трупов и тем самым спасли город от дальнейшего распространения заразы. Другой отличительной чертой жизни христиан в первые века была чистота и строгость их нравов, особенно поразительная наряду с нравственной распущенностью язычников. Чистота супружеской жизни свято соблюдалось в христианских семьях. Связанные взаимной любовью, члены христианской семьи проводили жизнь в постоянных трудах и молитвах. На первых порах жизни Церкви мы видим многих подвижников и подвижниц разного рода. Одни принимали на себя обет девства, отказываясь от семейной жизни; другие — произвольной нищеты, отказываясь от своего имущества и раздавая его бедным; иные проводили время в непрестанной молитве, посте и воздержании, а некоторые соединяли все эти обеты вместе. Такие подвижники известны под названием аскетов. Ограничивая в себе чувственные потребности и удерживаясь от житейских наслаждений, они стремились возвысить свой дух над плотью, чтобы беспрепятственно посвятить себя на служение Богу. Аскетизм имел место в иудействе (ессеи и ферапевты) и в язычестве (стоики, пифагорейцы), но там он основывался на дуалистическом воззрении на мир, по которому материя отождествлялась со злом и считалась источником греха. В христианстве, напротив, ничто материальное не считалось источником зла, и ненависти к материальному не было; христианская аскетическая жизнь была свободным, необязательным подвигом, возвышающим дух человеческий над материальными условиями жизни, ради жизни чисто духовной. В I и II веках подвижничество во все его видах было явлением одиночным: подвижники жили в обществе других людей, не составляя из себя особого общества с определенными правилами жизни и не считали своих обетов неизменными. В конце III века подвижничество получает более определенный вид. Люди, стремящиеся к высшему нравственному совершенству, находят более удобным проводить жизнь аскетическую вдали от общества в пустынях, в которые и удаляются. Удалившиеся сюда подвижники получили название анахоретов, эремитов, и, наконец, монахов. Гонение Декия в середине III века послужило внешним поводом к началу анахоретского образа жизни. Некоторые из египетских христиан бежали в соседние пустыни и здесь, вдали от общества людей, проводили подвижническую жизнь. Из таких подвижников особенно замечателен Павел Фивейский. Пятнадцатилетним мальчиком он ушел в Фиваидскую пустыню и прожил в ней более восьмидесяти лет, не видя людей, питаясь дикими плодами, кореньями и травами и проводя время в молитвах. Павел Фивейский, таким образом, положил начало монашескому образу жизни. Но отцом монашества и организатором его был Антоний Великий, жизнь и деятельность которого относится более к IV веку.

§ 37. Значение мученичества

Борьба Церкви с внешней силой государства нашла выражение в мученичестве. Церковь послеапостольского периода была Церковью мучеников. Мученичество — в высшей степени характерное явление первого периода церковной истории. Его тесная связь с этим временем видна из того, как трудно передать на других языках греческое понятие «мартис». Древние восточные народы переводили его буквально — свидетель, славяне — мученик. В таком переводе слово «мученик» передаёт лишь второстепенную черту факта и является отзывом непосредственного человеческого чувства на повествование о тех ужасах и страданиях, которые переносили мученики. Такой перевод указывает, что в мученичестве эти народы больше всего поражены истязаниями мучеников, а не свидетельством за веру. Но христианин грек смотрел на явление с другой стороны. Мученики — это борцы веры; их мучение — это «подвиг» с оттенком торжественности. Следовательно, мученик — не пассивный страдалец, а герой — деятель. Действительно, внешние мучения не представляли собой чего-то необычного, потому что римские законы подвергали истязаниям всех преступников. Римляне часто видели кровавые сцены в амфитеатрах цирка; бои гладиаторов, зверей и т.п., так что они привыкли к таким зрелищам. Язычников более всего поражали не телесные мучения, а героизм и стойкость в вере мучеников. Ведь в то время народ признавал свою религию не в убеждении, а в выражении этого убеждения в культе, который можно совершать без веры, механически. Христиане же были настолько тверды в вере Христовой, что терпели всё, даже смерть. В уме язычников это не вмещалось: они никогда бы так не поступили. И вот здесь и выступает главное значение мучеников, как свидетелей истины христианской религии. На вопросы язычников: «Что есть истина?», христиане своей кровью засвидетельствовали об истине, в которой они были убеждены. О высоте подвига мучеников в истории Христианской Церкви свидетельствует уже то, что Сам Иисус Христос благоволил называть Себя «свидетелем верным» ([Апок. 3:14](#)) и мучеников — по славянскому словоупотреблению — Своими свидетелями ([Апок. 2:13](#)). Но Христос называется также и «апостолом исповедания нашего» ([Евр. 3:1](#)) и на апостолов возлагает служение быть Его свидетелями ([Деян. 1:8](#); 24. 16, 22). Итак, мученичество есть продолжение служения апостольского в мире.

§ 38. Христианские обычаи

Вся обстановка жизни первых христиан носила на себе религиозный отпечаток. Все их обычаи и в домашней и общественной жизни проникнуты были духом христианской религии. Так они при начале какого-либо дела полагали на себе крестное знамение. На стенах своих домов, на домашней утвари и посуде делали священные символические изображения. Делать изображения на стенах домов на домашней утвари и посуде было в обычае у язычников; предметом изображения у них служили, большей частью, сцены из мифологии. Христиане же заменяли мифологические изображения изображениями креста, рыбы, голубя, употреблявшимися затем и в самих храмах. Обычай христиан погребать умерших, молиться за них и делать приношения во имя их, по преимуществу, носит религиозный характер. Язычники тела умерших обыкновенно сжигали, христианская Церковь приняла обычай еврейский — помазывать тела умерших благовонными мазями и полагать в землю. Само погребение сопровождалось молитвами, пением соответствующих совершаемому действию псалмов и песнопений и даже надгробными речами, а также совершением Литургии в память умерших, и тем удобнее, что очень часто местами христианских богослужебных собраний бывали усыпальницы или катакомбы, в стенах которых ставились гробы умерших. Печаль об умерших умерялась радостным сознанием, что умерший во Христе имеет надежду воскресения для будущей жизни, почему и считалось приличным сопровождать погребение торжественным и радостным богослужением — совершением Евхаристии. Вследствие того общехристианского сознания, что умершие продолжают жить за гробом, христиане и после их смерти продолжали возносить за них молитвы, а в годовщины смерти, так же как и в день смерти, делали как бы от них приношения и совершали Евхаристию, причем в общественных молитвах умершие поминались поименно.

§ 39. Церковная дисциплина

В век апостольский, при всеобщей святости и чистоте жизни христиан, мы видим все-таки между членами Церкви несколько случаев уклонения от требований истинно — христианской жизни. Церковь, имеющая своим идеалом святость и чистоту своих членов, не могла допускать, чтобы в ее недрах развивалось такое зло. Поэтому она употребляла все меры к пресечению его и возвращению заблудших на путь истинный. Совокупность этих мер и составляет так называемую церковную дисциплину. Все эти меры узаконены Самим Спасителем. Первая мера — это нравственное увещание согрешившего, частное, наедине. Если такое увещание оказывалось не действительным, то следовала другая мера вразумления — обличение согрешившего сначала при нескольких свидетелях, а потом — перед лицом всей Церкви, публично. Наконец, если и эта мера не приводила согрешившего к исправлению, Церковь употребляла последнее средство к вразумлению, самое строгое — отлучение от своего общества. Все эти меры были употребляемы с постепенностью и последовательностью, так что к отлучению Церковь прибегала в крайних случаях, когда уже ни было надежды на исправление. Но и в этом случае Церковь имела в виду не наказание грешника, а исправление его; если он раскаивался, она опять принимала его в свое лоно. Обыкновенно, отлучение Церкви падало на еретиков, отступников от христианства и закоренелых грешников. Но случаев отлучения в апостольский век мы видим весьма немного. Так, апостол Павел, совместно с Коринфской Церковью, предал отлучению коринфского кровосмесника, но когда тот раскаялся, апостол просил Коринфскую Церковь простить его. Тот же Апостол отлучил лжеучителей Именей и Александра, чтобы они научились не богохульствовать, а апостол Иоанн запретил принимать в дом и приветствовать тех еретиков, которые не исповедуют Иисуса Христа пришедшим во плоти. Во II и III веках, когда в Церкви появилось много еретиков, а также было много падших во время гонения, случаи отлучения от Церкви повторяются довольно часто.

§ 40. Характер новозаветного богослужения и его составные части

Христианская Церковь, с самого начала своего существования, в числе других религиозных учреждений, имела свое особое богослужение, основные формы которого узаконены были Самим Спасителем. По своему характеру христианское богослужение явилось совершенно отличным, как от богослужения еврейского, так и от всевозможных языческих культов. Все устройство его носит на себе печать новой Божественной религии, данной человечеству Самим Господом Иисусом Христом. Богослужение языческое состояло исключительно из одних обрядовых церемоний; в богослужении еврейском также преобладала обрядовая сторона; имевшая, впрочем, прообразовательное значение для христианства. В Христианской Церкви, напротив, на первом месте поставлена религиозно-нравственная сторона богослужения, согласно заповеди Спасителя о поклонении Богу «духом и истиной». Характеру христианского богослужения соответствовал и состав его; в него еще во времена апостольские вошли: чтение Священного Писания, объяснения его (поучение), молитвы, песнопения и совершение таинства Евхаристии. Во II-III веках эти составные части богослужения получили большую определенность и полноту. Так уже в начале II века Священное Писание Нового Завета было заключено в особый сборник под общим названием «Евангелие и Апостол» и в таком виде вошло в богослуженное употребление. Хотя назначение той или другой книги при том или другом богослужении зависело от предстоятелей, которые в этом случае сообразовывались или с потребностями верующих или с воспоминанием событий из жизни Спасителя, или с тем и другим вместе; но уже во II и III веках при богослужении читались вместе и Евангелие, и апостольское послание, соответственно чтению закона и пророков в еврейской церкви. Тогда же было положено начало существующему делению их на известные отделы для чтения в известный богослуженный день. При чтении Священного Писания Нового Завета, Церковь не оставляла и чтения Ветхого Завета. Священное Писание было читаемо на греческом языке, на котором были написаны священные книги Нового Завета и на который были переведены, еще задолго до Рождества Христова, книги Ветхого Завета. В тех же церквях, где греческий язык понимали не все присутствующие при богослужении, например, в Сирии, отчасти на Западе, после прочтения известного отдела из Священного Писания предлагался его перевод, для чего состояли при таких церквях переводчики. Впрочем, уже во II веке появились два перевода всего Священного Писания — латинский и сирийский; поэтому в восточных и западных церквях нужда в его переводе при самом богослужении отпала. Толкование Священного Писания, особенно Евангелия, и поучение верующих было второй неперменной частью богослужения. Мало-помалу, при развитии в греко-римском обществе ораторского искусства, истолковательно-поучительные беседы времен апостольских стали принимать вид настоящих церковных слов или проповедей. Молитвы, произносимые в богослуженных собраниях от лица всех присутствующих, во II и III веках также получили определенный порядок; диаконы должны были подавать знак всем присутствующим, когда и о чем следовало молиться. Отсюда, само собою, составлялись так называемые ектении, произносимые диаконами, содержание которых даже в настоящее время почти тождественно с молениями Церкви века апостольского. Во время произношения молитв внутреннее молитвенное настроение христиан выражалось и в древности, как и в настоящее время, разными внешними действиями, как-то: коленопреклонением, простертием на земле, возведением очей и поднятием рук к небу, крестным знаменем. То или другое внешнее действие, конечно, соответствовало тому или другому роду молитвы. Все эти части богослужения следовали одна за другой или

сопровождали одна другую в определенном порядке, так что еще во II и III веках положено было начало тому богослужебному чину, который окончательно утвержден был в IV и последующих веках.

§ 41. Христианские храмы

Еврейское богослужение совершалось в Иерусалимском храме, и евреям даже было строго запрещено совершать его в каком — либо другом месте. Но в Христианской Церкви не было и нет такого исключительного места для богослужения. Спаситель, сказав, что «наступит время, когда не на горе сей (Гаризин) и не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу» ([Ин. 4:21](#)), показал, что в Его царстве служение Богу в духе и истине может совершаться на всяком месте. Поэтому мы видим, что апостолы и верующие во Христа собираются на молитву, как в Иерусалимский храм, так и в частные дома. В последние верующие во Христа собирались, по-преимуществу, для совершения таинств, которые невозможно было совершать в храме. А вне Иерусалима, естественно, они должны были совершать свое богослужение в частных домах христиан. Только в конце II и особенно в III веке, когда число христиан увеличилось, и они по временам наслаждались спокойствием, стали появляться особые здания для богослужения, которые назывались христианскими храмами. На построение церквей христиане нередко жертвовали большие средства с тем, чтобы по своему великолепию и богатству они были поистине домами Божьими, отличными от обыкновенных жилищ. Так, Евсевий, епископ Кесарийский, описывая церковь, устроенную Павлином, епископом Тирским, говорит, что он употребил на нее материал богатейший и драгоценнейший, не жалея никаких издержек, и что в числе этого материала были и кедры ливанские и мрамор. Кроме того, христианские храмы были еще украшены живописными изображениями. Предметом их был, прежде всего, святой крест. Крест, орудие позорной казни, в Христианской Церкви сделался предметом почитания, ради распятого на нем Господа; поэтому с самых первых времен изображениями его христиане стали украшать места своих богослужбных собраний. Далее, предметом живописных изображений, употребляющихся не только на стенах храмов, но и частных домов, были разные предметы, события и лица, заимствованные из Священной Истории Ветхого и Нового Заветов. Так, например, в употреблении были изображения рая (при входе в церковь), ковчега Ноева с голубицей, жертвоприношение Исаака, изображения Иова, Ионы, Даниила во рве лвином, Иоанна Предтечи, Крещения Спасителя во Иордане, насыщения пяти тысяч хлебами, воскрешение Лазаря и т.п. К этому присоединились еще символические изображения предметов христианской веры, употреблявшиеся, кроме храмов, даже на домашней утвари. Таковы изображения голубя,¹ рыбы, корабля, рыбака, феникса, виноградной лозы, доброго пастыря, агнца и прочее. Добрый пастырь с поднятой на рамена овцой, агнец, а также рыба были особенно любимыми изображениями у христиан первых веков. Что касается изображения Божественного лика Господа Иисуса Христа, а также Богоматери, Апостолов и святых, то нужно заметить, что хотя такие изображения и были в употреблении и почитании у христиан первых веков, но не повсеместно. Были особые уважительные причины на то, почему Церковь в первые века не вводила во всеобщее употребление святых икон. С одной стороны, иудеи, которым строго было воспрещено делать какое-либо изображение Божества, вступая в Христианскую Церковь, не могли скоро усвоить себе мысль, что христианские иконы не составляют идолопоклонства. С другой стороны, предававшиеся идолопоклонству язычники и отказавшиеся от него после вступления в христианство, могли неразумно приравнивать святые иконы к своим бывшим идолам. Наконец, неверовавшие язычники, не понимая христианского иконопочитания, могли упрекать в идолопоклонстве христиан, отвергавших идолопоклонство. То, что иконы не были во всеобщем употреблении, видно из отсутствия упреков со стороны язычников в иконопочитании, хотя были упреки в почитании креста. Но, с другой стороны, о том, что святые иконы все же были местами в употреблении, есть несомненные свидетельства

из предания и истории. Так, VII Вселенский Собор принял общее церковное предание о нерукотворенной иконе Христа Спасителя, посланной Им Самим Едесскому владетелю Авгарю. По преданию также известно, что святой евангелист Лука написал икону Богородицы. А церковный историк Евсевий Кесарийский однозначно утверждает, что посредством красок на картинах сохранены лики апостолов Петра и Павла и Самого Христа. Принадлежностями христианских храмов были списки Священного Писания Ветхого и Нового Заветов, особенно Евангелия, которое, если не представляло для Церкви опасности, постоянно находилось на престоле. К этому же следует еще присоединить списки молитв и песнопений, составленных христианами для церковного употребления. Далее, в числе постоянных и необходимых принадлежностей храмов были священные одежды, в которые облачались совершавшие богослужения, священные сосуды, употребляемые при совершении таинства Евхаристии, и наконец, некоторые разные предметы и вещи, употребляемые при всяком богослужении, как-то: светильники, кадила и т.п.

§ 42. Христианское богослужение: суточный, недельный и годовой круг

Апостол Павел заповедовал христианам «непрестанно молиться» ([1 Фессал. 5:17](#)). По христианскому вероучению, искупленное человечество, соединившись в одно общество верующих во Христа, должно было всю свою жизнь посвящать на служение Богу, в благодарность за дарованное спасение. И мы видим, действительно, что первые христиане «каждый день единодушно пребывали в храме, и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога» ([Деян. 2:46-47](#)). Но при этом, так как богослужение совершалось для целого общества, необходимо было установить определенные времена общественного богослужения. В этом случае для христианской Церкви был образец в церкви еврейской, в которой, как в круге дневном, так и в круге недельном и годичном были назначены определенные времена для богослужения и воспоминания важных событий из истории еврейской церкви и еврейского народа. Таким образом, христианская Церковь отчасти заимствовала от церкви еврейской распределение времен богослужения, отчасти установила новые богослужебные времена. Но, конечно, при таком заимствовании, как и при всяком другом, она приняла только форму, сообщив ей свой дух, то есть приняла еврейские богослужебные или праздничные времена, но соединила с ними воспоминания о событиях из своей собственной истории и жизни. Так, применяясь к еврейскому распределению времени молитвы в течение дня, апостолы молились в третий, шестой, девятый часы дня. Примеру апостолов следовали и верующие и так, что собирались на молитву в каждый час отдельно, не соединяя их вместе. При этом с третьим, шестым, девятым часами молитвы стали соединять особые религиозные воспоминания: с третьим — осуждение Спасителя на смерть и сошествие Святого Духа на апостолов, с шестым — распятие Спасителя на кресте и с девятым — Его спасительную смерть. В круге недельном среда, в которую решено было предать Спасителя смерти, и пятница, в которую Он был распят и умер, и день, следующий за субботой, в который Он воскрес, посвящены были на особенное служение Богу. Среда и пятница, сообразно воспоминаниям, соединенным с ними, были днями печали, поэтому христиане не вкушали пищи до девятого часа (или по-нашему, до третьего часа пополудни), а затем пост оставляли. Эти дни потому назывались днями стояния (бодрствования) и поста. День следующий за субботой, называвшийся «первым днем недели», «Днем Господним», «Днем солнца» и, наконец, «Днем воскресным», напротив, был днем радости и торжества христиан, так как в этот день Спаситель явился победителем смерти. Поэтому, они в этот день не постились, молились без коленопреклонения и, предаваясь делам благотворительности, старались удаляться от обыкновенных житейских занятий. В день воскресный богослужение было особенно продолжительно и совершалось, по большей части, ночью. Еврейские праздники в круге годичном — Пасха и Пятидесятница — также приняты были христианской Церковью, но также с сообщением им христианского смысла и значения. Еврейский праздник Пасха был установлен в память избавления евреев от рабства египетского; в Христианской Церкви праздник Пасха, удержавший то же еврейское название, получил значение торжества, освобождения рода человеческого от рабства диаволу чрез воскресение. При этом так же, как и в круге недельном, Церковь торжественно праздновала не только день воскресения Господа, но и дни Его страдания и смерти, т.к. воспоминаемые в эти дни события находятся в тесной связи между собой относительно дела спасения людей. К этому празднику, самому важному и главному, Церковь приготовлялась сорокадневным постом, в воспоминание сорокадневного пребывания и поста Господа Иисуса Христа в пустыне. Дни страдания и смерти Спасителя, начиная со среды

до самого воскресного дня, проводили также в посте и молитве, как дни торжественной печали. С наступлением же дня с Пасхи или годовичного празднования дня воскресения Господа, Церковь так же, как в круге недельном, оставляла пост и продолжала радостное торжество в течение целой недели. Впрочем, в Апостольской Церкви празднование продолжалось в течение пятидесяти дней, до годовичного празднования дня сошествия Святого Духа на апостолов. Это празднование составило другой христианский праздник — Пятидесятницу. В еврейской Церкви Пятидесятница установлена в память синайского законодательства, или устройства еврейской подзаконной церкви. В Христианской Церкви с нею соединено воспоминание об устронении Христианской Церкви Самим Господом, являвшимся апостолам в продолжении сорока дней, и Святым Духом, сошедшим на апостолов в пятидесятый день от дня воскресения Христова. Во II и III веках среди пятидесятидневного празднования стали выделяться сороковой и пятидесятый дни, ознаменованные Вознесением Господа и сошествием Святого Духа на апостолов, так что в конце III и в начале IV веков они стали по преимуществу праздничными днями и образовали собой нынешние праздники Вознесения и Пятидесятницы или Сошествия Святого Духа на апостолов. Потом, в воспоминание других событий из земной жизни Спасителя, Христианская Церковь также установила праздничные дни. Так, во II веке в восточных церквах был уже праздник Крещения Господня или Богоявления, а в III веке в западных было установлено празднование дня Рождества Христова.

§ 43. Совершение таинств

Совершение таинств в первенствующей Церкви имело некоторые особенности, но основные формы и порядок совершения их были те же, что и в настоящее время. Таинство крещения, по заповеди Спасителя, совершалось над всеми вступающими в Церковь ([Мф. 28:19](#)). Во времена апостольские оно совершалось непосредственно после исповедания веры в Господа Иисуса Христа уверовавшими в Него и заявления желания креститься, без продолжительного приготовления ([Деян. 2:41](#); 8,37—38). Но во II и III веках, ввиду многих неискренно принимавших христианство и отпавших от него во время гонения, Церковь признала неудобным крещение вслед за изъявлением желанья принять христианство и потому установило определенный порядок испытания и приготовления уверовавших ко вступлению в общество христиан. Такое предварительное испытание в искренности принятого намерения всупать в Церковь и приготовление к самому всуплению, или крещению, получило особенное название — оглашение. Изъявившие желанье креститься из иудеев или язычников, прежде всего, по распоряжению предстоятеля церкви отделялись от языческого или иудейского общества и присоединялись к обществу христиан. Им давались новые имена, каковыми были большей частью имена святых и благочестивых мужей ветхозаветной и новозаветной Церквей, или названия христианских добродетелей; иногда, впрочем, были оставляемы те же имена. Затем начиналось состояние оглашения, которое продолжалось от сорока дней до трех лет, а иногда сокращалось в несколько дней, вследствие чрезвычайных обстоятельств, а именно — во время гонений, когда оглашаемые твердым исповеданием веры доказывали свою готовность вступить в христианское общество. Затем следовало само крещение, совершавшееся при апостолах и после них через троекратное погружение крещаемого в воду с произнесением слов: «во имя Отца и Сына, и Святого Духа». Но при этом, во II и III веках была и другая форма крещения — через окропление или обливание, как исключительно употребляющаяся при крещении больных, умирающих, или при крещении оглашенных, заключаемых в темницы во время гонения, когда было невозможно крестить через погружение. По совершении крещения новокрещенного все верующие приветствовали братским поцелуем, надевали на него белую длинную одежду (символ чистоты), которую он должен был носить в течение восьми дней, наконец, в некоторых церквях давали новокрещенному молоко и мед в знак вступления его в землю обетованную. Затем крещенный вступал совершенно в общество христиан, принимая участие в совершении Евхаристии, которой по большей части и сопровождалось крещение. В первенствующей Церкви, так же, как и в настоящее время, крещение совершалось над взрослыми и младенцами. Если крестилось все языческое или еврейское семейство, то крестились, конечно, и дети. Во времена апостольские было несколько случаев крещения целых семейств. Хотя в конце II века карфагенский пресвитер Тертуллиан восстал против крещения детей, в силу того, что оно должно быть принимаемо сознательно, но вся Церковь была против него, и Ориген крещение младенцев прямо называет завещанием апостольским. При крещении детей для научения их вере, когда они будут приходить в возраст, были восприемники. Впрочем, несмотря на существование в древней Церкви практики крещения детей, были случаи, когда крещение откладывали в надежде отпущения при принятии его, всех содеянных грехов. Вслед за крещением в настоящее время совершается таинство миропомазания. Также было и в Церкви первенствующей. Если в крещении человек получал благодатное возрождение в новую духовную жизнь; то в таинстве миропомазания ему сообщались благодатные дары Святого Духа для укрепления в этой жизни. Об этих благодатных дарах, которые имели возможность принимать верующие по объяснению евангелиста Иоанна, говорил еще Сам Спаситель. В

Церкви Апостольской дары Святого Духа, сообщаемые в таинстве миропомазания, открывались нередко видимым образом. Так, апостол Павел после крещения в Ефесе учеников Иоанновых низвел на них Святого Духа и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Совершалось это таинство через возложение рук сначала одними апостолами, обладавшими всей полнотой благодатных даров. Но вероятно, еще во времена апостольские, вместе с возложением рук существовало и помазание миром, тем более, что для этого был образец в церкви ветхозаветной, где через миропомазание также сообщалось благодатное освящение первосвященниками и другими лицами. Во II веке вместе с возложением рук, несомненно, существовало уже и помазание миром. После апостолов таинство миропомазания совершали епископы, преемники их власти. Но с увеличением числа вступающих в Церковь совершение этого таинства предоставлено было и пресвитерам. Таинство Евхаристии в Апостольской Церкви совершалось так, как оно было установлено Спасителем, то есть на общей трапезе. Как известно, христиане в Иерусалиме имели общее имущество и общий стол, за которым вкушали общую пищу, во время вечереи любви, так называемых «агап». В других церквях, хотя и не было общения в имуществе, вечери любви тоже существовали. В заключение таких вечереи любви совершалась Евхаристия или, как иногда ещё называлось это таинство, «вечеря Господня», «трапеза Господня» и «преломление хлеба». Во втором веке, или может быть, в конце первого, совершение Евхаристии отделено было от вечери любви и присоединено к богослужению. Предстоятель произносил молитву, в которой от лица всех верующих благодарил Бога за все Его благодеяния роду человеческому, особенно за искупление. Затем все верующие причащались, по общему верованию церкви, под видом хлеба и вина, Тела и Крови Господа Иисуса Христа. Святой хлеб¹ разносили присутствующим диаконы и диакониссы, к чаше с вином приступали сами верующие. Таинство покаяния в первенствующей Церкви совершалось так же, как и в настоящее время, через устное исповедание грехов перед иерархическими лицами, получившими власть вязать и решить. Особенностью совершения этого таинства было только то, что при частном покаянии, было в большом употреблении, особенно во втором веке, покаяние открытое или публичное. Оно имело место при исповедании грехов важных, имевших значение для всей христианской общины. Такими грехами особенно считалось отступничество от веры во время гонения и предательство своих братьев, уклонение в ересь и грехи, известные всему обществу верующих, например, блуд. За подобные грехи Церковь отвергала от себя каждого члена, и если бы он захотел возвратиться опять в общество христиан, она прежде принятия его через таинство покаяния, так же как и перед крещением, подвергала его искусству или испытанию в искренности сознания греха и готовности начать прежнюю святую жизнь. В этом случае кающиеся так же, как и оглашённые, должны были пройти несколько степеней искусства, сообразно которым разделялись также на классы. В первом классе состояли плачущие, которые, стоя вне храма перед входом в него, со слезами просили всех проходящих верных простить их и опять принять в своё общество. Во втором классе находились слушающие, которые вместе с оглашёнными слушали из притвора молитвы и чтения Священного Писания и выходили вместе с ними из Церкви пред началом совершения Евхаристии. В третьем классе пребывали коленапреклонённые, которые стояли в самом храме позади верующих. Наконец, четвёртый класс был представлен теми, кто стоял на богослужении рядом с верными. Они не допускались разве только до Евхаристии и не имели права делать приношений. Все эти степени кающихся окончательно определены были только в третьем веке. Во время искусства, на кающихся, кроме постов, содержимых всей Церковью, налагались ещё особые подвиги, посты, причём одевались они во вретиче, посыпали пеплом головы и т.п. Срок испытания был различный, смотря по тяжести грехов и исправлению кающихся. Очень часто в отдельных случаях он сокращался по ходатайству исповедников¹ за падших кающихся. Исповедники, как

лица на себе испытавшие всю тяжесть гонений и имеющие поэтому возможность засвидетельствовать пред Церковью, как трудно среди трудных мучений оставаться твёрдым в исповедании веры, давали падшим свидетельства, в которых просили ту или иную христианскую общину принять падшего. Ходатайства исповедников усилились особенно в третьем веке и повели к ослаблению строгости публичного покаяния. Да и сама Церковь, при большом числе падших во время гонений в третьем веке, пришла к мысли ослабить строгость публичного покаяния, поэтому с охотой допускала ходатайства исповедников и даже назначала для падших особых духовников, которые должны были разбираться в степени виновности и, с наложением на них особой епитимии, давать им разрешения от лица всей Церкви, но без публичного покаяния. Сначала такие духовники были установлены в Церкви африканской, а потом и в других церквях. Форма совершения таинства священства и в первенствующей Церкви была та же, что и в настоящее время, а именно, состояла в рукоположении. Сначала рукоположение совершаемо было одними только апостолами, а потом это право предоставлено было исключительно епископам, единственно облечённым, по приемству от апостолов, властью низводить благодарные дары Святого Духа на избранных для иерархического служения в Церкви. Брак, по слову Апостола, великая тайна ([Ефес. 5:31-32](#)), в первенствующей Церкви совершался, по большей части, перед литургией, чтобы брачующиеся могли приобщиться Тела и Крови Христовой. При совершении таинства брака употреблялись кольца и венцы, но не металлические, а из растений; венцы не снимались с брачующихся в продолжение семи дней. Таинству елеосвящения положено начало со времени Спасителя. Ещё Апостолы, во время Его земной жизни, посланные Им на проповедь, «мазали многих больных маслом и исцеляли» ([Мк. 6:7,13](#)). Апостол Иаков положительно заповедовал совершать это таинство над болящими ([Иак. 5.14.15](#)). Но при каких обрядах совершалось это таинство в первые века, указаний не имеется, кроме только того, что из наставления апостола Иакова можно заключить, что оно совершалось не одним пресвитером, а несколькими.

§ 44. Клир и миряне

Первое, что обращает на себя внимание при изучении устройства Церкви в первое время её существования — это разграничение её членов на два разряда, на духовных лиц и мирян, или клир и народ. Начало такому разграничению положено было Самим Основателем Церкви. Принеся Себя в жертву за грехи всего мира, Господь Иисус Христос совершил дело спасения людей, и для того, чтобы они могли во все времена участвовать в этом спасении, учредил в Своей Церкви иерархию. Лица, составляющие её, занимая посредствующие место между Богом и людьми, по заповеди Спасителя, предназначены спасать души людей. Таким образом, цель учреждения Иисусом Христом иерархии состоит в продолжении совершенного Им дела спасения людей, через умножение и нравственное усовершенствование членов Церкви. Апостолы, а в лице их и их преемники, предназначены были Спасителем именно для этой цели. Согласно с таким предначертанием, Спаситель всегда отличал Своих ближайших учеников, апостолов, от прочих уверовавших в Него лиц и ясно показывал, что они и их преемники должны занимать в Его Церкви особое положение. Так, приготавливая апостолов к их будущему служению: 1) Он учил их отдельно от других верующих, открывая по преимуществу им одним тайны Царства Божия, 2) Ещё прежде сошествия Святого Духа на них Христос сообщил им благодатную силу и власть, когда сказал: «Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» ([Ин. 20:22-23](#)). 3) Только им одним Спаситель дал право учить верующих, священнодействовать и управлять Церковью. Он заповедовал им: «Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас; идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа» ([Мф.28:19](#)), «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» ([Мф.18:18](#)), «Слушающий вас, Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается» ([Лк.10.16](#)). По вознесении Спасителя на небо Его Церковь в иерархическом отношении устроилась согласно Его предначертаниям: 1. С одной стороны, мы видим в ней разряд членов, обличённых правом учительства, священнодействия и управления. Это апостолы, пророки, евангелисты, пастыри и учителя. Апостол Павел ясно определяет значение этих лиц в Церкви, называя их соработниками у Бога, служителями Христовыми и домостроителями тайн Божих, назначенными для созидания тела Христова, т.е. Церкви ([Еф. 4:12](#); [1 Кор. 3:9](#); 4,1). 2. С другой стороны, мы видим разряд простых верующих, по выражению апостола Павла, ниву Божию ([1 Кор. 3:9](#)), которые внимают учению пастырей, принимают от них таинства и повинуются им. Первые составляли в Церкви иерархию или, по церковному словоупотреблению, клир (наследие Божие), вторые — народ, мирян. Но такое разграничение членов Церкви на два разряда ни как не вело за собой разрыва между ними. Клир и миряне составляли одну Христову Церковь, имели одного главу — Христа и действовали согласно между собой. Лица, составляющие клир, были руководителями и пастырями, миряне — руководимыми и пасомыми. Клир был далёк от всяких притязаний на начальственное, в обыкновенном смысле, отношение к мирянам и вообще проводил своё служение в духе братской любви, равно и миряне были далеки от того, чтобы давать приказания своим руководителям — пастырям. Общение между мирянами и клиром было полное: клир управлял, учил и совершал богослужение, миряне принимали участие в избрании членов клира и управлении церковными делами.

§ 45. Чрезвычайные проповедники Слова Божия в апостольский век

Апостольский век представляет собой исключительное время по обилию духовных дарований. Распространение христианства и устройство Церкви требовало особых благодатных средств, и Господь щедро наделял ими Своих служителей. Ближайшие ученики Господа, основывая Церкви, поставляли в них иерархических лиц, которые постоянно пребывали в одной общине. Их священные обязанности состояли в продолжение дела святых апостолов: совершении богослужения, в учении истнам веры и руководстве христианской нравственностью членов общин. Эти лица составляли постоянную церковную трёхстепенную иерархию. Но, помня их, в апостольское время, дело проповеди Слова Божия совершалось также чрезвычайными служителями или харизматиками. Такими были апостолы, пророки и учителя. Сведения о них находятся в книге Деяний Апостольских, посланиях апостольских, в древнем сочинении «Учение Двенадцати Апостолов», в церковной истории епископа Евсевия и в некоторых других древних сочинениях. Апостолы. Кроме двенадцати ближайших учеников Христа Спасителя и семидесяти Его учеников, в древней Церкви были странствующие проповедники. Они также назывались апостолами (посланниками, служителями Слова, или евангелистами), т.е. благовестниками. Свои благодатные дарования для проповедования слова Божия они получали непосредственно от Самого Бога через откровение Святого Духа. Апостолы имели дар языков. Учение их, полученное в откровении непосредственно от Бога, имело непререкаемый авторитет. Они принадлежали всей Церкви, а не отдельной общине и были свободны в выборе места и темы проповеди. Основными их приметам были постоянные странствования и бескорыстие. Пророки. Это были лица, обладавшие особыми благодатными дарованиями. Они открывали будущие судьбы Церкви и отдельных лиц; они глубоко понимали смысл апостольского учения и объявляли его верующим для руководства нравственной жизнью христианской общины. Их призвание совершалось также непосредственно Духом Божиим. Характерными признаками пророков были аскетизм и проповедь в духе, т.е. особенное состояние религиозного воодушевления. Пророки проповедовали в уже устроенных христианских общинах и могли жить там постоянно. Авторитет их проповеди был очень велик. Пророки занимали значительное место в церковной жизни. Они пользовались исключительным правом произносить благодарственную молитву после Евхаристии, помогали в управлении общиной, руководили христианской жизнью и помогали бедным. Члены общины могли отличать истинного пророка от ложного по его нравственному облику. Учители (дидаскалы). Это были также благодатные проповедники Слова Божия. Но они отличались от апостолов и пророков тем, что могли жить постоянно в одной общине и произносить свои проповеди в спокойной рассудочной форме. Свои знания они получали путём изучения Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и более глубоко, чем другие, разумели проповедь апостолов и пророков. Мы знаем, что разумение откровения есть также дар Святого Духа. Таким даром и обладали учителя. Признаком истинного учителя было согласие его учения с учением, которое проповедовали и записали святые апостолы, и личная нравственная жизнь. Эти чрезвычайные служители Слова существовали в христианской общине наряду с постоянными иерархическими служителями Церкви. Они помогали епископам и пресвитерам в устройении церковной жизни. Однако заменить священнослужителей они не могли, т.к. имели цель и благодать проповедничества, но не священства. Постепенно чрезвычайное служение в Церкви прекратилось по двум причинам: 1. С устройением Церкви отпала нужда в особых странствующих проповедниках. 2. С увеличением количества священнослужителей и училищ

дело проповеди перешло всецело к ним.

§ 46. Степени постоянной иерархии

В чрезвычайном иерархическом служении апостолов, как в семени, заключалось служение постоянных степеней иерархии, возникших в первое время существования Церкви. Заключая в себе всю полноту иерархической власти, апостолы постоянно, смотря по обстоятельствам и нуждам Церкви, в известной мере сообщали эту власть избранным из среды верующих лицам, которые, входя в состав церковной иерархии, по различию данной им от апостолов власти, образовали различные ее степени. Лица, избираемые для иерархического служения в Церкви, вместе с полномочием от апостолов на это служение, по преимуществу через них, получали полномочие от Самого Бога, в силу полноты иерархической власти апостолов, данной им от Христа Спасителя. Степени иерархии в христианской Церкви возникали одна за другой, начиная с низшей. Так, когда в Иерусалимской Церкви число верующих увеличилось настолько, что апостолы сами, без ущерба главным своим обязанностям, проповеданию слова Божия и богослужению, не могли наблюдать за правильным распределением между ними жизненных потребностей, установлена была в облегчение им, для последнего служения особая должность. Апостолы предложили общине избрать на эту должность семь человек; община избрала, представила избранных апостолам, а они, помолясь, возложили на них руки, т.е. через видимое действие сообщили им благодатную силу и власть для назначенного служения. Эти избранные общиной и посвященные апостолами лица получили название диаконов, т.е. служителей, наименование которых из общего перешло в частное и всегда потом усваивалось лицам, занимавшим известную должность в Церкви. Диаконство есть низшая иерархическая степень. Из Иерусалимской церкви, как матери всех церквей, эта степень перешла в другие церкви. Первоначальной обязанностью диаконов было только заведование церковным имуществом и наблюдение за правильным употреблением его. Затем, мало — помалу, в обязанность их вошло наблюдение за порядком в богослужении, особенно таинств, и даже проповедование слова Божия. Диаконы, по особым обстоятельствам Церкви того времени, совершали и крещение, но низведение благодатных даров на новокрещенных им не было предоставлено. Вторая степень церковной иерархии — пресвитерство — появилась в Церкви также во времена апостольские. Апостолы, основывая христианскую общину в одном месте, и переходя с проповедью Евангелия в другое, естественно, должны были заботиться о том, чтобы после их отшествия основанная ими община содержала непреложно преподанное ей учение, постоянно совершала богослужение. И вот, для руководства какой-либо отдельной христианской общиной в учении, для совершения богослужения и вообще для заведывания всякими делами ее, — под своим главным надзором апостолы назначают пресвитеров, т.е. старейших из старейшин. Как показывает само название, — из лиц достойных, заявивших себя перед обществом и апостолами особенным усердием в вере, мудростью и опытностью в управлении. Так, апостол Павел в первое свое путешествие поставил пресвитеров в некоторых основанных им церквях. Даже если апостолы постоянно пребывали в одном месте, то и в таком случае, в помощь себе они поставляли пресвитеров, потому что при увеличении числа верующих одному апостолу трудно было управлять всей церковью, учить и совершать богослужение. В Иерусалимской церкви, под главным священноначалием апостола Иакова Младшего, очень рано появляются уже несколько пресвитеров, которые принимают большое участие на соборе апостолов. Пресвитеров, также как и диаконов, апостолы посвящали в назначенное им служение через рукоположение, только сообщали им при этом еще большие иерархические права и полномочия. Пресвитеры имели право совершать таинства и вообще богослужение, поучать верующих, наблюдать за нравственной жизнью общины, не исключая и диаконов. Будучи помощниками апостолов,

пресвитеры только от них получали наставления и выполняли только их распоряжения. Наконец, явилась в Церкви и последняя — самая высшая иерархическая степень — епископская. Первоначально верховный надзор за всей Церковью, рукоположением пресвитеров и диаконов, решение всех недоумений и споров между верующими — все принадлежало апостолам. Но этот верховный надзор за Церковью с течением времени становится для них все более невозможным. С одной стороны, потому, что христианские общины постоянно образовывались в новых странах, часто разделенных между собой огромным расстоянием. С другой — должно было наступить время, когда самих апостолов не станет, тем более, что по слову Спасителя, они ожидали себе внезапной смерти от гонителей. Поэтому для высшего руководства Церковью в вере, рукоположения пресвитеров и диаконов и для верховного управления ею в свое отсутствие и после своей смерти, апостолы передавали через рукоположение свои верховные иерархические права особым лицам, известным им по высоте своих нравственных качеств, глубокому пониманию истин христианства, твердости в вере и способности к управлению. Этим лицам усвоено было название епископов, т.е. надзирателей, которые так же, как и названия лиц двух других иерархических степеней, из общего, применяемого изначально и к пресвитерам, перешло в частное, принадлежавшее только лицам высшей иерархической степени. Епископами апостолы назначали своих учеников, уже испытанных ими, или пресвитеров, заявивших свои качества и способности управления. Так, апостол Павел рукоположил Тимофея в епископа Ефесской церкви, Тита — в епископа Критской, вместе с апостолом Петром для Римской церкви рукоположил Лина. При жизни самих апостолов, епископы, естественно, не занимали еще того положения в Церкви, какое должно было принадлежать им после смерти первых, как преемникам их власти, вследствие чего в апостольское время епископы мало возвышались над пресвитерами и были среди их, как первые между равными. Но после смерти апостолов, в конце первого в начале второго веков, значение их как единственных преемников апостольской власти установилась определенно: высшие права учительства в Церкви, священнодействия и управления принадлежали исключительно им одним. Если учили, священнодействовали, принимали участие в управлении лица, занимавшие пресвитерские и диаконские степени, то не иначе, как по праву власти, данному им от епископа через рукоположение.

§ 47. Неиерархические церковные должности

Во II и III веках появились в Церкви новые должностные лица, которые, не принадлежа к иерархии, считались принадлежащими к клиру, составляя низший его разряд. Новые церковные должности были вызваны общей потребностью в надлежащем благоустройстве Церкви, ввиду соблюдения благочиния в богослужебных собраниях, при постоянном увеличении числа верующих. Итак, в III веке учреждена должность иподиаконов (прислужников). По образцу Церкви Иерусалимской во всех других церквях для диаконской степени первоначально избирали только по семь человек, так что им трудно было выполнять все должностные обязанности, поэтому в облегчение им и были назначены иподиаконы. Последние, состоя в распоряжении диаконов, наблюдали особенно за тем, чтобы входящие в молитвенное собрание для богослужения верующих занимали определенные места. Для чтения в богослужебных собраниях священных книг со II века были назначены особые лица, которые затем всегда уже несли должность чтецов. Прежде же чтение священных книг входило в обязанность епископов, пресвитеров, диаконов, за которыми и осталось право читать Евангелие. В некоторых церквях, особенно восточных, составившихся из евреев, с III века была установлена должность певцов, обязанностью которых было петь при богослужении. А в иных церквях были особые должности заклинателей, поставяемых для изгнания нечистых духов молитвами, крестным знаменем или дуновением из одержимых ими. Последняя должность существовала в то время, когда дар чудес принадлежал многим из верующих, отличавшихся святой жизнью. Учреждена была особая должность аколуфов, проповедников или служителей епископских, которые во время богослужения должны были прислуживать епископу, особенно в торжественных случаях. Должность параномарей — привратников вызвана необходимостью иметь надлежащее попечение о внешности места богослужебных собраний, особенно во время самого совершения богослужения, чтобы не впускать в собрание отлученных от Церкви, еретиков, иудеев и язычников, а во время нападения со стороны правительства или языческой черни извещать собрание об угрожающей ему опасности. Сверх того, еще во времена апостольские, в церквях, составившихся из язычников, в соответствии с диаконской должностью, появилась церковная должность диаконис, на какую избирались пожилые девственницы или вдовицы. Обязанности их состояли в том, что они должны были наблюдать за благочестием и порядком во время богослужебных собраний в женских отделениях, наставлять обращающихся в христианство женщин, как те должны себя держать при крещении, прислуживать при совершении самого крещения над женщинами, исполнять поручения епископа, касавшиеся женщин и т.п. Вообще обязанности диаконис почти отождествлялись с обязанностями диаконов.

§ 48. Избрание и посвящение духовных лиц

Установив степени иерархии, апостолы дали Церкви определенные указания на то, какие лица и с какими качествами должны быть избираемы на иерархические должности и как должно производиться самое избрание их. Апостол Павел в своих пастырских посланиях к Тимофею и Титу разъясняет: епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, страннолюбив, учителен, державшийся истинного слова, согласно с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать, не пьяница, не убийца..., хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией? Не должен быть из новообращенных; наконец, должен иметь о себе вообще одобрительные отзывы не только между верующими, но и даже язычниками ([1 Тим. 3:2-7](#); [Тит. 1:9](#)). Те же самые качества требуются и от пресвитеров ([Тит. 1:5-9](#)), равно как и диакона ([1 Тим. 3:8-12](#)). Так называемые апостольские правила, составленные на основании апостольских писаний и апостольского предания, к этим требованиям присоединяют, что глухой и слепой не может быть епископом (Апостольское правило 78), а также бесноватый (Апостольское правило 79); женатый на вдове, отверженной от супружества, блуднице или актрисе (Апостольское правило 18), не могут быть приняты в клир. Что касается способа избрания на иерархические степени, то апостолы сами установили тот порядок, чтобы в выборе принимали участие все члены известной христианской общины. Так, при установлении диаконской степени, апостолы собрали всю общину и предложили ей самой избрать семь человек, испытанных, исполненных Духа Святого и мудрости ([Деян. 6:3](#)), и сами освятили ее выбор рукоположением избранных. Апостол Павел в первое свое путешествие, рукополагая пресвитеров к разным церквам ([Деян. 14:23](#)), конечно, в этом случае сообразовался с желаниями всех верующих этих церквей. Эти апостольские указания послужили для Церкви правилами, которыми она руководствовалась всегда при избрании на иерархические должности. Все члены известной общины, как клир, так и народ, или миряне, принимали всегда живое участие в выборе лица на ту или другую иерархическую степень. Впрочем, в тех церквах, в которых по многочисленности членов, или по другим причинам, было неудобно всем подавать свой голос на выборе, от народа назначались для сего особые лица, старцы, которые представляли в своем лице всю общину. Так было в некоторых западных церквах. Когда имя избираемого становилось известным в общине, а такого предлагали епископ или пресвитер, по большей части, каждый член церкви имел право говорить в пользу избираемого лица или против него, и голос каждого был принимаем с уважением. Подобный порядок был вполне возможен в то время, ибо избираемый непременно должен был принадлежать к той общине, для которой избирался и, следовательно, должен был быть известен каждому. Затем, когда вся церковь находила, что избираемое лицо, согласно требованиям апостольским, достойно занять иерархическую степень, произносила общий возглас: «??» (с греч. — достоин) и следовало посвящение. В пресвитера и диакона рукополагал епископ местной церкви, а епископа же рукополагали, по большей части, епископы окрестных церквей (1-е Апостольское правило). Последние принимали даже участие и в самом избрании епископа или сами лично, или через своих уполномоченных, наблюдая в этом случае, чтобы избираемое лицо, по своим достоинствам, соответствовало требованиям апостольским, и даже самим делом испытывая его в правоверии. При избрании епископа требовалось еще согласие на это и одобрение со стороны епископа главного города известной области, присутствовал ли он на месте во время избрания или нет (6 правило I Вселенского Собора). Что же касается назначения на низшие церковные должности, то и здесь так же был принимаем в уважение

голос всей общины. С течением времени, впрочем, назначение на эти должности передано было одному епископу с его пресвитерами и диаконами, так как поставление на эти должности не имело такого важного значения для Церкви, как поставление пресвитера или епископа.

§ 49. Положение клира в первые века

Клир христианской Церкви первых веков не составлял какого-либо наследственного сословия, как это было в церкви ветхозаветной, напротив, в состав его мог вступить каждый из верующих, чувствующий призвание к священному служению и удовлетворяющий условиям вступления в клир. Особого приготовления для вступления в клир, в роде школьного, также не было. Самой лучшей школой для образования клириков было служение в том же клире, начиная с низших должностей под руководством епископа и на глазах всей общины. Только с течением времени явились христианские училища, например, в Александрии, в которых могли готовиться служители Церкви. Так как Церковь в первом веке не имела разрешения правительства на свое существование, то и члены клира, вступая в состав его, не пользовались никакими общественными правами и преимуществами по своим церковным должностям. Но с другой стороны, исполняя в Церкви возложенные на них обязанности, члены клира нередко не оставляли обязанностей, возложенных на них языческим обществом или правительством, вследствие чего они пользовались теми или другими государственными преимуществами. Впрочем, Церковь вскоре нашла, что мирские занятия не совместимы со званием и обязанностями иерархического служения, почему они и были воспрещены епископам, пресвитерам и диаконам. К таким занятиям особенно причислялись гражданская или военная служба (Апостольские правила 6, 20, 81, 83). Что касается брачной или безбрачной жизни членов клира, то нужно заметить, что та и другая одинаково допускались для всех степеней иерархии, так что и епископы могли состоять в брачной жизни. Из вступивших в христианскую Церковь было много лиц, которые уже состояли в браке и в то же время признавались достойными занять какую — либо иерархическую степень; поэтому апостол Павел, не поставляя брака препятствием к священнослужению, сделал только ограничения брачному состоянию иерархического лица, сказав, что епископу, пресвитеру и диакону следует «быть мужем одной жены». Но в то же время Церковь не понимала слишком буквально этого апостольского наставления, так, чтобы иерархические лица непременно должны были состоять в браке, и апостол Павел, как видно из хода его речи, не придавал своим словам такого безусловного значения, имея в виду положить только предел стремлениям лиц иерархических к брачной жизни. Лица, не связанные с миром брачными узами, если они удовлетворяли другим условиям для вступления в клир, всегда принимались в состав его, и безбрачному состоянию лица, занимающего епископскую степень, даже отдавалось преимущество, так как епископ, не стесняясь брачными связями с миром, всецело мог посвятить себя на служение Церкви. Допуская, таким образом, брачное и безбрачное состояние для членов клира, Церковь требовала только того, чтобы как в том, так и в другом случае все было благообразно и по чину; поэтому запрещала брачным иерархическим лицам «изгонять своих жен, под видом благоговения», а безбрачным, после рукоположения, вступать в брак (Апостольские правила 5 и 26). Но при этом первым запрещением Церковь не стесняла брачных иерархических лиц, ради действительного подвига воздержания, оставлять своих жен, если последние согласны были на это. В таком случае жены епископов, пресвитеров или диаконов занимали, по большей части, должности диаконисс. Относительно содержания клира нужно заметить, что в первенствующей Церкви не было для него каких — либо определенных средств и источников. Прежде всего, каждый член клира сам заботился о своем содержании. И мы видим, многие члены клира, вступая в его состав, продолжают, по примеру апостола Павла, заниматься теми ремеслами или промыслами, которыми они занимались до вступления в клир и которые были совместимы с лежащими на них обязанностями по Церкви и тем доставляют себе средства к содержанию. Случалось и так,

что в клир вступал какой-либо богатый землевладелец и, продолжая получать доходы от земли, доставлял не только себе, но и другим, неимущим членам клира или общины, средства к содержанию. Таков был Киприан, епископ Карфагенский (в середине III века), сын богатого римского сенатора. Случалось, что в клир поступали люди вообще со средствами, приобретенными еще раньше, и содержали себя на эти средства. Кроме того, клир получал средства для своего содержания и от той общины, к которой принадлежал; хотя нельзя определить, в какой мере производились эти средства, но, во всяком случае, они были достаточны для удовлетворения всех необходимых потребностей членов клира. Эти средства распределялись между клириками при посредстве и по усмотрению епископа из церковного имущества, составлявшегося из добровольных пожертвований членов общины, смотря по усердию и состоянию каждого. К таким пожертвованиям, кроме денежных, принадлежали и вещественные приношения, состоявшие по обычаю, сохранившемуся от Церкви ветхозаветной, из хлеба, вина, плодов и разного рода припасов. Часть хлеба и вина отделялась для богослужения, остальное же все, за отделением части бедным, шло в пользу клира (Апостольское правило 4). Наконец, относительно положения клира в первые века следует заметить еще то, что как избираемое в клир известной церкви лицо должно было непременно принадлежать к этой церкви, так после вступления в клир оно должно было оставаться в нем навсегда и не переходить без нужды в клир другой церкви. Перемещения особенно не дозволялись епископам, так как по обстоятельствам того времени, каждая частная церковь нуждалась в постоянном и неуклонном руководстве в одном направлении, а это достигалось тем, если епископ постоянно пребывал в одной и той же кафедре. Поэтому, если и допускались Церковью перемещения епископов, то в самых редких случаях, ввиду особенной от этого пользы для той церкви, в которую он переходил (Апостольское правило 14).

§ 50. Епископское управление

Многочисленные христианские общины, основанные апостолами и их приемниками в разных городах, селах и деревнях, частью во времена апостольские, а главным образом, после апостолов, постепенно начали группироваться в особые церковно-правительственные округа, центром которых были общины городские. Основанием такого объединения служило, с одной стороны, гражданско-правительственное объединение населенных пунктов в особые правительственные округа, а с другой, распространение христианства из одной местности в другую. В гражданском отношении известному городу подчинены были ближайшие села и деревни. Такой же порядок начал устанавливаться и в церковном отношении: мало — помалу христианские общины в селах и деревнях вошли в подчиненное отношение к ближайшим городским общинам, что было довольно удобно, поскольку само христианство, по большей части, они получали от городских общин. Во главе образовавшихся таким образом церковных округов, обнимавших городские и сельские общины, стали предстоятели городских общин, епископы, имевшие свое местопребывание и свои кафедры в городах, как центральных церковно-правительственных пунктах. Церковные округа первоначально назывались парикиями, а впоследствии епархиями. С образованием церковных округов постепенно образовались и приходы. В городах приходы образовывались вследствие увеличения числа верующих; за невозможностью собирать всех членов известной городской общины в одно место для богослужения и совершения таинств, по причине их многочисленности, епископ разделял свою паству на группы, в которые назначал пресвитеров и диаконов из состоявших при его кафедре сначала только на время, а потом и навсегда. Группы верующих, совершавшие отдельно от епископа богослужение, образовали городские приходы. И городские, и сельские приходы, входившие в известный церковный круг, с епископской кафедрой в городе, составляли одну местную церковь. Свои названия местные церкви получали от имени тех городов, в которых были епископские кафедры (церковь Иерусалимская, церковь Антиохийская), с другой стороны, местные церкви назывались просто кафедрами (кафедра Иерусалимская, кафедра Антиохийская), так как в каждой церкви была только одна епископская кафедра и без нее не могли быть церкви. Управление каждой местной церковью сосредотачивалось в лице предстоятеля ее, епископа, как приемника апостольской власти. Он заведовал всеми церковными делами; без его воли пресвитеры и диаконы не могли ничего совершать, и тем более устраивать отдельные богослужебные собрания без его благословения. Вследствие той тесной связи, которая объединяла между собой всех членов церкви в одно целое, епископское управление имело характер управления семейного, и самому епископу часто поэтому усвоивалось название отца (папа). Под верховным надзором епископа принимали деятельное участие в управлении клир и миряне. По всем важнейшим церковным делам епископ всегда совещался со своими пресвитерами и диаконами и wybranными старцами из мирян. К таким делам относились дела о членах, впавших в ереси, дела о падших во время гонения, суд над теми и другими, важнейшие вопросы по распоряжению церковным имуществом и т. д. Пресвитеры, диаконы и старцы из мирян, таким образом, составляли при епископе как бы главный совет его. Ближайшими же советниками и помощниками епископа по управлению церковью были вообще пресвитеры. При их участии епископ избирал кандидатов на церковные должности, главным образом через них наблюдал за жизнью паствы, вместе с ними обсуждал все церковные дела. Пресвитеры во главе со своим архипресвитером, лицом, ближайшим к епископу, составляли при последнем пресвитерский совет. За смертью или отсутствием епископа, они заведовали всем церковным управлением. Значение диаконов в церковном управлении состояло в том, что они

были первыми исполнителями всех поручений, решений и распоряжений епископа. Они раздавали, по назначению его, вспомоществования из церковных сумм бедным и другим призреваемым Церковью лицам; объявляли верующим решения епископа, например, о времени и месте богослужебных собраний и т.д. Первое место между диаконами занимал архиерей, который как ближайшее и доверенное у епископа лицо, имел в своем ведении всех диаконов и низших клириков, наблюдая за их жизнью и руководя ими при богослужении. Вследствие своих непосредственных сношений с епископом и близости к нему, а также вследствие постоянных и близких сношений с мирянами, диаконы и особенно архиереи, приобретали иногда большое влияние на управление церковными делами, даже большее, чем пресвитеры, отчего и относились к последним так, как будто бы они занимали высшую иерархическую степень. Проводниками епископской власти в сельских и деревенских церквах (приходах) были, так называемые, хореепископы (сельские епископы). Это были лица, имевшие пресвитерскую, а иногда даже епископскую степень, и особо уполномоченные от епископа города. Имея в своем заведывании известный округ сельских церквей, они управляли ими, подобно епископу города, при пособии клира и мирян. Особенным преимуществом их было то, что они избирали для подведомых им церквей низших клириков, причисляя их к клиру, а те, которые имели рукоположение по чину епископства, с соизволения епископа города даже рукополагали пресвитеров и диаконов. Но в то же время хореепископы должны были даже доставлять епископу города сведения о тех лицах, которых они принимали в клир. Вообще же хореепископы находились в подчинении у епископа города, так как и самое назначение их на должность зависело от него.

§ 51. Взаимные отношения между поместными Церквами и их предстоятелями — епископами

Все епископы получили от Христа Спасителя равные права — управлять, учить и священнодействовать в Его Церкви. И апостолы, поставляя предстоятелей — епископов разных церквей, сообщали им всем одинаковые иерархические права. Отсюда и все частные христианские церкви были равны между собой. При таком равенстве апостолов, церквей, основанных ими, предстоятелей их, соборная форма управления всей Христианской Церковью была единственно возможной, вполне законной и соответствующей заповеди Спасителя о равенстве и братстве как всех верующих в Него, так и лиц, назначенных на иерархическое служение. Поэтому апостолы, совершенно чуждые мысли о главенстве и первенстве кого-либо из своей среды, сами положили начало соборной форме управления по делам, касающимся всех или многих церквей. Собор Иерусалимский, на котором присутствовали некоторые из апостолов и представители от других церквей, был высшим выражением церковной власти. Власть собора была уже не властью отдельных лиц, даже не властью вообще людей, но властью Святого Духа, всегда пребывающего в Церкви и руководящего ее пастырями, как это засвидетельствовал тот же Иерусалимский собор ([Деян. 15:28](#)). Апостолы положили, чтобы на будущие времена, подобно составленному им Собору, епископы непременно составляли соборы ежегодно по два раза. На таких основаниях, заповеданных Господом Иисусом Христом и апостолами, и установились во времена послеапостольские взаимные отношения между церквами и их епископами. Все поместные церкви и их епископы были равны между собой, и каждый епископ в управлении внутренними делами своей церкви был независим от другого. По делам же, касавшимся всех или нескольких церквей, хотя и возникавшим в церкви поместной, епископы собирались на соборе, где и решали их общим голосом. С половины II века, когда начинают появляться исторические свидетельства, соборы входят в большое употребление, так что в III веке становятся явлением повсеместным. На них разбирались дела о еретиках; составлялись общие правила в руководстве всеми церквами известной области; разбирались недоразумения и несогласия между епископами по управлению своими епархиями. Но равенство и независимость церквей и их епископов не вела за собою разъединения их. Напротив, постоянное и полное общение составляет характерную черту в отношениях между церквами и их епископами в первые века. Сами по себе соборы служили прекрасным средством к общению: здесь епископы входили в теснейшее единение друг с другом, раскрывая свои недоумения по управлению церковными делами и разрешая их после общего совещания. Кроме того, общение поддерживалось посланиями и грамотами. Послания были разного рода: одних церквей к другим, например, церкви Смирнской¹ о гонении, бывшем здесь при Марке Аврелии, к церкви Филадельфийской и «всем повсюду святым и католическим церквам»; послания предстоятелей церквей по разным поводам, например, по вопросу о времени празднования Пасхи, о крещении еретиков, и вообще по делам еретиков; послания соборов к церквам и епископам о соборных определениях, особенно относящихся к еретикам и т.п. Из грамот особенно в большом употреблении в Церкви были грамоты представительные. Они давались епископами всем клирикам и мирянам, отправляющимся в пределы других церквей; в них заключалось свидетельство об их православии, честности, общении с Церковью и в особенности о незапрещении клирикам священнослужения, а мирянам — причащения Святых Тайн. Без этих грамот никого принимать не дозволялось. Постоянное общение между церквами и их епископами производило то, что все поместные церкви составляли в своей совокупности единую Христову Церковь.

§ 52. Церковное законодательство

Относительно правил или узаконений, которыми руководствовалась Церковь в своем управлении в первые века, следует заметить немногое. Первыми законодателями Церкви были Основатель её Господь Иисус Христос и апостолы. В Евангелиях и писаниях апостольских изложены все основные законы, данные ими Церкви, относительно веры, совершения таинств, устройства церковной иерархии, относительно церковного благочиния, церковного суда. Затем, большая часть правил церковного устройства и управления предана была устно самими апостолами разным церквям. Этими то правилами, заключающимися в Священном Писании и сохранившимися по преданию в Церквях, основанных апостолами, и руководствовалась Церковь в своем управлении. За решением возникавших в какой-либо церкви спорных вопросов, на которые не находилось указания в Священном Писании, обращались к основанным апостолами церквям, предстоятели которых хранили, по преемству, правила, преподанные апостолами устно. Доказательством возможности сохранять эти правила и руководствоваться ими служит то, что во второй половине II века были еще живы ученики апостолов, например, св. Поликарп, епископ Смирнский. Впрочем, в первые же века предстоятели церквей стали заботиться о том, чтобы сохранить в письменном виде апостольские наставления касательно устройства церковного управления. Таким образом, как полагают, в конце II века или начале III века, в Церкви появились «Правила Апостольские», которые послужили основанием для канона Вселенских церковных законов. Кроме того, в силу преемственной от апостолов власти, отцы Церкви сами составляли правила церковного благочиния и христианской жизни, которые были подробным раскрытием того, что преподано Церкви Иисусом Христом и апостолами. Таковы принятые в канон правила святых отцов Церкви: 4 правила Дионисия Александрийского (265 г.); 12 правил Григория Неокесарийского (269 г.); 15 правил Петра Александрийского (304 г.). Правила Дионисия Александрийского и Григория Неокесарийского касаются нравственной жизни христиан. Полное же и окончательное определение церковных узаконений принадлежит IV и последующим векам — эпохе Вселенских и поместных Соборов.

**От торжества Церкви над язычеством при Константине Великом
до разделения Церквей (313—1054 годы)**

§ 1. Общая характеристика второго периода

В начале IV века, когда римское правительство окончательно перешло на сторону христиан, Церковь Христова, после трехвековой борьбы с язычеством, взяла над ним решительный перевес. Христианская религия заняла в империи то место, которое прежде занимала религия языческая; она объявлена была верою государственной и господствующей. Наступает эпоха всестороннего развития внешней и внутренней жизни Церкви. Упрочив свое положение в империи, Христианская Церковь, имеющая своим назначением обнять все народы, с большею, чем в первые три века, быстротою начинает распространяться вне ее пределов. Хотя с появлением в VII в. магометанства распространение ее на Востоке останавливается, и даже целые христианские области попадают под власть мусульман, но христианство упрочивается почти у всех европейских народов. Распространяясь вовне, Церковь, в то же время, при благодетельном, хотя и не всегда, покровительстве государственной власти, живет полной внутренней жизнью. Ни одна эпоха в истории Церкви не представляет такого сильного развития религиозной жизни, как период как со времени Константина до отпадения Западной Церкви в 1054 г. Религиозные вопросы занимают в значительной степени как правительство, так и общество. При всеобщем религиозном оживлении появляется много ересей, расколов и вообще уклонений от истинного христианства; но, с другой стороны, и истинное христианство является во всем своем величии. Все стороны церковной жизни развиваются во всей полноте и получают определенный вид. Церковное управление, богослужение и прочее получают определенные формы, с которыми остаются на все последующие века. Христианское вероучение, после борьбы Церкви с еретиками и раскольниками, раскрывается во всей своей полноте, в строго-православном духе, на семи Вселенских Соборах, и тем прочно ограждается на все века от изменений и искажений. Оживленные догматические и церковные споры и затем Вселенские соборные вероопределения, заключающие в себе единственно истинное разрешение их, составляют принадлежность только этого периода исторической жизни Церкви. Но, с другой стороны, со второй половины этого периода церковно-исторической жизни в Христовой Церкви начинает обнаруживаться разделение. Церковь Римская, со всеми церквами Запада, мало-помалу начинает уклоняться от благоустройства Церкви Вселенской. Постепенное уклонение ее происходит в течение нескольких столетий и оканчивается отделением от союза с Церковью Восточной.

Глава I. Положение Церкви Христовой при святом Константине Великом и его преемниках

§ 2. Положение Церкви Христовой при Константине Великом и его сыновьях

Эдиктом Константина Великого и Ликийя от 313 года в Римской империи была объявлена веротерпимость и всем было дозволено принимать христианскую веру. Но восточный император Ликийя, издавая вместе с Константином такой эдикт, поступил таким образом не из расположения к христианам, а по обыкновенному чувству справедливости. Поэтому, когда возникли между ним и Константином неприязненные отношения, в основе которых лежал вопрос — двум или одному быть государю в империи, Ликийя, подозревая восточных христиан в сочувствии Константину, стал притеснять их, запрещал епископам выезжать из своих областей для составления соборов, приказывал составлять богослужебные собрания за городом, в открытом поле, разрушил или запер несколько церквей в Понте, под тем предлогом, что в них молятся не за него, а за Константина, и замучил несколько предстоятелей тех же понтийских церквей. Наконец, в 323 году произошла война между Константином и Ликийем, окончательно решившая вопрос о христианстве и единодержавии. Ликийя, предлагавший было после победы над Константином «устремитесь войной на безбожных», т.е. христиан, сам был разбит в нескольких битвах и лишился жизни. Сделавшись единодержавным государем во всей Римской империи, Константин мог теперь беспрепятственно посвятить себя на служение Церкви. Хотя он не тотчас принял крещение, но уже 313 г. сделался настоящим христианским государем, почему и делал все, что было в его власти, для блага Церкви. Так, поступая в управление восточной половиной империи, в изданном по сему случаю манифесте он высказал желание, чтобы все его подданные были христианами и вообще, при всяком удобном случае старался обратить на путь истинный своих языческих подданных. Его воззвания и убеждения не оставались без последствий; многие из язычников обращались к христианству. Далее, он дал христианской Церкви многие важные привилегии, — допустил христиан к занятию важных государственных должностей, сам лично делал большие пожертвования на христианские храмы, построил несколько новых храмов, особенно в Палестине, в чем усердной его помощницей была его мать — Елена. Со времени Константина Иерусалим опять стал называться этим именем, вместо названия Элии Капитолины, данного ему Адрианом. Наконец, что важнее всего, Константин поставил Христианскую Церковь в такое положение в империи, что её дела, как общества, тесно связанного со всей государственной жизнью, признавались делами государственной важности. Что касается отношения Константина к язычеству, то он поступал в этом случае как глубокий политик. Он понимал, что язычество должно само собой, по естественному ходу вещей уничтожиться. Поэтому, не предпринимая никаких строгих мер против него, тем более что в империи было язычников гораздо больше, чем христиан, Константин не закрывал языческих храмов, не отнимал жалованья у языческих жрецов, даже не сложил с себя титул верховного жреца (*pontifex-maximus*), который носили римские императоры. Вообще он постоянно говорил, что религия есть дело совести и оказывал значительную терпимость ко всем своим языческим подданным, не исключая и солдат-язычников, которых не принуждал исполнять христианские обряды. Только те языческие храмы, которые оставались без употребления, после обращения в христианство жителей известной местности, были им закрываемы и здания отдавались христианам. Храмы же, в которых совершалось служение разврату и чрез которые распространялись суеверия, по его приказанию были разрушаемы до основания. Язычество особенно было сильно в Риме, где ему преданы были многие знаменитые фамилии и было много последователей неоплатонизма. Не желая встречать со стороны закоренелых римских язычников противодействия своим намерениям об упрочении

христианства во всей империи, Константин решил оставить языческий Рим и в 330 году перенес свою столицу в Византию, которая была названа по его имени Константинополем. Здесь он основал столицу вполне христианскую, уничтожив идолов и украсив город христианскими храмами. В 337 году Константин принял крещение от Евсевия, епископа Нико-мидийского, а затем вскоре умер, на 65 году своей жизни, причисленный Церковью к лику святых, а римским языческим сенатом, по давнему языческому обычаю, к сонму богов. Преемниками Константина Великого были его сыновья Константин II (до 340 г.), Констанс (до 350 г.), управлявшие западом, и Констанций, управлявший сначала (с 337 г.) востоком, а по смерти Констанса, и западом (до 361 г.). Они изменили политику своего отца по отношению к язычникам; строгие и насильственные меры против язычников, по их понятию, могли скорее уничтожить идолопоклонство и дать полное торжество христианству. Особенно нетерпимостью отличался Констанций. Вместе с Констансом, он в 341 г. издал закон, которым под угрозой смерти запрещались языческие жертвоприношения и всякого рода суеверные гадания; тот же закон был повторен еще несколько раз (в 346, 350, 353 и 356 годах). Вместе с этим Констанций разрушал языческие храмы или отдавал их христианам, которые обращали их в церкви, только немногие храмы, бывшие памятниками истории и искусства, оставались нетронутыми. Вообще, в правление Констанция, принадлежность к язычеству считалась государственным преступлением, как в прежние времена принадлежность к христианству. Следствием крутых мер Констанция было то, что толпы язычников обращались в христианство поневоле и без сердечного убеждения в его истинности. Язычники, состоявшие на государственной службе, прежде всего, спешили принимать христианство, чтобы удержать за собой занимаемые должности. Язычество стремительно теряло свои позиции в городах, и только в важнейших из них, например, Александрии, Афинах и Риме оно имело еще значительную силу. Древние патрицианские фамилии Рима и ученые Александрии и Афин усиленно отстаивали язычество; первые защищали религию своих предков, вторые — философию, науку, литературу, которые процветали в языческом мире. Сам Констанций, при всем своем желании уничтожить язычество, не отваживался разрушать языческие храмы в Риме и даже не отнял государственное жалованье у жрецов.

§ 3. Положение Церкви при Юлиане Отступнике

Насильственные меры Констанция повели к тому, что язычники, принявшие христианство поневоле, и не принявшие его, сделались ожесточенными фанатиками, и тем упорнее держались своей старой религии, чем настойчивее их преследовали. Затаенным желанием их было — взять перевес над христианами, какой они имели до времени Константина Великого. С восшествием на престол преемника Констанция Юлиана (361 — 363 гг.) желания их исполнились на некоторое время. Юлиан, племянник Константина Великого и внук Констанция Хлора, оставшийся еще в детстве сиротою, вместе с братом своим Галлом был удален от двора подозрительным Констанцием и помещен на жительство в одном замке в Каппадокии. Чтобы отнять у братьев всякую надежду на императорский престол, Констанций хотел со временем определить их в духовное звание и потому давал им соответствующее воспитание. В своем заточении Галл и Юлиан должны были постоянно ходить в церковь, читать Священное Писание и вообще выполнять все церковные уставы. Удаление от двора и стесненная жизнь в заточении возбуждали в Юлиане ненависть к Констанцию, тем более, что последний был причиной смерти его отца, а потом и брата, Галла. С ненавистью к Констанцию развилась в Юлиане и ненависть, к христианству, как религии его притеснителя. Внешнее религиозное воспитание не могло возбудить в нем любви к христианству. А приставленный к нему учитель словесности, христианин только по имени, сумел привлечь его на сторону язычества. Под руководством своего учителя, Юлиан познакомился с произведениями искусства, науки и литературы древне-классического мира и особенно с мифологией и воззрениями на нее неоплатоников. Прельщенный красотой созданий языческо-классического мира, при отсутствии глубокого понимания христианства, Юлиан уже с ранних лет стал убежденным язычником, хотя по примеру своего учителя, еще долгое время скрывал свои религиозные убеждения, представляясь ревностным христианином. Скрытность Юлиана обманула Констанция. Не имея прямых наследников, он решился в 352 г. вызвать Юлиана ко двору в Константинополь и дать ему воспитание, как наследнику престола. При дворе Юлиан увидел интриги в христианском обществе, окружавшем его, разногласия, борьбу религиозных партий. Все это возбуждало в нем нерасположение к христианству. А между тем, поборники язычества, с которыми Юлиан скоро сошелся, постарались раскрыть пред ним древнюю религию отцов, освещенную философскими воззрениями, в привлекательных формах. Знаменитый языческий ритор Ливаний, которого Юлиан тайно слушал в Никомидии, имел на него сильное влияние. В городах Малой Азии и Афинах, куда Юлиан с разрешения Констанция отправился докончить свое образование, он познакомился со знаменитыми неоплатониками, особенно с Максимом, который посвятил его во все таинства теургии и экстаза. В 355 г. Констанций, не подозревая еще в Юлиане язычника, отправил это в Галлию в звании кесаря. В 361 г. последовал разрыв между Констанцием и Юлианом. Юлиан, провозглашенный своими войсками императором, пошел открытой войной против Констанция, причем сбросил маску христианина и открыто заявил себя язычником. К счастью Юлиана, Констанций в том же году умер, и он сделался правителем всей империи. Вступление Юлиана на императорский престол было радостным событием для языческой партии. Молодой император, окруженный философами, учеными и жрецами, ревностно взялся за восстановление язычества. Еще на пути из Галлии он открыл множество храмов, закрытых при Констанции, и с большим торжеством приносил в них жертвы богам. По вступлении в Константинополь, торжественно заявив свое отречение от христианства, он приказал по всей империи восстановить разрушенные и открывать закрытые храмы и отправлять в них служение. Гонимые и преследуемые жрецы вышли из своих убежищ и направились к алтарям своих богов.

Сам Юлиан более всех своих языческих подданных и даже более жрецов заботился о восстановлении древних, почти забытых культов. Нося титул pontifex maximus, он хотел быть жрецом на самом деле; поэтому часто сам лично, с небывалой торжественностью и благоговением, приносил жертвы богам. Таким образом, язычество снова стало религией государственной, и язычники опять получили преобладающее значение в империи. По отношению к христианскому обществу Юлиан держал себя на первых порах довольно снисходительно. Наученный историей, он понимал, что кровавые преследования не могут уничтожить христианства. Скорее, думал он, можно ослабить его, довести до уничтожения хитрой политикой. В этих видах, руководствуясь, по-видимому, философской терпимостью ко всем учениям, он предоставил свободу действий всем христианским партиям и сектам; на самом же деле он рассчитывал, что христианское общество при внутренней борьбе партий, само собою придет к падению. С хитрой же целью Юлиан особым законом запретил христианским ученым заниматься изучением философов и поэтов и объяснением им в школах, представляя в основание то обстоятельство, что люди, изъясняющие творения великих мужей — Гомера, Гесиода, Геродота и др. — и обличающие их в нечестии, оскорбляют богов, которых почитали эти великие люди. На самом же деле упомянутым запрещением Юлиан хотел защитить свое дело восстановления язычества. Он очень хорошо видел, что христианские ученые, знакомые с философами и поэтами, объясняя писания их пред своими слушателями с христианской точки зрения, подрывают язычество в его первых источниках. Далее, чтобы оскорбить христианское чувство и даже посмеяться над пророчеством Христа Спасителя об Иерусалимском храме, Юлиан, под видом той же веротерпимости, дал иудеям средства восстановить свой храм в Иерусалиме. Но, по свидетельству и языческих и христианских писателей, появлявшийся три раза из земли огонь истреблял все начатые постройки, так что сами иудеи в ужасе отказались от предпринятого дела. Хотя подобные распоряжения направлены были против христиан только косвенным образом и не угрожали существованию Церкви, но уже одно то, что привилегии религии государственной стали переходить от христианства к язычеству, поставило христиан в положение двусмысленное, при котором возможны были для них большие притеснения. Так, с восстановлением язычества, воинские знамена с изображением креста заменены были новыми с изображением богов, разные воинские церемонии получили характер языческий. Все это стесняло воинов — христиан. Приказания Юлиана окропить в Антиохии жертвенной кровью продаваемые на рынках припасы повело уже к стеснению всех христиан. Потом удаление всех христиан от занимаемых ими государственных должностей и предпочтение, отдаваемое правительством язычникам во всех случаях жизни, например, в судебных спорах и тяжбах, поставляло часто многих христиан в затруднительное положение. Но самым сильным стеснением для христиан было то, что они, по приказу Юлиана, должны были возвращать язычникам те имущества, которые при Константине и Констанции перешли от языческих храмов к Христианской Церкви. Многие языческие храмы были обращены в церкви; земли, принадлежавшие языческим храмам, заняты были христианскими строениями. Чтобы выполнить приказания императора, христиане должны были уничтожать свои церкви и даже на свой счет восстанавливать разрушенные по приказанию христианских государей языческие храмы. При этом были такие случаи, что язычники требовали и отнимали у христиан не только то, что прежде принадлежало языческим храмам, но и то, что всегда было собственностью христианских церквей. Но как Юлиан ни стеснял христиан прямо или косвенно, он не ослабил христианства и далеко не достиг своей цели восстановления язычества, тем более что почти в первые же дни своего правления разошелся с большинством языческой партии. Воспитанный в понятиях неоплатонической школы, он хотел восстановить не то язычество, какое знало большинство язычников, а язычество, преобразованное по началам неоплатонизма. Отицая

вместе со своими учителями неоплатониками древнее многобожие и признавая божеством только единое Верховное Существо, Юлиан видел в богах древней религии идеи, свойства и качества этого Верховного Существа, а в идолах — изображение сих последних. Сообразно со своими понятиями о богах древности он смотрел и на мифы, стараясь своими аллегорическими толкованиями прикрыть все их нелепости и возбудить в язычниках такое же благоговейное уважение к ним, каким и он сам отличался. Вместе с теоретической стороной в язычестве Юлиан хотел преобразовать и практическую. По-прежнему оставляя в языческом культе жертвоприношения и даже заботясь об увеличении их, он хотел внести в него религиозно-нравственные элементы; требовал, чтобы жрецы занимались изучением философов и поэтов, как провозвестников божественных истин, вели жизнь строго воздержанную и добродетельную, поучали народ, объясняя ему смысл древних мифических сказаний, при храмах устраивали благотворительные заведения. Словом, дух религии христианской Юлиан хотел перенести на язычество. В таком виде язычество неизвестно было большинству язычников, даже самим жрецам. Поэтому массы народные, как и прежде, относились к служению своим богам холодно и небрежно. Случалось, что одни только старухи присутствовали при жертвоприношениях императора — жреца, или как это было в Антиохии, — в праздник Аполлона язычники ставили одного императора приносить жертву богу поэзии под открытым небом при проливном дожде, а сами искали убежище под крышей храма. Свободно мыслящие из язычников даже открыто в разговорах и сочинениях смеялись над множеством жертв, приносимых Юлианом, и над его философскими толкованиями мифов. Приближенные Юлиана, наполнявшие его двор, тоже не сочувствовали его планам; в большинстве это были шарлатаны и искатели приключений, рассчитывающие приобрести какие — либо выгоды от императора — язычника. Таким людям не нравилась строго философская, полная энергии жизнь Юлиана, и на требования его проводить подобную же жизнь они отвечали жалобами на невнимательность к ним императора. Разочарование одно за другим постигали Юлиана; языческое общество не сочувствовало его планам, христианство мужественно переносило все притеснения и не ослабевало. Но Юлиан не хотел отказываться от своего дела; препятствия и неудачи только раздражали его. Он хотел употребить все средства, даже насильственные, чтобы только достигнуть своей цели. И действительно, христиане ожидали уже от него жестоких преследований после его похода в Персию. Но в одной битве с персами, в 363 г. Юлиан был убит, а вместе с его смертью кончилось и его дело восстановления язычества.

§ 4. Положение Церкви при последующих императорах и окончательное падение язычества в Римской империи

Юлиан был последним из языческих императоров. После его смерти на императорский престол выбран был войском Иовиан (363 — 364 гг.), который при самом избрании заявил, что он христианин. Впрочем, этот царь относился к язычникам снисходительно, запретив только те жертвоприношения, которые соединены были с годаниями и разного рода суевериями. Подобной же терпимостью отличались его преемники: Валентиниан I (364 — 375 гг.), управлявший западом, и Валент (364 — 378 гг.), брат последнего, управлявший Востоком. С V века, можно сказать, восточная империя стала христианской. На западе язычество держалось крепче, чем на востоке. Нападения на Италию варваров в V столетии поддерживали надежды языческой партии. Римские сенаторы из языческих фамилий высказывались открыто, что все несчастья постигают империю за оставление религии отцов. В 476 году западная империя пала под оружием варваров, но язычество не было восстановлено, и Христианская Церковь оставалась непоколебимой.

§ 5. Усилия ученых язычников защитить падающее язычество. Опровержение их со стороны христиан

С IV столетия, когда христианство в Римской империи фактически восторжествовало над язычеством, нападение ученых язычников на христианство становится малочисленнее и слабее сравнительно с предшествовавшими веками. Приверженцам язычества приходилось теперь не столько нападать на христианство, сколько защищать и поддерживать свое язычество. В своих речах и беседах, не нападая прямо на христианство, они старались возбудить в народе и особенно в молодом поколении угасшую любовь к языческому — классическому миру и отстоять перед христианским правительством языческие культы, во имя их древности и значения в прошлой государственной жизни, или во имя общечеловеческих прав язычников на свободу убеждений. Но были и прямые нападения на христианство со стороны языческих ученых. В этом отношении первое место принадлежит Юлиану Отступнику. Пред своим походом в Персию он написал сочинение в трех книгах под названием «Против христиан». Однако ничего нового, сравнительно с прежними языческими писателями против христианства, несмотря на свое знакомство с христианским учением, Юлиан в своем сочинении не высказал. С другой стороны, христианские писатели, как и в первые века, продолжали дело опровержения язычества и защиты христианства, хотя в настоящее время весь литературный интерес сосредоточивался на богословских вопросах. Евсевий, епископ Кесарийский, продолжавший свою апологетическую деятельность, в этот период написал «Приготовление к Евангелию» в пятнадцати книгах и «Доказательство Евангелия» в двадцати книгах. В первом сочинении Евсевий раскрывает несостоятельность всех языческих учений. Святитель Афанасий, епископ Александрийский (ум. в 373 г.), также оставил два апологетических сочинения, отличающиеся ясностью, глубиной и силой мысли: «Слово против эллинов» и «О вочеловечении Слова». Из латинских апологетов V века первое место принадлежит Блаженному Августину, епископу Иппонскому, жившему в Африке (354—430 гг.), который написал много апологетических сочинений и особенно замечательное «О граде Божиим» в двадцати двух книгах. В первых пяти книгах Августин опровергает упреки язычников, будто бы христианство виновно в бедствиях империи, доказывая, напротив, что весь склад римской жизни, сложившийся под влиянием язычества и удерживающий языческий характер даже после распространения христианства, естественно ведет к падению империи. В следующих пяти книгах он раскрывает безнравственность языческой мифологии и культов, несостоятельность философии и пр. В остальных двенадцати книгах развивается учение о Царстве Божиим в противоположность царству земному, человеческому.

§ 6. Распространение Церкви вне пределов Римской империи

В первые три века христианская Церковь только отчасти проникла за пределы Римской империи; борьба с римским язычеством за свое существование заставляло христианское общество сосредоточить все свои силы на одной территории, а именно — в Римской империи. Теперь же, когда борьба кончилась падением язычества и Римская империя сделалась христианским государством, Церковь получила возможность выступить решительным образом за пределы империи. Пути, которыми она проникает в языческие близкие и отдаленные от империи страны, весьма разнообразны. Христианские купцы, посещая языческие страны по делам торговли, заносят сюда христианство; христиане, попадающие в плен к язычникам, просвещают их светом Евангелия и, наоборот, язычники, попадающие в плен к христианам, знакомятся с христианством и, возвращаясь на родину, становятся в свою очередь распространителями его между своими соотечественниками; монахи-подвижники, поселяясь в пустынях на границах Римской империи или даже в языческих странах, своей святой жизнью пробуждают в язычниках уважение к христианству и заставляют их принимать его. Ревностные проводники Евангелия с апостольской неустрашимостью отправляются в страны варваров и основывают между ними Церковь; предстоятели церквей и государи устраивают правительственные миссии для обращения язычников; принцессы-христианки, выходя замуж за языческих королей и князей, располагают к принятию христианства как своих мужей, так и подданных-язычников. Вообще всякого рода столкновения и сношения между народами, принявшими христианство, и не принявшими, служили более или менее удачными поводами к распространению христианства между последними. Таким образом, во второй период, Церковь распространилась во многих языческих странах Африки, Азии и особенно Европы. 6.1.

Распространение Церкви в Африке

Из обитателей Африки, в первой половине IV века, приняли христианство абиссинцы или эфиопляне. Около 316 г. один христианский ученый Меровий, родом из Тира, с своими родственниками, еще юношами, Едессием и Фрументием, путешествовал с научными целями в страны на юг от Египта по Черному морю. Случилось, что корабль, на котором они плыли, пристал к берегам Абиссинии. Абиссинцы напали на мореплавателей, убили и потопили их всех, кроме Едессия и Фрументия, которых представили в дар своему царю. Абиссинский царь нашел их годными для своей службы и дал им должности при своем дворе. Вскоре Едессий и Фрументий сделались лицами влиятельными; по смерти царя Фрументий сделался даже воспитателем малолетнего наследника престола Айзана. Пользуясь таким значением в стране, Едессий и Фрументий могли свободно исповедовать свою веру. Они познакомились с приехавшими в Абиссинию по торговым делам римскими купцами, устраивали с ними богослужебные собрания и даже построили маленькую церковь. Когда Айзан вырос, Едессий и Фрументий выпросились на родину. Эдессий отправился в Тир к своим родным, а Фрументий — в Александрию, где тогда был епископом Афанасий Великий. Фрументий рассказал ему, как легко могут быть просвещены христианством абиссинцы, и просил прислать к ним епископа и клир. Святитель Афанасий счел за лучшее поставить в епископа для абиссинцев самого Фрументия, который и отправился к ним обратно. Молодой царь Абиссинский, по убеждению Фрументия, крестился; за ним крестились и многие из его подданных. Фрументий был Абиссинским епископом долгое время, построил много храмов для новообращенных, и после своей смерти оставил Абиссинскую церковь прочно устроенной; вероятно, он же дал ей и перевод Священного Писания Нового Завета на абиссинский язык. Абиссинская церковь в V веке уклонилась к монофизизму. 6.2. Распространение христианства в Азии 6.2.1. Кавказ.

Обитатели Кавказа приняли христианство отчасти в IV веке, отчасти в VI веке. В двадцатых годах четвертого столетия к иверам попала в плен христианка Нина, вероятно монахиня. И в плену, будучи рабой, она проводила строго — подвижническую благочистивую жизнь, чем возбудила удивление иверов. У иверов был обычай переносить больных из одного дома в другой для того, чтобы всякий, кто знает средство против болезни, указал его. Случилось так, что в тот дом, в котором жила Нина, принесен был больной ребенок. Человеческие средства уже не могли спасти его от смерти. Нина помолилась Богу, — и ребенок выздоровел. Слух об этом чуде дошел до царского дома. Заболела сама царица и также выздоровела по молитве Нины. Вместо всяких подарков за исцеление, которые предлагал ей царь, она просила только одного — чтобы был построен храм Тому Богу, Которого она почитает. Впечатление, произведенное на царя чудом и словами Нины, усилилось еще более, когда он сам заблудился на охоте. Находясь в затруднительном положении, он вспомнил могущество христианского Бога, Которого почитает Нина, и дал обещание построить Ему храм, если благополучно возвратится домой. Действительно, он возвратился домой благополучно, уверовал сам в христианского Бога, начал строить Ему храм, и по совету Нины, отправил посольство к Константину Великому, чтобы тот прислал в Иверию епископа и клир. Греческие священники, прибывшие затем в Иверию, просветили жителей ее евангелиеским учением. При этом царь и царица с особенной ревностью заботились об обращении своих подданных. От иверов христианство постепенно распространилось между другими племенами, населявшими Кавказ.

6.2.2. Армения.

В первые века по Рождестве Христовом Армения нередко попадала под власть римлян. Через это открылась возможность сношения римских христиан с жителями Армении, и вместе с тем открылся путь христианству в Армении. И, действительно, уже во II веке мы видим христиан из туземных жителей Армении. Но окончательно утвердилось христианство в Армении в IV и V веках. Апостолом Армении был Григорий, получивший за свою проповедническую деятельность наименование Просветителя. Он был сыном армянского князя Анака. При истреблении всего дома Анака (259 г.), Григорий будучи еще двухлетним ребенком, был спасен от смерти своей кормилицей — христианкой и отправлен в Кесарию Каппадокийскую, где получил христианское воспитание. Возвратившись затем на свою родину в Армению, он поступил на службу к царю Тиридату III и успел обратить его в христианство. Желая устроить армянскую церковь на прочных началах, он отправился (302 г.) опять в Кесарию, где принял от митрополита Леонтия сан епископа и, возвратившись в Армению, с необыкновенной ревностью взялся за обращение своих соотечественников. Царь и двор крестились, за ними крестилось много народу. Вместо языческих храмов во множестве появилось церковное просвещение и просвещенный клир. После смерти Григория Просветителя попечение об армянской церкви перешло к его потомкам, из которых многие были и епископами. Вначале V века, один из таких потомков, Исаак Великий, завершил дело Григория. Он основал множество церквей и монастырей, приготовил целое поколение просвещенных клириков, устроил христианские школы для народа и положил основание армянской богословской литературе. При нем же Месроб изобрел армянскую азбуку и перевел Священное Писание на армянский язык. Между тем в 428 г. Армения, под оружием персов, потеряла свою самостоятельность. Персидские цари, вместе с господством над Арменией, хотели восстановить в ней религию Зороастра. Но, несмотря на это, персы не могли уничтожить христианство в Армении. Борьба за веру продолжалась два столетия, до 651 года, когда вместе с Персией Армения попала под власть аравитян — мусульман. Во время борьбы Церкви с ересями в IV и первой половине V века Армянская Церковь оставалась верной православию. Но во второй половине V века она отделилась от Церкви Вселенской по поводу ереси монофизитской.

6.2.3. В Персию

христианство стало проникать еще во II веке из пограничных областей империи. В начале IV

века персидские христиане, под руководством своего митрополита и под главным управлением Антиохийского патриарха, составляли уже большое христианское общество. Царствовавшая в Персии с III века династия Сассанидов, как национальная, стремилась к восстановлению древней религии Зороастра: маги были усердными помощниками правительства. Отсюда, естественно, персидское правительство смотрело на своих христианских подданных, не хотевших следовать национальной религии, как на изменников отечеству. К тому же маги смогли внушить правительству, что персидские христиане, находясь вследствие своей религиозной связи, в постоянных сношениях с населением Римской империи, с которой Персия вела почти постоянные войны, — изменники отечеству и в политическом отношении. Вот причины, по которым персидское правительство поднимало гонение на своих христианских подданных в IV и V веках. При Константине Великом положение персидских христиан было еще спокойнее; он, заключив мир с персами, просил царя их, Сапора II, оказывать благосклонность к христианам. Но в 343 году, когда началась война с римлянами, персидское правительство, опасаясь измены со стороны христиан, начало сильно притеснять последних. В половине V века одна из причин, по которой преследовались персидские христиане, именно подозрение их в политических сношениях с Византийской империей, была устранена. Персидская Церковь, после уклонения в несторианство, в половине V века, прекратила сношения с христианами Византийской империи. Поэтому персидское правительство начало смотреть на христиан терпимее, и положение их внутри персидского государства, до падения последнего под оружием аравитян — мусульман (651 г.), становилось все более и более спокойным.

6.2.4. В Аравии начало христианства относится ко временам апостольским; там был с проповедью Евангелия апостол Павел. В III веке там проповедовал Ориген; в Аравию же приносили христианство бежавшие из империи от преследования христиане. В IV и V веках распространение христианства в Аравии совершается в больших масштабах. Так, около 320 года христианство проникло в Счастливую Аравию. Кочевые аравийские племена обращались преимущественно благодаря проповеди пустынных и монахов, поселявшихся на границах Палестины и Аравии. Симеон Столпник своими необыкновенными подвигами на столпе до того поражал сарацин, что они считали его неземным существом; приходили к нему тысячами и, по его убеждению крестились. Монахи горы Синая, поселившиеся здесь в IV веке со своей стороны, с успехом занимались распространением христианства между окрестными аравийскими племенами. В IV столетии в Аравии некоторые кочующие племена были уже вполне христианскими.

6.3. Христианская Церковь в Европе

6.3.1. Готы и другие кочевые народы. В Европе вне пределов Римской империи, христианство начало распространяться, прежде всего, между народами германского племени. Так, в IV и V приняли христианство готы, вандалы, свевы, бургунды, лангобарды, но, к сожалению, в форме арианства.

6.3.2. Франки, под предводительством своего короля Хлодвига, в конце V века заняли северную Галлию и основали здесь свое государство. Все они были язычники. Христианство распространилось между ними при посредстве бургундской принцессы Клотильды, на которой женился Хлодвиг (493 г.). Долгое время Клотильда убеждала своего мужа принять христианство, но он не соглашался. Впрочем, Хлодвиг, дозволил своей жене содержать христианскую веру и даже крестить своих сыновей. Случилось, что второй сын его заболел и Хлодвиг предсказывал его смерть, но по молитве Клотильды ребенок выздоровел. Это произвело на Хлодвига впечатление. Сильное впечатление производили на него также рассказы Клотильды о чудесах, совершившихся при гробе Мартина, епископа Турского (умершего около 400 г.), и свидетельствовавших о силе христианского Бога. Влияние этих рассказов скоро обнаружилось. В 496 г. Хлодвиг начал войну с алеманами. Его войско подвергалось большой опасности. Призывая напрасно на помощь своих богов, он вспомнил, наконец, о христианском Боге и дал обещание креститься, если одержит

победу. Победа досталась ему, и он в том же 496 г. принял крещение от православного епископа Ремигия, приглашенного с этой целью Клотильдой. За Хлодвигом крестились и все его подданные. Но, принявши крещение, франки в действительности остались язычниками; только в последующие века, когда во Франции были заведены монастыри и школы, они окончательно просвещены были христианством.

6.3.3. На Британских островах.

Южная часть острова Великобритании, населенная бриттами, завоевана была римлянами еще в половине I века до Рождества Христова; при Веспасиане и особенно Траяне и Адриане римское господство здесь было вполне упрочено. Поэтому, еще во II веке, вместе с римским господством проникло сюда и христианство из Южной Галлии или даже из Малой Азии, с обрядами и учреждениями церквей восточных, и имело значительное число последователей между туземцами. Обитатели же северной части Великобритании пикты, скотты и ирландцы, не имели никакого понятия о христианстве. Своим обращением в христианство они обязаны святому Патрикию и его ученикам. Патрикий, родом британец, происходил из христианского семейства (родился между 370 и 380 гг.). В юности он попал в плен к ирландцам и прожил между ними шесть лет. Затем, через десять лет по возвращении на родину он опять был взят в плен морскими разбойниками и продан в Галлию, где его выкупили христианские купцы. Двукратный плен и освобождение, которое Патрикий приписывал божественной помощи, пробудили в нем стремление посвятить себя на служение Богу, что он и исполнил по возвращении в отечество. Приняв епископский сан от британских епископов, Патрикий пошел (около 432 г.) с проповедью Евангелия к ирландцам. Зная язык и обычаи ирландцев, он имел здесь необыкновенный успех, многие из них, вследствие его проповеди, обратились в христианство. Чтобы упрочить в Ирландии христианство, Патрикий основал там несколько монастырей, которые были школами для народа; монахам же дал все средства к религиозному просвещению: изобрел ирландскую азбуку, завязал сношение с британской и галльскими Церквами, выписывал оттуда книги и прочее. Патрикий умер около 460 г., после продолжительной апостольской деятельности, прочно устроив ирландскую Церковь с митрополией в городе Армахе. Монахи основанных им монастырей довершили просвещение Ирландии: в первой половине VI века она уже вся была страной христианской.

6.3.4. В Германию христианство проникло еще во времена римского господства; в III и IV вв. по Рейну и Дунаю в городах, образовавшихся из римских военных поселений, было уже несколько епископских кафедр. Но с переселением народов в V и VI веках здесь почти не осталось и следов христианства. Новые попытки к распространению христианства в Германии начинаются в конце VI столетия, отчасти со стороны франков, но главным образом, со стороны британских и англосаксонских монахов — миссионеров, которые в течение VII столетия основали в разных местностях Германии несколько церквей. Но между этими церквами не было единства, — в одних были обряды и учреждения древле — британской церкви, а в других — римской церкви, да и самое христианство, при множестве оставшихся еще язычников, было не прочно. Английский монах Винфрид, принявший впоследствии латинское имя Бонифация, в первой половине VIII века завершил дело бывших до него в Германии миссионеров. Окончательное утверждение христианства в этих землях осуществил создатель единой франкской империи Карл Великий, силой смиливший с христианской верой все германские народы, в том числе и саксов, долгое время боровшихся за независимость с франками.

6.3.5. Славянские племена в IX веке занимали почти всю восточную половину Европы. Тогда как другие народы, жившие на юге и западе, были просвещены христианством, славяне оставались еще язычниками. Но в IX веке христианство стало распространяться и между ними. Замечательно, что все славянские племена приняли христианство из Константинополя, следовательно, в форме восточного православного вероисповедания, хотя впоследствии некоторые славянские страны и отпали от православия в латинство, под влиянием западных государств, принявших христианство из Рима.

Только к славянам, обитавшим по берегам Балтийского моря, в соседстве с германцами, оно занесено было непосредственно германскими миссионерами. Апостолами славян были святые братья Кирилл и Мефодий. Одни славянские народы они просветили евангельским учением непосредственно сами, а другие — посредством изобретенной ими славянской азбуки и перевода священных и богослужебных книг на славянский язык. Кирилл и Мефодий родились в македонском городе Фессалонике, или по-славянски — Солуни, в той провинции, где уже издавна было много славян, и где могли они познакомиться со славянским языком. Отец их, Лев, был помощником главного военного начальника Македонии. Кирилл, до принятия монашества называвшийся Константином, был младшим братом (родился в 827 г.). Еще в молодых годах (в 842 г.) он взят был к Константинопольскому двору, где отец его имел связи, и воспитывался вместе с молодым императором, сыном Феофила и Феодоры, Михаилом III. Кирилл оказал большие успехи, особенно в диалектике и философии, так что впоследствии получил прозвание философа. По окончании образования его сделали было патриаршим библиотекарем, но он, чувствуя склонность к созерцательной жизни, ушел тайно в монастырь. После долгих убеждений остаться библиотекарем, ему, наконец, предложили звание учителя философии, или точнее, звание вольного философа — мудреца. Очень скоро Кирилл, действительно, стал известен своей ученостью. Около 50 — х годов IX столетия он принимал участие в иконоборческих спорах, причем удачно опроверг сверженного иконоборческого патриарха Иоанна Грамматика, а в 851 г. по поручению царя и собора ходил к сарацинам для защиты иконопочитания и вообще христианской жизни. Между тем, брат его Мефодий, по смерти отца, получил должность военачальника в восточной части Македонии, где обитали славяне. Здесь он еще более познакомился с бытом и языком славян. Но и он, подобно Кириллу, чувствовал призвание к созерцательной жизни, почему и ушел в монастырь на Олимп. Сюда же, после путешествия к сарацинам пришел и Кирилл. Святые братья вели здесь подвижническую жизнь, проводя время в молитве и чтении книг. В это — то пребывание в монастыре у братьев созрела мысль о миссионерской деятельности между славянами, здесь же они изобрели славянскую азбуку (855 г.) и начали перевод священных книг на славянский язык. В 858 г. св. братья на время должны были оставить свой труд. Хазары, обитавшие в Крыму и по северным берегам Черного моря и имевшие во владении своем некоторые славянские племена, прислали в том году к императору Михаилу III посольство просить у него книжного мужа, который мог бы спорить о религиозных предметах с магометами и евреями, распространявшими у них свое учение. Император, вызвав из монастыря Кирилла, отправил его к хазарам, вместе с ним пошел и брат его Мефодий. У хазар они имели значительный успех, вероятно, между славянами, так что некоторые крестились. Впрочем, в X веке хазары были еще магометанами, иудеями и даже язычниками. В Крыму Кирилл и Мефодий нашли мощи св. Климента, епископа римского, умершего здесь мученической смертью при Траяне, и взяли их с собой. Сношение с славянами (русскими) во время путешествия к хазарам еще более укрепили решимость Кирилла и Мефодия заняться обращением их. По возвращении от хазар, удалившись в монастырь, они опять принялись за продолжение своего труда и успели уже перевести на славянский язык чтения из Евангелия и Апостола на Литургии, Псалтирь, утреннюю службу, часы, вечерню и Литургию. Вскоре св. братья опять должны были покинуть монастырь, чтобы просветить славянские племена светом Христова учения. В 862 г. моравский князь Ростислав прислал к императору Михаилу III посольство с просьбой прислать к нему учителей, знающих славянский язык, которые могли бы научить его народ истинной вере. Хотя в Моравию проникли уже немецкие миссионеры, но Ростислав уклонялся от них по тем же причинам, по которым болгарский князь Борис уклонялся от греческих. Михаил III послал в Моравию Кирилла и Мефодия, которые, пришедшие туда в 863 г., основали свое местопребывание в столичном

городе Белграде. Ростислав, его племянник Святополк и многие другие немедленно приняли от них крещение. Совершение богослужения на славянском языке и перевод св. книг, которые они принесли с собой, особенно привлекали моравов и давали Кириллу и Мефодию перевес над немецкими миссионерами. Последние обратились в Рим с жалобами на Кирилла и Мефодия, и папа Николай I в 867 г. потребовал их к себе. К счастью Кирилла и Мефодия, Николай в это время умер, и преемник его, Адриан III, искавший союза с Константинополем, принял их не так недружелюбно, как можно было ожидать. К тому же Кирилл и Мефодий принесли в Рим мощи св. Климента. Вследствие всего этого папа одобрил как апостольские труды братьев, так и их славянский перевод Священного Писания. Кирилл умер в Риме в 869 г. 14 февраля, сорока двух лет. Мефодий же возвратился в Моравию. Но так как в это время в Моравии шло междоусобие между Ростиславом и его племянником Святополком, которого поддерживали немцы, то Мефодий счел за лучшее утвердить свое местопребывание в соседнем славянском княжестве, Паннонии, у князя Коцела. Коцел так же как и Ростислав желал, чтобы в его стране насаждали веру славянские проповедники, и потому не только принял радушно Мефодия, но и просил папу посвятить его в сан архиепископа Паннонского. Папа исполнил желание Коцела и, когда Мефодий возвратился для этого в Рим, поставил его архиепископом Паннонским и Моравским. В сане архиепископа Мефодий с прежней ревностью продолжал свои апостольские труды: проповедовал, назначал и посвящал священников из туземных славян как для Паннонии, так и для Моравии, устраивал школы и завершал перевод Священного Писания на славянский язык. Латинско — немецкое духовенство, считавшее Моравию и Паннонию своим достоянием, не могло равнодушно смотреть на основание Мефодием национальной славянской церкви с обрядами Церкви восточной. Собрались немецкие епископы на собор в Паннонии, позвали св. Мефодия и, после разных оскорблений, заключили его в оковы и отправили в заточение в один монастырь в Швабии; перед папой же Иоанном VIII они обвинили его как еретика за то, что он в богослужении употребляет не латинский или греческий языки, а грубый славянский, и вводит обряды восточной церкви. В заточении Мефодий пробыл почти три года, испытывая тяжкие страдания. Только победы в 870 г. преемника Ростислава, Святополка над немцами, заставили немецких епископов освободить его в 874 г. После этого Мефодий утвердил свое местопребывание опять в Моравии и продолжал трудиться над устройством национальной славянской церкви. Немецко-латинские епископы все — так не давали ему покоя. По их проискам, папа, наконец, в особом послании к моравам отменил славянскую литургию, оставив только проповедь на славянском языке; но Мефодий лично отправился в Рим и так горячо защищал славянское богослужение, что папа оставил свои требования; только Евангелие должно было читаться на латинском или греческом языках. Возвратившись из Рима (880 г.), он трудился в Моравии еще пять лет, до самой своей смерти, которая последовала 6 апреля 885 г. Из Моравии, еще при св. Мефодии, христианство проникло в Богемию. Богемский герцог Боривий, находясь в частых сношениях с Моравским государством, около 880 г. при дворе Святополка, принял крещение от Мефодия и взял с собой священника. Его жена Людмила и многие другие также крестились.

§ 7. Христианская Церковь в период Великого переселения народов. Ислам

В начале IV века систематические и почти постоянные гонения на христиан со стороны язычников в Римской империи прекратились. Но Церкви все-таки пришлось и теперь испытать много бедствий. Особенно много зла приносили ей так называемое великое переселение народов, нападения персов и страшные опустошительные завоевания аравитян — мусульман. Великое переселение народов началось в конце IV века. Неизвестный до того времени азиатский народ, носивший название гуннов, появился в пределах нынешней южной России и начал теснить, прежде всего, готов. Гунны, разделявшиеся на несколько племен, доселе нападали на империю разрозненно. Но к половине V века они были соединены под властью одного вождя Атиллы, который, покорив славянские и многие германские племена, например ост — готов, образовал громадное царство на северных границах империи. Византийская империя принуждена была платить гуннам ежегодно дань, но, несмотря на это, Атилла делал частые набеги на пограничные области. Император Маркиан, впрочем, с успехом отражал его. Атилла со своими громадными полчищами обратился на Западную империю, покоряя на пути разные германские племена. В 451 г. он явился в Галлии, предавая все огню и мечу. Разбитый здесь римскими и вест — готскими войсками, он устремился в Италию (452 г.). Город Аквилея подвергся ужасному опустошению. Рим спасся только просьбами св. Льва Великого и богатым откупом императора Валенти-ниана III. К счастью западной империи, Атилла умер (453 г.), а его громадное царство при его преемниках и распалось. Но через три года после Атиллы вандалы, призванные на помощь вдовою Валентиниана III, пришли под предводительством своего короля Гейзериха в Италию и страшно опустошили Рим (455 г.), разграбив все драгоценности и все произведения искусства. Просьба св. Льва Великого имела мало успеха. После нашествия вандалов Западная империя видимо уже распалась. Императорский престол находился в руках предводителей наемных варварских войск, опустошавших несчастную Италию. Наконец, один из таких предводителей Одоакр, родом ругиец, решил положить конец империи: низложил последнего императора Ромула Августула, завладев Римом и объявил себя королем Италии (476 г.). Владычество Одоакра в Италии сменили (в 492 г.) остготы, после смерти Атиллы получившие свободу. Их король, Теодорих Великий, стал теперь повелителем Рима. Кроме этих народов производили нападения на империю и другие германские племена — лангобарды, бургунды, франки и проч. Все такого рода опустошительные нападения были бедственны сколько для государства, столько же и для Церкви. Гибли христиане Восточной и Западной империи, гибли пастыри Церкви, разрушались и разграблялись храмы. Во время великого переселения народов вся тяжесть бедствий ложилась преимущественно на западные церкви. Между тем и восточные церкви страдали очень много, именно от персов. Войны между Персией и Восточной империей были очень часты, и перевес, по большей части, был на стороне персов. Особенно бедственно было для Церкви нашествие персов на империю в начале VII века. Персидский царь Хозрой II вступил с большим войском в восточные пределы империи и прошел даже до Халкидона (616 г.). В покоренных областях христиане были преследуемы со страшной жестокостью. Палестина и Иерусалим особенно пострадали в это время. При взятии Иерусалима (614 г.) погибло много клириков, монахов и монахинь; церкви, и в том числе храм Воскресения, разграблены, разрушены и сожжены; церковные сосуды расхищены, даже древо Креста Господня сделалось добычей персов. Иерусалимский патриарх Захария со многими тысячами христиан был отведен в плен. Вместе с персами на погибель христиан соединились палестинские иудеи, они выкупили несколько тысяч пленных христиан и умертвили их. Такая

же участь постигла и окрестности Иерусалима. Например, Лавра св.Саввы Освященного была разграблена и разрушена, многие ее умерли смертью мучеников. Только император Ираклий, разбив персов наголову (628 г.), положил конец их жестокостям. Все христианские пленники, в том числе и престарелый патриарх Захария, были возвращены, равно как было возвращено и древо Креста Господня. В то время как Ираклий освобождал восточные церкви от одних врагов, из Аравии поднимались новые враги Церкви и государства, опаснейшие из всех доселе бывших. Это аравитяне — мусульмане. Выше было замечено, что в Аравии христианство распространилось довольно успешно. К несчастью, вместе с истинным христианством, в Аравию проникли всякого рода ереси. Преследуемые в империи еретики, начиная с манихеев и кончая монофизитами, бежали в Аравию, как такую страну, где можно было найти безопасное убежище и даже безбоязненно распространять свое лжеучение. Христианство, таким образом, встречало здесь препятствие к своему распространению не только в местном язычестве и иудействе, но и во множестве христианских сект. Сосредоточение в Аравии нескольких религиозных систем и учений и происходящая отсюда борьба и брожение разнообразных религиозных элементов легко могли повести к слиянию в большей или меньшей мере всех их и образованию новой религии. Действительно, в начале VII века в Аравии появилась новая религиозная система, ислам или магометанство, носящая в себе элементы язычества, иудейства и христианства. Основателем новой религии был Мухаммед или Магомет, родившийся около 570 г. в аравийском городе Мекке. В ранней молодости он совершил много торговых путешествий; на 40 году жизни, отказавшись от торговли, он предался спокойной созерцательной жизни. Столкновение во время торговых путешествий с евреями, христианами и христианскими сектантами не могли не пробудить в Магомете религиозных дум. Из всех религиозных учений Магомету представилось самым чистым и возвышенным учение Авраама о Едином Боге, которое, по его мнению, извращено евреями, христианами и его единоверцами, и это-то учение он решил восстановить во всей его чистоте. Получив в 611 г. первое откровение, как он сам рассказывал, от архангела Гавриила, он объявил себя пророком и начал тайно, а потом открыто проповедовать. Полагая в основу своей религии строгое единобожие в противоположность языческому многобожию и христианскому учению о Святой Троице, Магомет учил, что Бог открывался много раз иудейскому народу чрез пророков, но иудеи не слушали и преследовали их. Одного из пророков, самого высшего из всех, бывших до Него, Иисуса, возвещавшего божественные истины, иудеи убили, а христиане обоготворили. Наконец, Бог послал в мир последнего совершеннейшего пророка, его, Магомета, который несравненно выше Моисея и Иисуса, так как он удостоен был непосредственного созерцания Бога, будучи вознесен до седьмого неба. Этот пророк должен сообщить и сообщает людям истинное религиозное учение. При конце мира явится Иисус, который поразит антихриста и распространит учение Магомета между всеми людьми. Вера в Единого Бога и Его пророка, Магомета, рабская покорность провидению, исполнение внешних дел благочестия — чтение молитв, посты, частные омовения и прочее — вот единственный путь ко спасению, по учению Магомета. Каждого истинного мусульманина, устроившего свое спасение, ожидает блаженная жизнь за гробом, полная чувственных наслаждений. В Мекке Магомет нашел немного последователей, его даже стали преследовать, так что в 622 г. он должен был бежать в Медину. Здесь он нашел сочувственный прием тех из жителей, которые прежде, в качестве пилигримов, посещали Мекку и слушали его проповеди; сюда же пришли некоторые из его последователей из Мекки. Теперь он получил возможность лучше устроить свои дела: он постоянно проповедовал, приобретал новых последователей, получал новые откровения, издавал заповеди, устраивал богослужение. В 630 г. Магомет был уже настолько сильным, что завоевал Мекку и заставил жителей ее принять свое учение и признать себя духовным и светским главою. Храм

каабы в Мекке, с которым у обитателей Аравии были соединены религиозные воспоминания, он сделал главным религиозным пунктом своих последователей. Распространяя свое учение огнем и мечом, Магомет был страшен для всех народов. Еще до завоевания Мекки в 628 г. он посылал посольство к византийскому императору Ираклию с требованием признанием его пророком. Утвердившись в Мекке, он собрался было предпринять поход против империи, но дела в Аравии остановили его. Затем в 632 г. он умер, передав духовную и политическую власть своему преемнику (халифу — наместнику) Абубекру. Этот собрал все откровения Магомета в одну книгу, которая составила известный коран, заключающий в себе 114 глав. Абубекр и последующие халифы продолжали дело Магомета — распространение огнем и мечом его учения. В этом стремительном шествии фанатических мусульман, истреблявших в христианских странах огнем и мечом все, встречающееся на пути, христианские Церкви страдали жестоко. Три славных патриархата: александрийский, антиохийский и Иерусалимский были уничтожены; остались только названия. Везде храмы были разграбляемы и сожигаемы; христиан принуждали принимать учение Магомета, и если они отказывались, то лишались всех прав и обращались в рабство. В конце VIII века Византийская империя должна была уже платить дань арабам-мусульманам. В IX и X веках на всем Средиземном море, от Палестины до Испании включительно, господствовали только арабские пираты и производили страшные опустошения во всех христианских государствах. Правда, во второй половине X века греческий полководец, а потом император, Никифор Фока (963—969 гг.), разорив разбойничий притон арабов на о. Крит и отняв у них множество городов даже в Сирии и Палестине, ограничил на время мусульман. Но в XI веке они мало-помалу опять взяли перевес над греками, особенно, когда во главе мусульманского мира стало племя турок-сельджуков.

§ 8. Общий взгляд на характер ересей IV и последующих веков

Во II и III веках, по поводу различных ересей, Церковь раскрыла и точнее формулировала некоторые пункты своего искони и неизменно содержимого учения. Но для людей, желавших понимать христианское вероучение по началам разума, оставалось в нем еще много пунктов, неясненных вполне. Открывалось, таким образом, широкое поле для исследований и рассуждений о богословских истинах. При рассуждениях, естественно, происходили колебания между истиной и ложью и даже уклонения от истины, словом, в IV и V последующие века, так же как и в первые века, наряду с истинным пониманием христианского вероучения, появились религиозные заблуждения, ереси, содержанием которых служили нераскрытые и неясненные еще путем науки и разума пункты вероучения. Прежде ереси появлялись и развивались, по большей части, в какой-нибудь одной местности и падали после непродолжительной борьбы с ними Церкви. Теперь же, когда Римская империя сделалась государством христианским, они охватывают всю империю, разделяя ее на две половины — православную и неправославную. Имея на своей стороне значительное число приверженцев, еретики ведут упорную и продолжительную борьбу с православными. В этой борьбе принимает участие правительство, становясь нередко на сторону еретиков и доставляя им способы и средства для борьбы. Хотя религиозные споры оканчиваются торжеством православного учения, которое Церковь определяет на Соборах в строгих и точных выражениях, но еретики, не покоряясь общецерковному суду, нередко отделяются от Церкви и образуют свои большие религиозные общества со своеобразным вероучением.

§ 9. Первый Вселенский Собор и ересь Ария

В ряду вновь появившихся в Церкви ересей первое место занимает арианство. Свое название оно получило от Ария, пресвитера Александрийского, который первый открыто высказал мысль, составляющую сущность ереси, что Сын Божий сотворен. Арий родился в Ливии, слушал со многими другими в начале IV века в антиохийском училище уроки известного пресвитера Лукиана и, по окончании образования, получил сан пресвитера в Александрии. Здесь он и высказал в первый раз свое еретическое учение. Свое учение Арий подтверждал местами из Священного Писания, объясняя все выражения, относящиеся к человеческой природе Иисуса Христа в приложении к божественной Его природе, якобы ограниченной. Арий преимущественно развил свои воззрения на Лице Сына Божия, но из его положений выходило, что и третье Лице Святой Троицы, Дух Святой, есть творение и занимает место низшее Сына, хотя подобно Сыну имеет ограниченную божественную природу. Заблуждение Ария могло остаться его личным заблуждением не произвести таких волнений в Церкви, какие оно произвело, если бы он не был человеком гордым и честолюбивым. Занимая в Александрийской церкви должность пресвитера, Арий сильно домогался епископской кафедры той же церкви. Но клир и народ предпочли ему святителя Александра. Честолюбие Ария было затронуто; он решился мстить и искал к тому случая. Случай представился. Святитель Александр имел обыкновение, по временам, беседовать со своими пресвитерами и другими клириками о богословских истинах. Так было и в 318 г. Рассуждая философски, Александр говорил, между прочим, что Святая Троица есть в Троице Единица. Арий, присутствовавший на этом совещании, намеренно предполагая, что его епископ в своем учении сливает Лица Святой Троицы в одно, стал немедленно возражать, и при этом высказывал, что если Отец родил Сына, то рожденный имеет начало бытия, а отсюда явно, что было время, когда не было Сына, и необходимо следует, что Сын имеет Свою личность из небытия. Александр хотел краткими увещаниями вразумить Ария, но он стоял на своем. Вскоре к его мнениям пристали другие — два епископа александрийского округа, Феона Мармарикский и Секунд Птолемаидский, и несколько пресвитеров и диаконов александрийской церкви. Арий начал даже составлять отдельные от своего епископа собрания, на которых предлагал свое учение. Чтобы прекратить зло, Александр в 321 г. созвал в Александрии из епископов своего округа собор, на котором учение Ария было осуждено, а он сам и его приверженцы отлучены от церковного общения. После этого Арий удалился в Палестину и обратился с жалобами на своего епископа к епископам Востока. Одни, подобно Александру, осудили Ария, другие, напротив, приняли его сторону. Между последними выдавались Евсевий, епископ Кесарийский и особенно Евсевий, епископ Никомидийский. Таким образом, ересь Ария выступила за пределы александрийской церкви и охватила весь Восток. Начались горячие рассуждения и споры о Лице Господа Иисуса Христа не только в среде духовенства, но и в народе. Такие споры и толки не могли не дойти до Константина Великого, который в то время, после победы над Ликинием, только что прибыл в Никодимию. Евсевий Никомидийский, получивший, как епископ столицы, большое значение при дворе, успел расположить Константина в пользу Ария и представил происходившие споры делом мало важным в религиозном отношении. Поэтому Константин сначала отнесся к делу Ария легко. Он желал только, чтобы Арий и Александр помирились, так как ему казалось, что они в существенных пунктах вероучения согласны между собой и расходятся только в частном и неважном вопросе. В этом смысле он написал на имя Александра и Ария послание и отправил его в Александрию с Осиею, епископом Кордубским, прибывшим на восток вместе с ним; вместе с этим Осиею поручено было лично позаботиться о примирении враждующих. Но Осия,

прибыв в Александрию и разобрав без всякого предубеждения учение Ария, донес Константину, что Арий проповедует ересь, ниспровергающую все христианство. Теперь и Константин посмотрел на дело иначе. Чтобы умиротворить Церковь, он, по совету благомыслящих епископов, решил созвать Собор из всех епископов, которые бы общим голосом решили вопрос об учении Ария и учении православном, которое защищал Александр. По приглашению Константина, в 325 г. в мае месяце, собралось в вифинском городе Никее 318 епископов. Это был Первый Вселенский Собор. Все издержки на переезд и содержание Отцов Собора, по распоряжению Константина, приняты были на счет казны. Большинство собравшихся епископов было из восточных областей империи. Впрочем, тут были представители и западных церквей, например, кроме Осии Кордубского, Цецилиан, епископ Карфагенский, пресвитеры римской церкви Витт и Викентий, заменявшие своего епископа Сильвестра, который по старости не мог прибыть на Собор, и другие. Были даже епископы персидский и скифский. Во главе православных епископов Востока, прибывших на собор, стояли Александр Александрийский, Евстафий Антиохийский, Макарий Иерусалимский и др. К этим присоединились также епископы, хотя и не отличавшиеся образованностью, но зато славившиеся своей святой жизнью, например, Николай Мирликийский — исповедник и чудотворец, Иаков Низибийский, Спиридон Тримифунский — оба чудотворца. Во главе арианских епископов, число которых простиралось до двадцати, стоял Евсевий Никомидийский. Кроме того, на Соборе было значительное число епископов, составляющих середину между православными и арианами. Таков, например, Евсевий Кесарийский, который, выходя из положений Оригена, считал Сына Божия хотя и неравным Отцу, но подобосущным Ему, и таким образом, не допускал ни православного единосущия, ни арианского творения. Вместе с епископами прибыло на Собор много пресвитеров и диаконов. Между последними особенно выдавался своими богословскими познаниями и красноречием молодой архидиакон Александрийской церкви, Афанасий. Собравшиеся отцы, прежде торжественного открытия Собора, вступали между собой в частные рассуждения о спорных вопросах. Таким образом, еще до сборного совещания определилось, кто из епископов какой стороны держится. Наконец, 20 мая 325 г. Собор был торжественно открыт. Все отцы собрались в один из залов императорского дворца, сюда же прибыл и сам император. Один из епископов, по всей вероятности, Евстафий Антиохийский, приветствовал его речью, в которой, высказав, что причиной настоящего собрания является неистовый Арий, не признающий Сына Божия единосущным и равным Отцу, просил Константина, чтобы он велел Арию оставить свое заблуждение, или, в случае упорства, изгнать его из общества Православной Церкви. Император со своей стороны обратился к отцам Собора с речью, прося их рассмотреть причины происшедшего раздора и решить все спорные вопросы совещания. На заседание приглашен был сам Арий, и ему дозволено было изложить свое учение. А Евсевий Никомидийский представил Собору арианское исповедание веры. Православные отцы Собора, по поводу выслушанного, вступили в спор с арианами. Особенно сильно вооружились против них Евстафий Антиохийский и архидиакон Александрийской церкви Афанасий. Таким образом, после непродолжительных споров учение арианское было отвергнуто отцами Собора. Тогда Евсевий Кесарийский, в видах примирения православных с арианами, предложил исповедание веры своей церкви, в котором Сын Божий назывался Богом от Бога, перворожденным всей твари и рожденным от Бога прежде всех веков. Ариане, понимая выражение этого исповедания по своему, согласились принять его, но православные потребовали, чтобы в это исповедание внесены были точные определенные выражения о Сыне Божиим, именно, что Он рожден из сущности Отца и единосущен Отцу. Так как на стороне православных было большинство, и их же стороны держался и император Константин, то предлагаемые ими выражения были внесены во вновь составленное, на основании кесарийского исповедания, Соборное вероопределение.

Это вероопределение есть известный Никейский Символ, во втором члене которого точно и определенно выражено равенство и единосущие Сына Божия с Отцом. В заключение Символа отцы собора прибавили еще: «Говорящих же, что было время, когда не было (Сына), что Он не существовал до рождения, и произошел не из сущего, или утверждающих, что Сын Божий имеет бытие, от иного существа или сущности, или что Он создан, или изменяем, таковых предает анафеме кафолическая и апостольская Церковь». Когда был прочитан Символ, Константин приказал подписать его всем. Православные подписали; подписали многие из арианских епископов. Только Феона Мармарийский, Секунд Птолемаидский и сам Арий решительно отвергли Никейский Символ. За это все трое были отлучены от Церкви и сосланы императором в заточение в Иллирию. Кроме определения догмата о Сыне Божием по поводу ереси Ария, Никейский собор составил еще 20 канонов, касающихся преимущественно церковной дисциплины.

§ 10. Состояние Церкви после I Вселенского Собора

Никеийский Собор осудил и уничтожил арианскую ересь. Ариане, притворно подписавшие соборные определения, и высланные со своих кафедр, продолжали волновать Церковь. Путем придворной интриги и клеветы были возвращены из ссылки осужденные еретики и в их числе сам Арий. Они сумели приобрести доверие правительства и получили свои кафедры. Православные епископы были изгнаны. Среди них Антиохийский епископ Евстафий, ревностно боровшийся с еретиками на Соборе и после него. Особую ненависть ариан вызвал святитель Афанасий Александрийский, вступивший на кафедру по смерти епископа Александра в 326 г. (род. в 296 г.). Святитель Афанасий решительно противился восстановлению Ария и других еретиков. После десятилетних ожесточенных интриг и явной клеветы удалось добиться временного удаления св. Афанасия с кафедры в Галлию. Однако Бог не допустил торжества еретиков. Арий так и не был принят в общение с Церковью, он умер в Константинополе, по дороге в храм, где должно было произойти его принятие. После смерти императора Константина Великого, который в значительной мере сдерживал деятельность еретиков, при его сыновьях ариане получили полную свободу. В Константинополе, в Антиохии и в Палестине главные кафедры были в руках ариан. Святитель Афанасий еще четыре раза по причинам ариан был изгоняем с кафедры. Его епископство продолжалось 47 лет, двадцать из которых проведены в изгнании (ум. в 373 г.). Особую роль в истории Церкви этого периода сыграла кроме святого Афанасия, святитель Василий Великий (330—379 гг.). Прославленный ученостью и святостью подвижнической жизни, св. Василий был возведен на кафедру Кесарии Каппадокийской (370 г.) в самое трудное для Православной Церкви время. Большинство восточных кафедр занимали еретики. Православных было немного, да и то, выступая на борьбу с арианами, подозревали друг друга в неправославии. На западе считали, что православие Восточной Церкви уничтожено совершенно. К тому же в Антиохийской Церкви произошел раскол даже между православными по поводу неправильной хиротонии православного епископа Мелетия. Отношение ариан к святителю Василию было враждебным. Они сознавали его силу, основанную на всеобщем к нему уважении, и потому всеми мерами старались его удалить. Они оклеветали его перед императором и распространяли нелепые слухи о его неправославии среди православного духовенства и народа. Святой Василий мужественно выступил в защиту Церкви. Он сплотил православных и установил дипломатические отношения с правительством. Через епископа Афанасия он вступил в диалог с Западной Церковью и убедил ее епископа, что православие на Востоке живо и борется с ересью. По смерти святителя Афанасия он остался единственным защитником Православия на Востоке. Святитель Василий деятельно подготавливал Второй Вселенский Собор, но не дождался плодов своей деятельности. Он умер в 379 г. В отличие от восточных церквей, церкви Запада меньше потерпели от арианства; это объясняется тем, что на Западе интереса к отвлеченным богословским вопросам было меньше, и споры с арианами там были непонятны. Однако, сосланные на Запад ариане проповедовали там свое учение, и арианство просуществовало у готов до V века.

§ 11. Лжеучения, возникшие в Церкви во время арианских смут

Во время арианских смут, в связи с арианством, в Церкви возникла ересь Македония или македонианства, которая составляет прямое порождение арианства. Македоний был епископом Константинопольским после Евсевия Никомидийского (около 342 г.). По убеждению он был сначала строгий арианин. Своей жестокостью даже к арианам, он навлек ненависть императора Констанция. Строго арианские епископы, Евдоксий и Акакий, воспользовались этим, низложили (360 г.) его с константинопольской кафедры, которую теперь занял сам Евдоксий. Низверженный Македоний перешел на сторону противников Евдоксия и Акакия — полуариан и стал учить, что Сын подобен Богу Отцу. Не останавливаясь на этом, Македоний хотел быть главою нового учения. И вот он развил, в смысле Ария, учение о Святом Духе. Из учения Ария о Сыне Божиим как творении последовательно вытекало такое же учение о Святом Духе. Македоний только сделал этот вывод, когда стал учить, что Святой Дух есть служебная тварь, не имеющая участия в Божестве и славе Отца и Сына. Поднятый вопрос о Святом Духе занял праздные умы так же, как раньше вопрос о Сыне Божиим. Многие, особенно из строгих ариан, присоединились к Македонию. По главным пунктам своей ереси последователи Македония называются также духоборцами. Православное учение о Святом Духе против них защищали: Василий Великий, Григорий Нисский и Григорий Богослов.

§ 12. Второй Вселенский Собор и окончательное поражение арианства со всеми его отраслями

Император Феодосий Великий исполнил задушевное желание Василия Великого относительно Вселенского Собора. Ко времени вступления его на императорский престол (379 г.) арианство с возникшими из него и в связи с ним ересью Македония и др. все еще волновало Церковь, несмотря на то, что было ослаблено борьбою партий. Особенно много страдала от еретиков Константинопольская Церковь. Здесь, после смерти православного Александра (338 г.) епископская кафедра постоянно находилась в руках ариан. При вступлении Феодосия на престол, арианским епископом был Демофил, но это был последний арианский епископ Константинополя. Прибыв в Константинополь в 378 г., Феодосий предложил арианскому епископу Демофилу или принять Никейское исповедание, или оставить кафедру, и когда тот выбрал последнее, передал все константинопольские церкви Григорию Богослову. Затем Феодосий решился торжественно восстановить православное учение. В 381 г. император Феодосий созвал в Константинополе собор епископов, который был назван Вторым Вселенским Собором. На этом Соборе было 150 православных отцов. Между ними особенно замечательны были: Григорий Богослов, Мелетий Антиохийский, Григорий Нисский, Кирилл Иерусалимский и др. Прежде всего, Собор отцов решился устроить дела Константинопольской кафедры. Григорий Богослов был признан ими константинопольским епископом, и по всей вероятности, после этого он занял на Соборе председательское место. Затем начались рассуждения о вере. Арианство, в чистом его виде, было уже осуждено на первом Вселенском Соборе, теперь же на первом плане стояло выродившееся из него Македонианство со своим еретическим учением о Святом Духе. Этим-то уточнением по преимуществу и занялся Собор. Как из арианского учения о Сыне Божиим как творении последовательно вытекало такое же учение о Святом Духе, так из православного учения о единосущии и равенстве Сына Божия с Отцом последовательно вытекло учение о равенстве и единосущии Святого Духа с Отцом и Сыном. Поэтому отцы Второго Вселенского Собора, когда в заседании их выявились македонианские епископы, в числе 36, не вступая с ними в продолжительные прения, предложили им принять православное учение о единосущии Святого Духа с Отцом и Сыном. Но те решительно отказались от этого и оставили Собор. Тогда отцы, рассмотрев в совокупности все ереси, как отрасли арианства, так и возникшие в связи с ним, определили предать их анафеме. Именно, анафеме преданы ереси евномиян, аномеев, ариан или евдоксиян, полуариан или духоборцев, савеллиан, аполлинариев и проч. Что касается православного учения, которое извращали поименованные еретики, то Собор прежде всего подтвердил Никейский Символ, запретив отменять его. Потом, так как в Никейском Символе учение о Святом Духе было раскрыто не вполне, именно в нем сказано только: «и во Святого Духа» (т.е. веруем), Собор предложил его таким образом: «И в Духа Святого, Господа, животворящего, иже от Отца исходящего, иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима глаголавшего пророки». Этим добавлением к Никейскому Символу утвержден был догмат о равенстве и единосущии Святого Духа с Отцом и Сыном. Кроме того, Второй Вселенский Собор внес в Символ и последующие члены о Церкви, крещении и будущей жизни. Таким образом, составилась полный Символ Никеоцареградский, существующий в Церкви до настоящего времени в том самом виде, как он изложен был Отцами Второго Вселенского Собора. На одном из заседаний Собора св. Григорий Богослов просил отпустить его с престола константинопольского и избрать на его место другого. Отцы Собора исполнили желание св. Григория и на Константинопольскую кафедру избрали сенатора Нектария. Во время деяний Второго Вселенского Собора умер Мелетий, епископ Антиохийский, и его преемником

был избран Флавиан. В заключение своих совещаний Собор постановил 7 правил, которые касались преимущественно прав епископов, но в некоторых правилах упомянуто было и о предшествовавших действиях Собора — о Никейском Символе, анафеме на еретиков и Максиме Кинике. Все постановления Собора, подписанные отцами, были утверждены императором Феодосием. Немедленно же после Собора Феодосий издал строгий указ, которым повелевалось всех епископов, не принимавших Никео-Константинопольского Символа, лишать кафедр и на место их поставлять православных.

§ 13. Третий Вселенский Собор и ересь Нестория

В конце IV века, после борьбы с разного рода еретиками, Церковь раскрыла вполне учение о Лице Господа Иисуса Христа, подтвердив, что Он есть Бог и вместе с тем — человек. Но люди науки не удовлетворились положительным учением Церкви; в учении о богочеловечестве Иисуса Христа они находили пункт, неуясненный для разума. Это вопрос об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и взаимном отношении той и другой. Вопрос этот в конце IV и начале V веков занимал антиохийских богословов, которые и приняли на себя задачу разъяснить его научно, путем разума. Но так как они соображениям разума придавали большее, чем следовало, значение, то при разъяснении и этого вопроса, так же как и прежде при разъяснении других вопросов, не обошлось без ересей, волновавших Церковь в V, VI и даже VII веках. Ересь Нестория была первой из ересей, развившихся в Церкви при научном разъяснении вопроса об образе соединения в Лице Иисуса Христа Божественной и человеческой природы и их взаимном отношении. Она, подобно ереси Ария, вышла из антиохийского училища, не допускавшего таинственности в понимании догматов веры. Богословам антиохийского училища казалось непонятным и даже невозможным учение о соединении двух природ: Божественной и человеческой, ограниченной и неограниченной, в одном лице человека Иисуса Христа. Желая дать этому учению разумное и понятное объяснение, они пришли к еретической мысли. Диодор, епископ Тарсийский (ум.394 г.), прежде антиохийский пресвитер и учитель антиохийского училища, первый развил такого рода мысли. Он учил, что совершенный прежде веков Сын воспринял совершенное от Давида, что Бог-Слово обитал в Рожденном от семени Давидова, как в храме, и что от Девы Марии родился Человек, а не Бог-Слово, ибо смертное рождает смертное по естеству; отсюда, по Диодору, Иисус Христос был простой человек, в котором обитало Божество, или который носил в Себе Божество. Ученик Диодора Феодор, епископ Мопсуетский (ум.429 г.) развил эти мысли еще полнее. Он резко отличал в Иисусе Христе человеческую личность от Божественной. Существенное соединение Бога-Слова с человеком-Иисусом в одно лицо, по его понятию, было бы ограничением Божества, потому оно и невозможно. Между ними возможно только внешнее соединение или, лучше, соприкосновение одного с другим. Это соприкосновение Феодор раскрыл таким образом. Человек-Иисус родился от Марии, как и все люди, естественным образом, со всеми человеческими страстями и недостатками. Бог-Слово, предвидя, что Он выдержит борьбу со всеми страстями и восторжествует над ними, восхотел через Него спасти род человеческий, и для этого, еще с момента зачатия Его, соединился с Ним Своею Благодатью. Благодать Бога-Слова, почившая на человеке Иисусе, освящала и укрепляла Его силы и по Его рождению, так что Он, вступив в жизнь, начал борьбу со страстями тела и души, уничтожил грех по плоти и истребил его похоти. За такую добродетельную жизнь человек Иисус достоин был усыновления от Бога: именно со времени крещения Он был признан Сыном Божиим. Когда затем Иисус победил все дьявольские искушения в пустыне и достиг жизни совершеннейшей, Бог-Слово излил на Него дары Святого Духа в несравненно высшей степени, чем на пророков, Апостолов и святых, например, Он сообщил Ему высшее ведение. Наконец, во время страданий человек-Иисус выдержал последнюю борьбу с человеческими немощами и удостоен был за это божественного ведения и божественной святости. Теперь Бог-Слово соединился с человеком-Иисусом теснейшим образом; между ними установилось единство действий, и человек Иисус сделался орудием Бога-Слова в деле спасения людей. Таким образом, у Феодора Мопсуетского, Бог-Слово и Человек-Иисус совершенно отдельные и самостоятельные личности. Поэтому он никак не допускал употребления выражений, относящихся к Человеку-Иисусу, в приложении к

Богу-Слову. Например, по его мнению, нельзя говорить: Бог родился, Богородица, потому что не Бог родился от Марии, а человек, или: Бог страдал. Бог распят, потому что опять страдал Человек-Иисус. Учение Феодора Мопсуетского об образе соединения в Лице Господа Иисуса Христа Божественной и человеческой природы вполне еретическое: последние выводы из него — это отрицание таинства воплощения Бога-Слова, искупления рода человеческого страданиями и смертью Господа Иисуса Христа, так как страдания и смерть обыкновенного человека не могут иметь спасительного значения для всего рода человеческого, и, в конце концов, отрицание всего христианства. Пока учение Диодора Тарсийского и Феодора Мопсуетского заключалось только в их сочинениях и распространялось как частное мнение, в кружке людей, занимавшихся богословскими вопросами, оно не встречало опровержений и осуждений со стороны Церкви. Но когда архиепископ Константинопольский Несторий возымел мысль сделать его учением общецерковным, Церковь выступила против него, как ереси, и торжественно осудила. Несторий, сообщивший свое имя этому еретическому учению, — как представитель его во время борьбы с ним Церкви, — был воспитанником антиохийского училища и учеником Феодора Мопсуетского. Будучи в Антиохии монахом — пресвитером, он славился своим красноречием и строгостью жизни. В 428 г. император Феодосий Младший вызвал его в Константинополь и сделал константинопольским архиепископом. Несторий привез с собою из Антиохии пресвитера Анастасия. Этот сказал в церкви несколько проповедей, в которых доказывал в духе учения Феодора Мопсуетского, что Деву Марию следует называть не Богородицей, а Человекородицей. Для жителей Константинополя подобное учение было новостью, так как в Константинопольской, равно как в Александрийской и других церквях, сохранялось древнее православное учение о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. Именно здесь на соединение двух естеств в лице Иисуса Христа смотрели как на соединение Существенное, в одно Богочеловеческое лицо, поэтому не допускали в Нем, как едином лице, разделения Божества и человечества. Отсюда, как в Константинополе, так и в Александрии, общим наименованием Пресвятой Девы Марии было Богородица. Поэтому, при проповедях Анастасия против этого наименования взволновался Константинопольский клир, монахи, народ. Несторий, желая прекратить волнения, сам стал проповедовать. Он так же, как ученик Феодора Мопсуетского, отвергал название Богородица, по его мнению, нехристианское и непримиримое с разумом, но и не допускал названия Человекородица, а назвал Пресвятую Деву Христородицей. Волнения в Константинополе не утихли и после этого объяснения. Неотория стали обвинять в ереси Павла Самосатского, так как понятно было, что речь идет не о названии только Девы Марии Богородицей, а о Лице Иисуса Христа. Несторий стал преследовать своих противников и даже осудил их учение на Константинопольском Соборе (429 г.) и тем только увеличил число своих врагов, которых у него без того было много по случаю предпринятого им исправления нравов клира. Слух о спорах в Константинополе скоро проник в другие церкви, и здесь начались рассуждения. В Антиохии и вообще в Сирии очень многие приняли сторону Нестория, преимущественно лица, вышедшие из антиохийского училища. Но в Александрии и Риме учение Нестория встретило сильное противодействие. Александрийским епископом в то время был святой Кирилл (с 412 г.), человек богословски образованный и ревностный защитник православия. Прежде всего, в изданном им пасхальном послании он изложил, к каким вредным последствиям для христианина приводит учение Нестория. Когда это не подействовало на Нестория и когда он в письмах к Кириллу продолжал отстаивать правильность своего учения, Кирилл через своих поверенных в Константинополе особыми посланиями донес об учении Нестория императору Феодосию II и его супруге Евдоксии, а также сестре императора Пульхерии. Затем Кирилл известил о ереси Нестория папу Целестина. Несторий со своей стороны писал в Рим, доказывая свою правоту. Но Целестин

созвал в Риме собор (430 г.), осудил на нем учение Нестория и потребовал, чтобы он, под угрозой низложения и отлучения, отказался от своих мыслей в течение 10 дней. Заключение собора отправлено было к Несторию. Кирилл уведомляет Нестория и виднейших восточных епископов о постановлениях римского собора и убеждает последних, особенно Иоанна, архиепископа антиохийского, из клира которого вышел Несторий, стоять за Православие. Иоанн антиохийский, сочувствовавший образу мыслей Нестория, ввиду предупреждения Кирилла решился написать Несторию дружественное письмо, в котором убеждал его употреблять выражения о Пресвятой Деве Марии, принятые древними отцами. Между тем, Кирилл на Соборе в Александрии (430 г.) осудил Нестория и издал против него 12 анафематизмов, в которых горячо доказывал нераздельное соединение в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств. Эти анафематизмы Кирилл препроводил к Несторию со своим посланием. Несторий со своей стороны отвечал 12 анафематизмами, в которых осуждал тех, которые приписывают страдание Божеству и проч. Анафематизмы Нестория направлены были против Кирилла, хотя к последнему они не приложены. Вслед за Несторием и сирийские епископы, получившие анафематизмы Кирилла, восстали против них. Они смотрели на них со своей точки зрения, под влиянием идей Феодора Мопсуетского. Для прекращения такого раздора между предстоятелями знаменитых церквей и утверждения православного учения, император Феодосий II решился созвать Вселенский Собор. Несторий, сторону которого в это время держал Феодосий, сам желал и просил созвать Вселенский Собор, находясь в полном убеждении, что его учение, как правильное, восторжествует. Феодосий назначил Собор в Ефесе, в самый день Пятидесятницы 431 г. Это был Третий Вселенский Собор. В Ефес к назначенному времени прибыли Кирилл с сорока египетскими епископами, епископ Иерусалимский Ювеналий с палестинскими епископами, Фирм, еп. Кесарии Капподокийской, Флавиан Фессалоникийский. Прибыл и Несторий с десятью епископами, а вместе с ними два высших чиновника Кандидиан и Иринея, оба друзья Нестория. Первый, как представитель императора на Вселенском Соборе, второй — просто по расположению к Несторию. Не было только Иоанна Антиохийского и легатов папы Целестина. Прошло 16 дней после срока, назначенного императором для открытия Собора. Ввиду этого, св. Кирилл решился открыть Собор не дожидаясь прибытия Иоанна Антиохийского и папских легатов, хотя императорский чиновник Кандидиан протестовал против этого и донес в Константинополь. Первое заседание состоялось 22 июня в Церкви Богородицы, предоставленной в распоряжение Собора местным епископом Мемноном. Нестория с его епископами приглашали на Собор 3 раза, — в первый раз накануне открытия Собора, во второй и третий — при открытии Собора. Но Несторий в первый раз дал неопределенный ответ, во второй — ответил, что придет на Собор, когда все епископы съедутся, а в третий — не хотел даже выслушать приглашения. Тогда Собор решился рассматривать дело Нестория без него. Прочитаны были Символы Никео-Цареградский, послания к Несторию, анафематизмы Кирилла и послания Нестория к Кириллу, его беседы и проч. Отцы нашли, что послания Кирилла заключают в себе православное учение и, напротив, послания и беседы Нестория — неправославное. Потом Отцы проверили, как Несторий учит в настоящее время, не отказался ли он от своих мыслей теперь. Оказалась, по свидетельству епископов, которые беседовали с Несторием уже в Ефесе, что он держится прежних мыслей. Наконец, прочитаны были извлечения из сочинений отцов Церкви, которые писали о Лице Господа Иисуса Христа. Оказалось и здесь, что Несторий противоречит им. Приняв во внимание все это, отцы Ефесского Собора признали учение Нестория о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств еретическим и определили лишить его епископского сана и отлучить от общения церковного. Под приговором подписалось до 200 епископов. Первое заседание кончилось. Объявив в тот же день о низложении Нестория в Ефесе, Собор уведомил о том же константинопольский клир, а

Кирилл написал еще от себя письма к сочувствующим ему в Константинополе епископам и настоятелю одного константинопольского монастыря, авве Далматию. Вскоре затем отправлены были к императору и акты Собора. Несторию приговор объявлен был на другой день после заседания. Он, конечно, не принял его и в донесении к императору жаловался на неправильные будто бы действия Собора, обвинял особенно Кирилла и Мемнона и просил императора или перевести Собор в другое место, или дать ему возможность благополучно возвратиться в Константинополь, потому что, — жаловался Несторий со своими епископами, — его жизни угрожает опасность. Между тем Иоанн Антиохийский прибыл в Ефес с 33 сирийскими епископами. Отцы Собора уведомили его, чтобы он не входил в общение с осужденным Несторием. Но Иоанн был недоволен решением дела не в пользу Нестория, и поэтому, не входя в общение с Кириллом и его Собором, составил свой собор из приехавших с ним и Несторием епископов. К Иоанну же примкнуло несколько епископов, бывших на Соборе св.Кирилла. Императорский уполномоченный также прибыл на собор Иоанна. Собор Иоанна признал осуждение Нестория незаконным и начал суд над Кириллом и Мемноном и другими епископами, осудившими Нестория. В вину Кириллу несправедливо поставлено было, между прочим, то, что учение, изложенное в его анафематизмах, сходно с нечестием Ария, Аполлинария и Евномия. И вот, собор Иоанна осудил и низложил Кирилла и Мемнона, отлучил от церковного общения, впредь до раскаяния прочих епископов, участвовавших в осуждении Нестория, и обо всем донес в Константинополь императору, клиру и народу, прося императора утвердить низложение Кирилла и Мемнона. Феодосий, который, кроме донесений Кирилла и Нестория и Иоанна, получил еще донесение Кандидиана, не знал, как поступить в этом случае. Наконец, он распорядился, чтобы все постановленное на Соборе под председательством Кирилла и на собора Иоанна было уничтожено и чтобы все епископы, прибывшие в Ефес, собрались вместе и покончили споры мирным образом. Святой Кирилл не мог согласиться на такое предложение, так как на Соборе, под его председательством, было постановлено правильное решение, и в этом смысле доносил императору. Со своей стороны и Иоанн Антиохийский доносил в Константинополь, представляя действия своего собора правильными. Между тем, когда происходила эта переписка между Ефесом и Константинополем, Собор под председательством Кирилла продолжал свои заседания. Всех заседаний было семь. На втором заседании прочитано было послание папы Целестина, привезенное только что прибывшими легатами и признано было вполне православным; на третьем — римские легаты подписали осуждение Нестория; на четвертом — Кирилл и Мемнон жаловались Собору на Иоанна, который неправильно осудил их, и были оправданы только после того, как Иоанн, приглашенный Собором в заседание для объяснения по этому делу, не явился; на пятом — Кирилл и Мемнон для опровержения обвинений, возведенных на них Иоанном, осудили ереси Ария, Аполлинария и Евномия, а Собор отлучил от церковного общения самого Иоанна и прибывших с ним сирийских епископов; на шестом — запрещено было на будущее время изменять в чем-либо Никео-Цареградский Символ или вместо него составлять другой; наконец, на седьмом — Собор занялся решением частных вопросов по разграничению епархий. Все соборные акты отосланы были императору на утверждение. Теперь Феодосий находился еще в большем затруднении, чем прежде, потому что неприязненное отношение между Собором и партией Иоанна увеличились в значительной степени. А вельможа Ириней, прибывший между тем из Ефеса в Константинополь, сильно действовал при дворе в пользу Нестория. Епископ Берийский Акакий подал императору совет: удалив от соборных рассуждений Кирилла, Мемнона и Нестория, поручить всем остальным епископам пересмотреть вновь дело Нестория. Император так и сделал; послал в Ефес чиновника, который взял под стражу Кирилла, Мемнона и Нестория, и начал соглашать прочих епископов. Но соглашения не последовало. Между тем,

св. Кирилл нашел случай из-под стражи написать к клиру и народу константинопольскому, а также авве Далматию о происшедшем в Ефесе. Авва Далматий собрал иноков константинопольских монастырей и вместе с ними, с пением псалмов, с горящими светильникам, при многочисленном стечении народа, отправился до дворца императора. Вошедши во дворец, Далматий просил императора, чтобы православные отцы освобождены были из заключения и чтобы определение Собора относительно Нестория было утверждено. Появление знаменитого аввы, сорок восемь лет не выходявшего из своего монастыря, произвело сильное впечатление на императора. Он обещал утвердить решение Собора. Затем, в церкви, куда отправился авва Далматий с иноками, народ открыто провозгласил анафему Несторию. Таким образом, относительно Нестория колебания императора кончились. Оставалось только привести в соглашение с Собором сирийских епископов. Для этого император приказал спорящим сторонам выбрать по восемь депутатов и прислать их в Халкидон для взаимных рассуждений в присутствии императора. В эту депутацию со стороны православных выбраны были два римских легата и Иерусалимский епископ Ювеналий, а со стороны защитников Нестория — Иоанн Антиохийский и Феодорит Кирский. Но и в Халкидоне соглашение не было достигнуто, несмотря на заботы об этом Феодосия. Православные требовали, чтобы сирийские епископы подписали осуждение Нестория, а сирийские епископы не соглашались на это и не хотели принимать, как они выражались, догматов Кирилла, т.е. его анафематизмов. Так дело и осталось пока нерешенным. Впрочем, Феодосий теперь решительно стал на сторону православных епископов. Указом, изданным по окончании халкидонского совещания, он приказал всем епископам возвратиться на свои кафедры, в том числе и св. Кириллу, а Нестория еще прежде удалил в антиохийский монастырь, из коего он взят был на константинопольскую кафедру. Преемником Нестория православные епископы поставили Максимилиана, известного всем благочестивой жизнью. Восточные епископы, во главе с Иоанном Антиохийским, отправляясь из Халкидона и Ефеса на свои кафедры, по дороге, составили два собора; один — в Тарсе, на котором вновь осудили Кирилла и Мемнона, и другой в Антиохии, на котором составили свое исповедание веры. В этом исповедании сказано было, что Господь Иисус Христос — Совершенный Бог и Совершенный Человек, и что на основании неслитного в Нем единения Божества и человечества, Пресвятая Дева Мария может быть названа Богородицей. Таким образом, восточные отцы отступили от своих несторианских воззрений; но от лица Нестория не отказались, почему разделение между ними и Кириллом Александрийским продолжалось. Император Феодосий не терял все-таки надежды примирить церкви и поручил исполнить это своему чиновнику Аристолаю. Но только Павлу, епископу Эмесскому, удалось согласить отцов сирийских с александрийскими. Он убедил Иоанна Антиохийского и других сирийских епископов согласиться на осуждение Нестория, а Кирилла Александрийского — подписать антиохийское исповедание веры. Кирилл, находя, что антиохийское исповедание веры заключает в себе православное учение, подписал его, не отказываясь, впрочем, и от своих анафематизмов. Таким образом, мир был восстановлен. Антиохийское исповедание веры, с которым, как с православным, согласны были представители всех Церквей, или иначе вся Вселенская Церковь, получило значение точного изложения древне-православного учения об образе соединения в Господе Иисусе Христе двух естеств и их взаимном отношении. Император утвердил это исповедание и постановил окончательное решение относительно Нестория. Он сослан был (435 г.) в один оазис египетской пустыни, где и умер (в 440 г.).

§ 14. Утверждение несторианства в Сиро-Персидской Церкви

Во второй половине V века несторианство исчезло из пределов Римской империи. В 489 г. император Зенон закрыл последний оплот несторианства в империи — Эдесскую школу. Наставники и ученики школы бежали в Персию, где под покровительством еп. Фомы Варсумы открыли школу в Низибии. В этой школе стали воспитываться ученые-богословы в духе Феодора Мопсуетского и миссионеры для восточной Азии. Под покровительством властей несторианство достигло в центральной и восточной Азии небывалого расцвета. На соборе в Бей-Лапате в 483 г. сиро-персидская церковь приняла официально несторианское вероисповедание, а при католикосе Бабее — в 499 г. на соборе в Селевкии-Ктезифоне, потом после завоевания Персии арабами — (652—657 гг.) и основанин Багдада (начало VIII века) — в Багдаде. Первые халифы (сами магометане) не преследовали несториан, дали им целый ряд привилегий и содержали их в администрации в качестве ученых, врачей, переводчиков, финансистов и т.д. При персидском и арабском господстве несториане составляли костяк интеллигенции этих держав, благодаря хорошо поставленным школам и высокой образованности. Несторианская церковь развила необычайную миссионерскую деятельность. В VII веке под начальством католикоса в Персии было 7 митрополий для христиан сиро-персидского происхождения и 3 митрополии для других народностей. В IX веке было уже 14 митрополий, в том числе китайская, индийская, самаркандская. Несториане проникли в северную Аравию. В Туркестане главный хан Елюй-даши принял христианство, и в его столице Кашгаре была основана митрополия. Проникли несториане и в Тибет, и в Китай, и в Индию, и даже на Суматру. В IX веке в Китае была уже их митрополия. В XIII веке даже один католикос (Явалахи III) был чистокровным китайцем. К XIII веку миссионерская деятельность несториан достигла высшего расцвета; их церковь имела кроме епархии католикоса 27 митрополий и 230 по всей Азии расположенных епархий и много миллионов верующих. Однако все возрастающий мусульманский фанатизм перешел постепенно к открытому преследованию и жестокому искоренению христианства в Азии, и несторианство стало клониться к упадку, выставив из своей среды очень много мучеников за веру. Сокрушительный удар по несторианству нанес в конце XIV века и в начале XV века Тимур (Тамерлан), в слепом мусульманском фанатизме повелевший истребить всех до одного несториан в ответ на обращение в христианство его любимой ханши. После этой кровавой бойни постоянные преследования от турок, курдов и персов свели постепенно на нет всю миссионерскую деятельность и приобретения несториан, и они стали влачить жалкое существование гонимых и презираемых. В несчастьи несториане стали искать поддержки у Рима. С XIV века начинаются сношения с Римом. В 1551 г. произошел у несториан раскол, и монах Сулан добился посвящения в Риме в патриархи для сиро-халдеев. Образовались две линии католикосов: мар-Илиев (или Иоаннов), подчиненных Риму, и мар-Шимьенов — независимых. Со временем (1681 г.) папство добилось образования еще третьей линии, католикосов, вполне и слепо послушных Риму — мар-Иозефов. Большая часть несториан, живших в Персии около озера Урмия, в 1893 г. при содействии проф. В. Болотова, присоединились к Русской Православной Церкви.

§ 15. Четвертый Вселенский Собор и монофизитская ересь, или ересь Евтихия

Во время несторианских споров, как было замечено выше, некоторые из защитников Нестория упрекали св. Кирилла Александрийского в ереси. Такого рода упреки по отношению к Кириллу били несправедливы. Но между приверженцами Кирилла, действительно, еще во время несторианских споров, была еретическая партия, развивавшая учение о соединении в Лице Господа Иисуса Христа двух естеств, в смысле совершенно противоположном несторианскому и также еретическому. Доведенные до крайности во время несторианских споров, эти взгляды разрешились еретическим учением о полном слиянии в Иисусе Христе Божественной и человеческой природы с поглощением последней первой, или иначе, учением об одной Божественной природе в Иисусе Христе. Отсюда такое учение называется монофизитским, а лица, развивавшие его — еретиками монофизитами, то есть допускаящими в Иисусе Христе одну Божественную природу. Евтихианством или ересью Евтихия монофизитство называется потому, что один константинопольский архимандрит Евтихий первый заявил это учение и положил начало монофизитским спорам. Монофизитские споры начались в Церкви вслед же за несторианскими. На александрийскую кафедру после св. Кирилла вступил Диоскор (с 444 г.). Он разделял монофизитские воззрения и даже стал во главе александрийских монофизитов, между тем как в Константинополе главой их был престарелый архимандрит Евтихий. Патриархом константинопольским в то время был Флавиан. Под его председательством в 448 г. в Константинополе был собор из тридцати епископов константинопольского округа. Евсевий, епископ Дорилей-ский, присутствовавший здесь, доложил собору, что константинопольский архимандрит Евтихий распространяет еретическое учение, а именно, говорит, что после соединения в Иисусе Христе Божества и человечества, человечество превратилось в Божество, а потому тело Христово не единосущно нашему телу. Собор пригласил для объяснения Евтихия, который явился только после троекратного зова. Его дерзкие объяснения подтвердили только то, что он действительно распространяет ересь. Поэтому собор осудил его и низложил. Но Евтихий обратился с жалобой на собор к императору. Сильная придворная партия, во главе с императрицей Евдоксией, была на стороне Евтихия, мнимого последователя Кирилла; поэтому Феодосий принял жалобу благосклонно и приказал тому же собору, под председательством Фалассия Кесарии Капподокийской, пересмотреть дело Евтихия. Но и на этот раз Евтихий был осужден. Тогда Евтихий, согласно желаниям придворной партии, перенес свое дело на суд церковью римской и александрийской, выставляя себя защитником православного учения, а Флавиана и Евсевия — несторианами. Папа Лев Великий, после того, как Флавиан объяснил ему сущность ереси Евтихия, согласился на его осуждение и написал Флавиану послание, в котором изложил православное учение о соединении в Иисусе Христе двух естеств. Но Диоскор Александрийский, как и следовало ожидать, принял сторону Евтихия. Он просил даже императора назначить вселенский собор для утверждения мнимо-православного учения Евтихия и осуждения возобновленного Флавианом несторианства. Император согласился и назначил собор в Ефесе в 449 г., под председательством самого Диоскора. В Ефесе собрались Диоскор Александрийский, Домн Антиохийский, Ювеналий Иерусалимский, Флавиан Константинопольский, Евсевий Дорилейский, легаты папы Льва и др.). Всего было на Соборе до 130 епископов. Восточных епископов не приглашали на Собор. Начались соборные совещания по делу Евтихия. Но Диоскор, не дожидаясь разрешения дела путем обыкновенных рассуждений, решил употребить насилие. Он собрал толпу привезенных им параваланов и приверженных Евтихию монахов; толпа ворвалась в церковь, где происходило заседание собора,

с криком: «Рубите на двое разделяющих естество Христово на двое». Произошло большое смятение: начатые акты были изорваны, у писцов отбиты пальцы, Флавиан и православные епископы, после многих побоев, были выгнаны, а те, которые остались, принуждены насильно подписать белые листы пергамента. Затем Диоскор осудил Флавиана, низложил Домна Антиохийского, блаженного Феодорита и Иву Эдесского, хотя последний не был на Соборе. В заключение всего Диоскор со своими единомышленниками признал учение Евтихия православным, утвердил представленный им в особом сочинении Никейский Символ с пропуском слов: «Воплотившегося от Духа Свята и Марии Девы», и восстановил его в сане. Римские легаты протестовали против такого своеволия, но не имели успеха. Флавиан тоже готовил жалобу в Рим и Константинополь, но Диоскор, унаво об этом, заключил его в оковы и подверг таким жестоким истязаниям, что Флавиан через три дня умер. На место Флавиана Диоскор поставил константинопольским патриархом своего диакона Анатолия, считая его своим единомышленником. Этот Ефесский собор (449 г.) известен под именем собора Разбойничьего. Император Феодосий, которому представлены были на утверждении соборные определения, признал его законным. Таким образом, монофизиты на некоторое время взяли перевес над православными; православные епископы, по настоянию Диоскора, были низлагаемы и ссылаемы в заточение. Но в защиту православия выступил папа Лев Великий, с самого появления ереси монофизитов твердо заявивший свое православие. Получив известие о соборе Ефесском, он созвал собор в Риме, осудив все постановленное в Ефесе, и в письмах на Восток настоятельно требовал созвания законного Вселенского Собора в Италии. По его просьбе, того требовал от Феодосия и западный император Валентиниан III. Но Феодосий был все еще под влиянием придворной монофизитской партии, особенно Евдоксии и вельможи Хризафия, и потому не внимал просьбам. Впрочем, скоро дела приняли оборот в пользу православных. Придворная монофизитская партия потеряла свое значение. Евдоксия была удалена из Константинополя в Иерусалим под предлогом богомолья, а Хризафий, попавший в немилость, сослан. Теперь при дворе получила влияние партия сестры императора Пульхерии, которая всегда была почитательницей, Флавиана. Поэтому честь Флавиана была восстановлена; его мощи торжественно были перенесены в Константинополь. Впрочем, Феодосий не желавший ничего делать для православных, скоро умер (450 г.). Приемником его был Маркиан, вступивший в брак с Пульхерией и решивший дать торжество православию. По его распоряжению в 451 г. собран был в Халкидоне законный Вселенский Собор, который был по счету Четвертым Вселенским Собором. Всех отцов на этом Соборе было до 630. Из наиболее замечательных были: Анатолий Константинопольский, перед вступлением Маркиана на престол решительно перешедший на сторону православных, Домн Антиохийский, низложенный Диоскором и возвращенный из заточения Маркианом, Максим, поставленный на его место, Ювеналий Иерусалимский, Фалассий Кесарии Каппадокийский, блаженный Феодорит, Евсевий Дорилейский и Диоскор Александрийский и другие. Папа Лев, желавший, чтобы Собор был созван в Италии, прислал все-таки своих легатов на Халкидонский Собор. Председателем Собора был Анатолий Константинопольский. Прежде всего, отцы Собора занялись рассмотрением деяний собора разбойничьего и судопроизводством над Диоскором. Обвинителем Диоскора был известный Евсевий Дорилейский, который представил отцам записку, где описаны были все насилия, произведенные Диоскором на разбойничьем соборе. По прочтении записки отцы отняли у Диоскора право голоса, после чего он должен был стать в числе подсудимых. К тому же на Диоскора представлено было со стороны некоторых египетских епископов много обвинений в безнравственности, жестокости и разного рода насилиях. За все это, отцы осудили его и низложили, равно как осудили разбойничий собор и Евтихия. Тех епископов, которые вместе с Диоскором принимали участие в разбойничьем

соборе, отцы Халкидонского Собора простили, так как они принесли раскаяние и объяснили в свое оправдание, что действовали под страхом угроз Диоскора. Затем отцы занялись определением вероучения. Им предстояло изложить такое учение о двух естествах в Лице Иисуса Христа, которое было бы чуждо крайностей несторианства и монофизитства. Среднее между этими крайностями учение именно и было православным. Отцы Халкидонского Собора так и поступили. Приняв за образец православного учения изложение веры Кирилла Александрийского и Иоанна Антиохийского, а также послание Льва Римского к Флавиану, они, таким образом, определили догмат об образе соединения в лице Господа Иисуса Христа двух естеств. «Последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедывать... одного и того же Христа, Сына, Господа Единородного, в двух естествах, неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого — так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется одно лицо и одна ипостась — не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и того же Сына и Единородного Бога-Слова». Таким вероопределением осуждалось как несторианство, так и монофизитство. Все отцы согласны были с этим определением. Блаженный Феодорит, которого на Соборе подозревали в несторианстве, особенно египетские епископы, произнес анафему на Нестория и подписал его осуждение; поэтому Собор снял с него осуждение Диоскора и восстановил в сане, как снял осуждение и с Ивы, епископа Эдесского. Только египетские епископы держали себя двусмысленно по отношению к вероопределению. Они хотя и подписали осуждение Евтихия, но не хотели подписать послания Льва Римского к Флавиану, под тем предлогом, что, по существующему в Египте обычаю, они ничего важного не делают без соизволения и определения своего архиепископа, которого, за низложением Диоскора, у них не было. Собор обязал их клятвой подписать, когда будет поставлен архиепископ. Когда донесли Маркиану, что все сделано, он прибыл сам на шестое заседание Собора, произнес речь, в которой выразил радость, что все сделано по общему желанию и мирно. Впрочем, заседания Собора не окончились еще. Отцы занялись составлением правил, которых и было составлено 30. Главные предметы правил — церковное управление и церковное благочиние. После Собора император издал строгие законы относительно монофизитов. Приказано было всем принимать учение, определенное Халкидонским Собором; монофизитов ссылать в заточение или изгонять; сочинения их сжигать, а за распространение их казнить и проч. Диоскор и Евтихий сосланы были в отдаленные провинции.

§ 16. Продолжение монофизитской ереси после Собора

Ересь монофизитская принесла Церкви зла более чем какая-либо другая ересь. Соборным осуждением она не была уничтожена. Изложенное на Соборе учение о двух естествах в лице Господа Иисуса Христа, особенно о человеческом вызывало сильное сопротивление монофизитов, центром которых был Египет. Многие монашествующие в других церквях также были против этого учения и стали в ряды монофизитов. Монашествующим казалось невозможным приписать Господу Иисусу Христу человеческую природу, подобную нашей греховной, против недостатков которой направлены все их подвиги. Еще во время Халкидонского Собора монашествующие прислали от себя трех архимандритов, которые брались защищать монофизитское учение и просили о восстановлении Диоскора. После Собора некоторые из монахов прямо из Халкидона отправились в Палестину и произвели там большое волнение рассказами о том, что Халкидонский Собор восстановил несторианство. Палестинские монахи, под предводительством выходцев из Халкидона, в числе десяти тысяч напали на Иерусалим, разграбили его, выгнали патриарха Ювеналия, а на его место поставили своего, Феодосия. Только через два года (453 г.) при помощи военной силы Ювеналий занял опять Иерусалимский престол. Подобные же волнения производили монофизиты и в Александрии. Здесь и военная сила не привела ни к чему. Александрийская чернь загнала воинов в бывший храм Сераписа и сожгла живыми вместе с храмом. Усиленные военные меры повели за собой только то, что монофизиты окончательно отделились от православного патриарха Протерия, поставленного на место Диоскора, и образовали отдельное общество под управлением пресвитера Тимофея Элуря. По смерти императора Маркиана (457 г.), александрийские монофизиты воспользовались этим обстоятельством, произвели возмущение, во время которого убит был Протерий, а на его место возвели Элуря, который низложил всех епископов, принимавших Халкидонский Собор, и произнес осуждение на патриархов Константинопольского, Антиохийского и Римского. Преемник Маркиана, Лев I Фракиянин (457—474) не мог скоро подавить восстания в Александрии. Для восстановления мира в Церкви он решился на особого рода меру. Потребовал, чтобы все митрополиты империи дали ему свой отзыв о Халкидонском Соборе и о том, должно ли признать законным Александрийским патриархом Элуря. Более 1600 митрополитов и епископов высказались в пользу Халкидонского Собора против Тимофея Элуря. Тогда Лев низложил (460 г.) Элуря и Александрийским патриархом поставил православного Тимофея Салафакиола. Благочестие и кротость этого патриарха приобрели любовь и уважение монофизитов и александрийская церковь некоторое время была спокойна. Низложен был также (470 г.) и патриарх Антиохийский Петр Гнафевс. Этот, будучи еще монахом, составил в Антиохии сильную монофизитскую партию, принудил православного патриарха оставить кафедру и сам занял ее. Чтобы утвердить навсегда монофизитство в Антиохии, он в Трисвятой песне после слов «Святой бессмертный» — сделал монофизическое прибавление: «Распныйся за ны».

§ 17. Попечение Юстиниана I о мире Церкви. Пятый Вселенский Собор и спор о трех главах

В 527 г. на императорский престол вступил Юстиниан I, государь замечательный в истории гражданской и церковной (527—565 гг.). Мысль о присоединении монофизитов к православию, в видах умиротворения Церкви и государства, занимала и этого государя. Особенно много монофизитов было в Египте, где православные составляли меньшинство. Но подобно другим государям, занимавшимся теми же планами присоединения еретиков, Юстиниан не достиг своей цели и даже под влиянием монофизитской партии. Так, в 533 г., под влиянием Феодоры, он сделал уступку монофизитам, допустив и в Константинопольской церкви прибавление к Трисвятой песне: «Распныйся за ны», хотя строгие последователи определений Халкидонского Собора считали такое прибавление монофизитским. По влиянию той же Феодоры, Юстиниан возвел (535 г.) на Константинопольский патриарший престол Анфима, притворно перешедшего из монофизитов в православие. К счастью, Юстиниан скоро узнал о происках монофизитов. В то время (536 г.) прибыл в Константинополь папа Агапит, в качестве посла остготского короля Теодориха Великого. Узнав о еретичестве Анфима, Агапит, несмотря на убеждение и угрозы Феодоры, донес о нем царю. Юстиниан тотчас же низложил Анфима, а на его место поставил одного пресвитера, Мину. Все-таки он не терял надежды на присоединение монофизитов. В этих видах, под председательством Мины, в Константинополе составлен был небольшой собор из православных и монофизитских епископов, на котором обсуждался вопрос о присоединении монофизитов. Но рассуждения не повели ни к чему, вследствие упорства монофизитов. Патриарх снова осудил монофизитов, а император подтвердил прежние строгие законы против них. Монофизиты, при возобновившихся преследованиях, бежали в Великую Армению и здесь упрочили свою ересь. Между тем Феодора продолжала вести интриги в пользу монофизитов. По её проискам, по смерти папы Агапита (537 г.) на римскую кафедру поставлен был римский диакон Вигилий, давший ей еще в бытность в Константинополе с Агапитом обещание подпиской помогать монофизитам. Потом она нашла себе двух усердных помощников, проживавших при дворе, епископов Феодора Аскиду и Домициана, которые были тайными монофизитами. Аскида и Домициан и посоветовали императору заняться обращением монофизитов и предложили даже для этого план. Именно они внушили Юстиниану, что монофизиты тогда только могут быть присоединены, когда православная Церковь осудит учителя несторианства Феодора Мопсуетского, и его друзей и почитателей: блаженного Феодорита и Иву Эдесского, так как теперь, когда мнения этих лиц не осуждены, монофизиты соблазняются и подозревают православную Церковь в несторианстве. План этот монофизиты составили в пользу себя и во вред православных. В случае исполнения его, как рассчитывали монофизиты, Церковь стала бы в противоречие сама с собой, осудив Феодорита и Иву, признанных православными на Халкидоноком Соборе. Император, поставивший целью своей жизни умиротворить Церковь, согласился испытать предложенный ему план, и в 544 г. издал первый Эдикт о трех главах. В нём осуждался Феодор Мопсуетский, как отец несторианской ереси, сочинения Феодорита против св. Кирилла и письмо Ивы к Марию персу. Но в то же время прибавлено было, что осуждение это несколько не противоречит Халкидонскому Собору, и всякий, кто иначе будет думать, подвергается анафеме. Этот Эдикт должны были подписать все епископы. Мина, патриарх Константинопольский, после некоторого сопротивления, подписал, а за ним и восточные епископы. Но в западных церквях Эдикт встретил сильную оппозицию. Карфагенский епископ Понтиан решительно отказался от подписи, а ученый диакон Фульгенций Фарран написал на опровержение эдикты трактат, с которым согласились

все на западе. Вигилий римский также был против эдикта. Западные епископы видели в осуждении трех глав унижение Халкидонского собора. На Халкидонском соборе о Феодоре Мопсуетском не было рассуждения. Феодорит оправдан был собором после того, как произнес анафему на Нестория и, следовательно, отказался от своих сочинений в защиту его против св.Кирилла, а письмо Ивы осуждалось в том виде, в каком оно существовало в VI веке во время издания Эдикта, т.е. поврежденное в Перени несторианами. Противодействие западных епископов смутило Юстиниана. В 547 г. он вызвал в Константинополь Вигилия и многих других западных епископов, надеясь убедить их подписать осуждение трех глав. Но и в Константинополе западные епископы противились. Вигилий предлагал императору созвать Вселенский собор. Юстиниан на созвание Вселенского собора согласился. В 551 г. император еще раз сделал попытку склонить западных епископов на осуждение трех глав, для чего пригласил их на собор в Константинополь. Но они не поехали; прибыли немногие, все-таки не соглашавшиеся с императорским эдиктом. Тогда Юстиниан низложил и заточил их, а на их место поставил таких, которые согласились на осуждение трех глав. Затем, в том же 551 г., издав новый эдикт о Трех главах, в котором особенно развивалась мысль, что осуждение трех глав не противоречит Халкидонскому собору, царь в 553 г. созвал в Константинополе Пятый Вселенский Собор для окончательного решения вопроса о Феодоре Мопсуетском, блаженном Феодорите и Иве Эдесском. На Соборе присутствовало 165 восточных и западных епископов. Председателем был Евтихий, патриарх Константинопольский, преемник Мины. Папа Вигилий, пребывавший все время в Константинополе, опасаясь противодействия западных епископов, отказался идти на Собор и обещал подписать соборные определения после. Отцы Собора в нескольких заседаниях читали еретические места из сочинений Феодора Мопсуетского, читали все, что написано было в опровержение его, разрешили вопрос, можно ли осуждать еретиков по смерти, и, наконец, пришли к заключению, согласному с императорскими эдиктами, что Феодор Мопсуетский действительно еретик — несторианин и должен быть осужден. Прочитаны были также сочинения блаженного Феодорита и письмо Ивы: отцы нашли это сочинение Феодорита достойным также осуждения, хотя он сам, как отказавшийся от Нестория и потому оправданный Халкидонским Собором, и не подлежит осуждению. Что же касается письма Ивы Эдесского, то Собор также осудил его, не касаясь самого лица Ивы. Собор в этом случае осудил то, что читано было им в заседаниях, т.е. поврежденное несторианами письмо Ивы. Таким образом, осуждены были Феодор Мопсуетский и его сочинения, а также сочинения блаженного Феодорита в защиту Нестория против св.Кирилла и письмо Ивы Эдесского к Марию персу. При этом собор утвердил вероопределения всех прежних Вселенских Соборов и в том числе Халкидонского. Папа Вигилий, во время соборных заседаний приславший императору свой отзыв против осуждения вышепоименованных лиц, по окончании Собора все-таки подписал соборные определения и был отпущен в Рим, почти после семилетнего пребывания в Константинополе. На дороге, впрочем, он умер. Преемник его Пелагий (555 г.) принял Пятый Вселенский Собор, и поэтому должен был выдерживать борьбу против многих западных церквей, не принимавших Собора. Разделение в западных церквях из-за Пятого Вселенского собора продолжалось до самого конца VI столетия, когда при папе Григории Великом, наконец, все признали его.

§ 18. Упорство монофизитов и монофизитские секты

Старания Юстиниана присоединить к православной Церкви монофизитов, вызвавшие, между прочим, Пятый Вселенский Собор, привели к желаемому результату. Правда, умеренные монофизиты присоединились к Церкви лишь в одном Константинопольском патриархате. Монофизиты же других патриархатов оставались по-прежнему упорными еретиками. В видах государственных, Юстиниан сделал было попытку присоединить и строгих монофизитов, даже с уступкой им; в 564 г. он потребовал, чтобы православные епископы приняли их в общение. Но епископы отказались принять в Церковь еретиков, не принимавших православного учения. За это Юстиниан начал их низлагать и ссылать в заточение. Такая участь постигла прежде всего Евтихия, патриарха Константинопольского. Впрочем, Юстиниан скоро умер (565 г.) и возникавшие было замешательства в Церкви прекратились. Монофизиты, между тем, окончательно сформировались в отдельные от православной Церкви общества. В Александрии 536 г. поставлен был новый православный патриарх; но его знала только небольшая часть египтян, преимущественно греческого происхождения. Коренные же жители Египта, известные под именем коптов, поголовно державшиеся монофизитства, выбрали своего патриарха — коптского, и образовали, таким образом, коптскую монофизитскую церковь. Египетские монофизиты называли себя коптскими христианами, православных же — мельхитами (содержащими императорское вероучение). Число коптских христиан простиралось до пяти миллионов. Вместе с коптами уклонились к монофизитству и абиссинцы и также образовали еретическую церковь в союзе с коптской. В Сирии и Палестине монофизитство вначале не так прочно утвердилось, как в Египте; Юстиниан всех епископов и пресвитеров, державшихся монофизитства, низлагал и ссылал в заточение, вследствие чего монофизиты оставались без учителей. Но одному сирийскому монаху, по прозванию Барадей, удалось объединить всех монофизитов Сирии и Месопотамии, и устроить монофизитское общество. Рукоположенный низложенными Юстинианом монофизитскими епископами в епископа всех монофизитов Сирии и Месопотамии, Иаков Барадей в продолжение более тридцати лет (541—578 гг.) с успехом действовал в пользу монофизитов. В одежде нищего ходил он по странам, населенным монофизитами, посвящал епископов, пресвитеров, даже устроил монофизитский патриархат в Антиохии. От этого Иакова Барадея монофизиты Сирии и Месопотамии получили название иаковитов, яковитов, с каковым остаются и до настоящего времени. Армянская церковь также отпала от союза с Церковью Вселенской, впрочем, не потому, что усвоила себе монофизитское учение, а потому, что вследствие некоторых недоразумений не приняла постановлений Четвертого Вселенского Собора и послания папы Льва Великого. Недоразумения были такого рода. На Халкидонском Соборе (451 г.) представителей Армянской Церкви не было, поэтому ей не известны были в точности постановления этого Собора. А между тем в Армению приходили монофизиты и распространяли ложный слух, что на Халкидонском Соборе восстановлено несторианство. В 536 г. на соборе в Тиве Халкидонский Собор был осужден. С этого времени Армянская церковь отпала от союза с Церковью Вселенскою и образовала из себя, как видно из предыдущего, не столько еретическое общество, сколько раскольничье, так как в учении о естествах в Иисусе Христе она была согласна с учением, утвержденным Церковью, и различалась только в словах. В отделившейся Армянской церкви, кроме своеобразного учения об естествах в Иисусе Христе, образовались и некоторые обенности в церковном устройстве, существующие до настоящего времени. Так, у армян трисвятая песнь читается и поется с монофизитским прибавлением: «Распныйся за ны»; Евхаристия совершается (с начала VI в.) по влиянию сирских монофизитов на опресноках, причем вино не смешивается с водой. Праздник

Рождества Христова празднуется вместе с Богоявлением и рождественский пост продолжается до Богоявления и проч. Армянская церковь состояла и состоит под управлением своего патриарха — католикоса.

§ 19. Шестой Вселенский Собор и ересь монофелитов

Ересь монофелитов составляет продолжение или даже видоизменение ереси монофизитов. Она вышла из стремления византийского правительства во что бы то ни стало присоединить монофизитов к Православной Церкви. Император Ираклий (611—641 гг.), один из лучших государей Византийской империи хорошо понимал, какое зло для государства приносит с собой разделение религиозное, и потому, подобно своим предшественникам, принял на себя задачу уничтожить религиозное разделение. В 20-х годах VII столетия Ираклий, во время похода на персов, виделся о монофизитскими епископами, — между прочим, Афанасием, патриархом сирских монофизитов, и Киром, епископом Фазиса (в Колхиде), — и входил с ними в рассуждения по поводу спорного вопроса о двух естествах в Иисусе Христе. Монофизитские епископы подали императору мысль, что монофизиты, может быть, согласятся присоединиться к православной Церкви, если последняя признает, что в Иисусе Христе одно действие, или, что тоже, одно обнаружение воли, одна воля. Вопрос об одной или двух волях в Иисусе Христе не был еще раскрыт Церковью. Но, признавая в Иисусе Христе два естества, очевидно, Церковь признавала вместе с тем и две воли, так как два самостоятельные естества — Божеское и человеческое — должны иметь каждое и самостоятельные действия, т.е. в Нем при двух естествах должны быть две воли. Противоположная же мысль — признание при двух естествах одной воли — есть сама в себе протии-воречие: отдельное и самостоятельное естество немислимо без отдельной и самостоятельной воли. Должно быть что-нибудь одно: или в Иисусе Христе одно естество и одна воля, или два естества и две воли. Монофизиты, предлагавшие учение о единой воле, развивали только дальше свое еретическое учение; православные же, если бы приняли это учение, впали бы в противоречие сами с собой, признав правильным учение монофизитское. У императора Ираклия была одна цель — присоединить монофизитов; поэтому, не обращая внимания на сущность предлагаемого учения, он горячо взялся за дело присоединения монофизитов на основании его. По его совету, Кир, епископ Фазиса, обратился с вопросом относительно учения о единой воле к Сергию, патриарху Константинопольскому. Сергий отвечал уклончиво, высказывая, что на Соборах не было решения этого вопроса, но что некоторые из отцов допускали единое животворящее действие во Христе, Боге истинном; впрочем, прибавлял Сергий, если будет найдено у других отцов другое учение, утверждающее две воли и два действия, то следует согласиться на последнее. Очевидно, все-таки было, что ответ Сергия благоприятствовал учению о единоволлии. Поэтому Ираклий пошел дальше. В 630 г. он признал законным патриархом Антиохии монофизита Афанасия, соглашавшегося на унию, и в том же году, когда патриаршая кафедра в Александрии была праздною, сделал патриархом Александрийским Кира, епископа Фазиса. Киру поручено было войти в сношение с александрийскими монофизитами относительно соединения с православною Церковью на основании учения о единоволлии. После некоторых переговоров о монофизитами, особенно умеренными, Кир издал (633 г.) девять согласительных членов, из которых в одном (7-м) высказывалось учение о едином богомужном действии во Христе или о единой воле. Умеренные монофизиты признали эти члены и вступили в общение с Киром; строгие же отказались. В это время в Александрии находился один монах из Дамаска, Софроний, любимый ученик известного Александрийского патриарха Иоанна Милостивого. Когда монофелитская ересь выступила открыто, Софроний первый выступил на защиту православия. Он ясно и отчетливо доказывал Киру, что учение о единоволлии, в сущности есть монофизитство. Представления его не имели успеха, равно как не имели успеха такие же его представления в Константинополе патриарху Сергию, принявшему девять членов Кира. В 634 г. Софроний был

поставлен патриархом Иерусалимским и еще с большей ревностью защищал православие. Он созвал в Иерусалиме собор, на котором осудил монофелитство, а в послании к другим патриархам изложил основания православного учения о двух волях во Христе. Хотя в 637 г. Иерусалим был завоеван арабиянами-мусульманами и иерусалимский патриарх был оторван от общецерковной жизни, но его послание производило большое впечатление на православных империи. Между тем, Сергий Константинопольский писал к папе Гонорию по поводу учения о единоволлии, и Гонорий со своей стороны, также признал это учение православным, хотя и советовал избегать рассуждений о нем, как бесполезных словопрений. Споры всё-таки возникли. Ираклий, желая положить конец им, в 638 г. издал так называемое изложение веры (????), в котором, излагая православное учение о двух естествах в Иисусе Христе, запрещал говорить о Его волях, хотя и прибавлял, что православная вера требует признания одной воли. Преемник Сергия Константинопольского Пирр принял и подписал экфесис. Но преемники папы Гонория встретили его неблагоклонно. В то же время жарким защитником православия выступил константинопольский монах Максим Исповедник, один из глубокомысленнейших богословов. Из Александрии, где он был еще в то время, как Кир издал свои девять членов и вместе с Софронием восставал против них, Максим переселился в северо-африканскую церковь и отсюда писал горячие послания на восток в защиту православия. Здесь же он имел диспут (645 г.) с низложенным патриархом Константинопольским Пирром, переселившимся также в Африку, и убедил его отказаться от единоволлия. По влиянию Максима, в Африке состоялся собор (646 г.), на котором монофелитство было осуждено. Из Африки Максим вместе с Пирром перешли в Рим и здесь с успехом действовали в пользу православия. Папа Феодор отлучил от церковного общения нового патриарха Константинопольского Павла, принявшего экфесис. После Ираклия на императорский престол вступил Констанс Второй (642—668 гг.). Церковное разделение с Африкой и Римом было слишком опасно для государства, особенно ввиду того, что мусульмане, завоевавшие уже Египет (640 г.), сильнее теснили империю. Констанс решил уничтожить ненавистный экфесис. В 648 г. он издал Образец веры (????), в котором, заставляя всех веровать согласно с бывшими пятью Вселенскими Соборами, запрещал говорить как об одной, так и о двух волях. Православные справедливо видели в этом типосе покровительство монофелитству, так как, с одной стороны, эта ересь не осуждалась, а с другой, запрещалось учить о двух волях в Иисусе Христе. Поэтому они продолжали борьбу. Папа Мартин I (с 649 г.) собрал в Риме большой собор (649 г.), на котором осудил монофелитство, всех защитников его, а также экфесис и типос, и акты собора отправил в Константинополь к императору с требованием восстановить православие. Констанс счел такой поступок за возмущение и поступил с Мартином слишком жестоко. Он поручил экзарху равеннскому привезти его в Константинополь. В 653 г. Мартина схватили в церкви и после продолжительного путешествия, во время которого он вытерпел много стеснений, привезли в Константинополь. Вместе с Мартином захватили в Риме и привезли в Константинополь и Максима Исповедника. Здесь папу ложно обвинили в политических преступлениях и сослали в Херсонес (654 г.), где он умер от голода (655 г.). Участь Максима была печальнее. Разного рода пытками заставляли его отказаться от своих сочинений и признать типос. Максим оставался непоколебим. Наконец, император приказал вырезать ему язык и отрубить руку. Изуродованного таким образом Максима отправили в ссылку на Кавказ, в землю лазов, где он и умер (662 г.). После таких жестокостей православные замолкли на некоторое время. Восточные епископы были принуждены принять типос, западные не возражали. Наконец, император Константин Пагонат (668—685 гг.), при котором снова началась борьба православных с монофелитами, решил поддержать православие. В 678 г. он низложил патриарха Константинопольского Феодора, явного монофелита, а на его место поставил пресвитера Георгия, сторонника православного

учения о волях. Затем император в 680 г. собрал в Константинополе Шестой Вселенский Собор, называемый Трулльским.¹ Папа Агафон прислал на Собор своих легатов и послание, в котором, на основании послания Льва Великого, раскрывалось православное учение о двух волях в Иисусе Христе. Всех епископов на Соборе было около 170 человек. Были тут патриархи Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский; император также присутствовал на Соборе. Всех заседаний Собора было 18. На защиту монофелитства в первых же заседаниях выступил патриарх Антиохийский Макарий, самый ревностный из монофелитов; ему возражали папские легаты, доказывая, что на основании древних отцов, необходимо признать в Иисусе Христе две воли. С легатами согласился патриарх Константинопольский Георгий и другие восточные епископы. Но Макарий, несмотря на все убеждения, не хотел отказаться от ереси, потому был осужден Собором и низложен, а императором выслан из Константинополя. Некоторые монахи, из которых многие присутствовали на Соборе, также не соглашались принять две воли. В 15-м заседании один из них, до фанатизма преданный ереси, Полихроний предложил даже доказать истинность монофелитского учения чудом; он вызвался воскресить умершего. Опыт был дозволен и, разумеется, Полихроний не воскресил умершего. Собор осудил Полихрония как еретика и возмутителя народа. В заключение всего Собор таким образом определил православное учение о двух волях в Иисусе Христе: «исповедуем две естественные воли или хотения в Нем (т.е. Иисусе Христе) и два естественные действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно; два же естественные хотения — не противные, — да не будет, как нечестивые еретики проповедовали, — но Его человеческое хотение, не противостоящее или противоборствующее, а последующее, подчиняющееся Его Божественному и Всемогущему хотению». Вместе с тем, запретив проповедовать иначе учение веры и составлять новый Символ, Собор наложил анафему на всех монофелитов, между прочим, на Сергия, Кира, Пирра, Павла, Феодора и папу Гонория. Заседания Собора окончились уже в 681 г. На Пято-шестом Трулльском соборе 692 г., дополнившем определения V и VI Вселенских Соборов составлением 102 правил по разным вопросам церковной дисциплины и являющемся как бы продолжением VI Собора, догматическое определение последнего о двух волях в Иисусе Христе было подтверждено снова. После соборных определений монофелитство на Востоке пало. В начале VIII века император Филлипик Вардан (711—713 гг.) восстановил было эту ересь в империи, в видах утверждения себя на престоле при помощи партии монофелитов, но с низвержением Филлипика низвержена была и ересь. Только в Сирии осталась небольшая партия монофелитов. Здесь в конце VII в. монофелиты сосредоточились в Ливане, в монастыре и около монастыря аввы Марона (VI в.) выбрали себе патриарха, который назывался также Мароном, и образовали самостоятельное еретическое общество, под именем маронитов. Марониты существуют и до настоящего времени.

§ 20. Седьмой Вселенский Собор и иконоборческая ересь. Святая Ирина и восстановление иконопочитания

Иконопочитание в IV за V веках вошло во всеобщее употребление в Христианской Церкви. По церковному учению почитание икон должно состоять в почитании лиц, изображенных на них. Такого рода почитание должно выражаться благоговением, поклонением и молитвой лицу, изображенному на иконе. Но в VII в. к такому церковному учению стали примешиваться неправославные взгляды на иконопочитание, особенно в простом народе. Простой народ, вследствие недостаточности религиозного образования, по большей части придавал внешности и обрядности в религии главное значение. Смотря на иконы и молясь перед ними, люди необразованные забывали возноситься умом и сердцем от видимого к невидимому и даже мало-помалу усвоили убеждение, что лица, изображенные на иконах, неотделимы от икон. Отсюда легко развилось поклонение собственно иконам, а не лицам изображаемым, — развилось суеверие, граничащее с идолопоклонством. Естественно, что явилось стремление уничтожить такое суеверие. Но, к несчастью Церкви, задачу уничтожить суеверие приняла на себя гражданская власть, отстранившая духовную. Вместе с суеверным почитанием икон, гражданская власть, под влиянием еще политических соображений, стала уничтожать иконопочитание вообще и произвела, таким образом, ересь иконоборческую. Первым гонителем иконопочитания был император [Лев III](#) Исаврянин (717—741 гг.). Это был государь храбрый, с успехом защищавший империю от нападения аравитян-магометан. Обратив внимание на церковные дела и, между прочим, на суеверия в иконопочитании, он решился уничтожить последние полицейскими мерами, и до того увлекся своей ролью церковного деятеля, что вместе с суевериями захотел уничтожить и истинное иконопочитание. Он не отделял суеверного почитания икон от истинного; всякого рода почитания икон казалось ему суеверным. Как грубому воину, Льву Исаврянину недоступны были возвышенные чувства и стремления; он не понимал или не хотел понять, что от изображения того или иного лица на иконе можно возвышаться умом и сердцем к самому лицу. По своей грубости он полагал, что если поклоняются иконам, то поклоняются именно иконам. К тому же Лев составил несчастный план обратить в христианство, как магометан, так и иудеев, уничтожением иконопочитания, которым соблазнялись и над которым смеялись те и другие. Предположенное уничтожение икон Лев Исаврянин начал довольно осмотрительно. Сначала он издал эдикт (726 г.) только против поклонения иконам, для чего приказал поставить их в церквах повыше, чтобы народ не лобызал их. Против такого распоряжения восстал патриарх Константинопольский Герман. За ним на защиту иконопочитания выступил знаменитый Иоанн Дамаскин, впоследствии монах обители святого Саввы в Палестине. Он написал горячее послание против иконоборчества и отправил его в Константинополь. Между прочим, отвечая на возражения врагов иконопочитания, он доказывал, что если в ветхозаветной Церкви запрещено было делать изображение Бога, то такое запрещение не приложимо к Церкви Новозаветной, когда Сам Бог принял естество человеческое и жил на земле, как человек. Выступил на защиту иконопочитания и папа Григорий II. Он писал императору письмо, в котором высказывал, что христиане почитают не иконы, а изображаемые на них лица, что иконопочитание вошло во всеобщее употребление, что даже дети, обучающиеся в школах, если придти и к ним и говорить против иконопочитания, забросают за это своими учебными досками и что, наконец, если император будет настаивать на уничтожении иконопочитания, Рим отойдет из-под его власти. Народ возмущён также был распоряжением императора и открыто выражал свое недовольство. Так, когда приказано было снять особенно почитаемую икону Христа Споручника, стоявшую

над воротами императорского дворца, масса православных, окружавшая лестницу, по которой взбирался солдат для исполнения приказа, столкнула лестницу и умертвила солдата. Икона все-таки была снята. А на Цикадских островах произошло даже настоящее восстание. Лев, впрочем, сумел усмирить мятежников и еще с большим рвением принялся за уничтожение иконопочитания. В 730 г. был издан эдикт, которым повелевалось вынести из храмов все иконы. Патриарх Герман отказался выполнить такое распоряжение и был низложен (733 г.), а на его место поставлен Анастасий, подчинившийся приказанию императора. Иконы были вынесены из храмов; епископы, противившиеся этому, низложены. Из епископов нашлись, впрочем, и такие, которые добровольно помогали императору в уничтожении иконопочитания, Таков, например, Константин Фригийский, удаливший из своих церквей иконы еще после первого эдикта. Но иконы можно было удалить из храма только в пределах Византийской империи. В Сирии, которая находилась под властью аравитян, и в Риме, который почти совсем не признавал над собой власти византийского императора, Лев не мог заставить выполнить свой эдикт. Восточные церкви, находившиеся под властью аравитян, прекратили общение с Греческою Церковью, а Иоанн Дамаскин написал свои знаменитые послания против иконоборцев. Также и папа Григорий III (731—741 гг.), стоявший, подобно своему предшественнику, на стороне иконопочитателей, восстал против императорского эдикта. В 732 г. он созвал в Риме собор, на котором предал проклятию иконоборцев. Лев захотел наказать папу и отправил было в Италию флот, но так как последний был разбит бурей, то ограничился только тем, что отнял у папы Иллирийский округ, присоединив его к патриархату Константинопольскому. В 741 г. Лев Исаврянин умер, достигнув только того, что иконы были выведены из церковного употребления; вывести же из домашнего употребления он не мог, при всей своей жестокости. По смерти Льва иконопочитание на некоторое время было восстановлено. Зять Льва, Артабазд, при помощи иконопочитателей занял императорский престол помимо сына и наследника Льва Константина V Копронима (743—775).¹ Иконы опять появились в храмах и опять началось открытое иконопочитание. Но в 743 г. Константин Копроним сверг с престола Артабазда и, подобно своему отцу, начал преследовать иконопочитание, только с еще большей настойчивостью и жестокостью. Копроним хотел торжественно, с соблюдением законности уничтожить иконопочитание, как ересь, и для этого в 754 г. составил в Константинополе собор, который назвал Вселенским. На соборе было 338 епископов, но не было ни одного патриарха. Здесь положено было, что иконопочитание есть идолопоклонство, что единственный образ Христа Спасителя — это евхаристия и т.п. В доказательство собор приводил места из Священного Писания, толкуя их односторонне и неправильно, а также из древних отцов — или подложные, или искаженные, или с неправильным толкованием. В заключение собор предал анафеме всех защитников иконопочитания и иконопочитателей, особенно Иоанна Дамаскина, и постановил, что кто после этого будет сохранять иконы и почитать их, тот, если духовное лицо — подвергается извержению из сана, если мирянин или монах — отлучается от общения церковного и подвергается наказанию по императорским законам. Все епископы согласились на соборные определения, одни по убеждению, другие — и большая часть — по страху пред императором. На соборе же, на место умершего пред тем иконоборческого патриарха Анастасия поставлен был патриархом константинопольским епископ Константин из Фригии, заявивший себя особенной враждой к иконопочитанию. Определения собора были приводимы в исполнение с необыкновенной жестокостью. Преследования простирались даже на домашнее иконопочитание. Только в тайных, недоступных полиции местах православные могли сохранить иконы. Не останавливаясь на иконопочитании, Копроним пошел еще дальше; он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, монашескую жизнь, считая все это суеверием. Поэтому, по его приказанию, мощи святых сжигались или бросались в море; монастыри были

обращены в казармы или конюшни; монахи изгонялись, а некоторые из них, открыто порицавшие действия императора и защищавшие иконопочитание, были преданы мучительной смерти. Воля императора была исполняема везде, кроме Рима. В то время, как Константин Копроним осуждал на своем «вселенском» соборе иконопочитание, папа приводил в исполнение план относительно отделения Рима от Византийской империи. Равеннским экзархатом, принадлежавшим Греческой империи, завладели лангобарды (752 г.). Папа Стефан III пригласил на помощь франкского короля Пипина Короткого, который прогнал лангобардов, а отнятые у них земли подарил апостольскому престолу, т.е. папе (755 г.). Греческое владычество в Италии после этого закончилось. Стефан, сделавшись независим, не стесняясь, мог отвергнуть все постановления иконоборческого собора 754 г. Константин Копроним умер в 775 г. Ему наследовал его сын Лев Хазар (775—780 гг.), прозванный так из-за того, что его мать, жена Константина, была дочерью Хазарского кагана. Он воспитан был в духе иконоборческом и, по завещанию отца, должен был действовать против иконопочитания. Но Лев был человек слабохарактерный; на него имела большое влияние его жена афинянка Ирина (780—802), державшаяся втайне иконопочитания. А под её покровительством изгнанные монахи снова стали появляться в городах и даже в самом Константинополе, епископские кафедры стали замещаться тайными приверженцами иконопочитания и т.д. Только в 780 г. по поводу найденных в спальне Ирины икон, Лев начал было уже крутыми мерами подавлять пробуждавшееся иконопочитание, но в том же году умер. За малолетством его сына, Константина VI Порфирородного, управление государством взяла в свои руки святая Ирина. Теперь она решительно выступила в пользу иконопочитания. Монахи беспрепятственно заняли свои монастыри, появлялись на улицах и пробуждали в народе угасшую любовь к иконам. Мощи мученицы Евфимии, брошенные в море при Константине Копрониме, были вынуты из воды и им начали воздавать должное почитание. Патриарх Константинопольский Павел, бывший в числе врагов иконопочитания, при таком обороте дела был вынужден в 784 г. оставить кафедру и удалиться в монастырь. На его место, по желанию Ирины, поставлен был один светский человек, Тарасий (784—806), приверженец иконопочитания. Тарасий принимал патриарший престол с тем условием, чтобы восстановлено было общение с церквами Римской и восточными, прекратившееся во время иконоборческое, и чтобы созван был новый Вселенский собор для утверждения иконопочитания. Действительно, с согласия святой Ирины, он написал папе Адриану I о предполагаемом восстановлении иконопочитания и приглашал к участию во Вселанском Соборе. Восточным патриархам также отправлены были приглашения. В 786 г., наконец, был открыт в Константинополе Собор. Папа прислал легатов; от лица восточных патриархов явились два монаха, как их представители. Собралось на Собор также много греческих епископов. Но Собор в этом году не состоялся. Между епископами большинство было против иконопочитания. Они начали составлять тайные собрания и рассуждать в духе иконоборческом. К тому же императорские телохранители, состоявшие из старых солдат Константина Копронима, не хотели допускать восстановления иконопочитания. В одном заседании Собора иконоборческие епископы подняли шум, а телохранители между тем неистовствовали на дворе помещения Собора. Тарасий принужден был закрыть собор. В следующем 787 г., когда святая Ирина благовоременно уволила от службы иконоборческие войска, Собор спокойно был открыт в Никее. Это был Второй Никейский, Седьмой Вселенский Собор. Собралось 367 отцов. Хотя и тут были иконоборческие епископы, но их было меньше православных. Всех заседаний Собора было восемь. Прежде всего, Тарасий, как председатель, предложил свою речь в пользу иконопочитания, затем прочитана была такая же речь Ирины. Православные епископы согласились с той и другой. Иконоборческим же епископам Тарасий предложил, что если они покаются и примут иконопочитание, то будут оставлены в

архиерейском сани. Вследствие такого предложения иконоборческие епископы согласились признать иконопочитание и подписали отречение от иконоборчества. Далее читали послание папы Адриана об иконопочитании, приводили доказательства в пользу иконопочитания из Священного Писания, Священного Предания и писаний отцов Церкви; разобрали действия иконоборческого собора 754 г. и нашли его еретическим. Наконец, предав анафеме всех иконоборцев, отцы Седьмого Вселенского Собора составили вероопределение, в котором между прочим сказано: «Храним ненововодно все, писанием и без писания установленные для нас церковные предания, из которых одно касается иконного живописания... определяем: подобно изображению честного и животворящего креста, полагать во святых Божиих церквах, на священных сосудах и одеждах, на стенах и досках, в домах и на путях честные и святые иконы, написанные красками и из дробных камней и из другого способного к тому вещества устрояемые, как-то иконы, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Непорочная Владычица наша святая Богородица, также и честных ангелов, и всех святых и преподобных мужей. Ибо когда чрез изображение на иконах лики Спасителя, Богородицы и др. бывают видимы, то взирающие на них побуждаются к воспоминаниям и люблению первообразов их, и чувству их лобызанием и почитательным поклонением не собственным, по вере нашей, богопоклонением, которое приличествует единому Божественному естеству, но почитанием, воздаваемым изображению честного и животворящего креста и святому Евангелию и прочим святыням». Кроме того, Собор постановил, чтобы все сочинения, написанные еретиками против иконопочитания, были представляемы Константинопольскому патриарху, а скрывающим такие сочинения назначил духовным лицам извержение из сана, мирянам — отлучение от Церкви. Заседания Собора в Никее окончились. Восьмое и последнее заседание было в Константинополе, в присутствии Ирины. Здесь определения Собора прочитаны были торжественно и утверждены императрицею. Согласно определению Собора, иконопочитание было восстановлено во всех церквах.

§ 21. Общая характеристика эпохи

Внутри рассматриваемого периода, охватывающего целых семь столетий церковной истории, объективно выделяются две значительные эпохи — соборная (325—787 гг.) и послесоборная (787—1054 гг.). Если в первую эпоху основной вопрос церковной жизни касался выработки единого вероучения, разрешения догматических споров, борьбы с непрестанно сотрясающими Церковь ересями, то во вторую эпоху церковная жизнь, главным образом, была сосредоточена на проблеме взаимоотношений, с одной стороны, с государственной властью, а с другой стороны, была омрачена все более усиливающимся дистанцированием Рима и Константинополя. Крупнейшей и наиболее развитой во всех отношениях державой воистину вселенского масштаба, на рубеже I и II тысячелетий была Византийская империя. Начиная с VII столетия понятие «восточная Церковь» стало фактически синонимично понятию «Константинопольский патриархат». Действительно, с появлением в это время на мировой арене ислама три остальные восточные патриархата — александрийский, антиохийский и иерусалимский — пали под оружия мусульман, оставив их предстоятелям одни лишь патриаршие титулы и лишив их всяческой власти. С другой стороны, византийская теория симфонии властей возвышала статус Константинопольского патриарха и в общественном сознании самой Византии. Воздействие Церкви на византийское государство и общество в духе идей христианства и его требований, реализующее ее высокое назначение, в эпоху, наступившую после Вселенских соборов, было довольно результативным, поскольку само общество того времени было особенно доступно для религиозных идей. Присутствие религиозного начала в общественном сознании раннесредневековой ойкумены было не только желательным, но и решительно необходимым. Вся жизнь византийского общества была пронизана религиозными интересами, хотя уже и не в такой мере, в какой мы могли это наблюдать в эпоху первых христианских поколений. Однако, при всей своей внешней религиозности, византийское общество носило в себе очень много задатков болезненной, патологической жизни, ненормального развития. Религиозность была чем-то отдельным от жизни: религиозность сама по себе, а жизнь сама по себе. Между ними не было того единения, той тесной связи, которая рождала бы истинно облагороженную, высоко нравственную жизнь. Удивительно, но наряду с, казалось бы, господствующим в общественном сознании религиозным началом история Византии того времени поражает обилием, избытком нравственных недугов, которые составляли самую выдающуюся сторону в положении общества. Эти патологические явления были, с одной стороны, существенным препятствием для Церкви в осуществлении ее миссии, а с другой стороны, той культурно-исторической средой, в которой приходилось жить, действовать и руководить церковному телу. Действительно, рассматриваемые столетия в истории Византийской империи характеризуются нетвердостью, расшатанностью государственных основ, атмосферой своеволия, отсутствием взаимного доверия правительства, армии и народа, какой-то нездоровой напряженностью всех сторон общественной жизни. Каждый пользовался минутой счастья и, хотя искал большего, но редко находил. На рубеже тысячелетий в Византии сконцентрировалось максимальное число массовых возмущений, бунтов, бесчисленных переворотов и заговоров. В отношении народа к императорскому трону повторились печальные времена Римской империи: императоры всходили на него часто для того, чтобы тотчас же оставить его с бесчестьем. Перевороты, приводившие теперь к престолу большую часть императоров, действовали крайне деморализующим образом, как на правительство, так и на народ. Неустойчивость правительств часто была следствием либо очередного каприза народа, либо очередной перегруппировки сил в политических или армейских лагерях. Ни то, ни другое,

разумеется, не добавляло авторитета высшим эшелонам власти, оказавшимся на «политическом олимпе» порой в силу случайного стечения обстоятельств. Известно, что из 109 императоров, управлявших Византийской империей за всю ее почти тысячелетнюю историю, только 34 окончили свой жизненный путь естественным образом; остальных же, в большинстве своем, постигла либо насильственная смерть, либо тяжелое увечье. Причем, как это чаще всего и бывает в истории, «генеральными штабами» заговоров становились, как правило, сами императорские дворцы, где располагались покои нетерпеливых жен, сыновей и других близких родственников императоров, томившихся в ожидании того счастливого момента, когда очередная царственная особа освободит вожделенное место. Заговоры и перевороты, с одной стороны, пагубно отражались на нравственном уровне народа, а с другой стороны, они развивали в правительстве неслыханную жестокость. Для заговорщиков изобретались самые изысканные казни; причем каждое новое правительство, стремясь отбить охоту искать приключения у потенциальной оппозиции, считало своим долгом превзойти в варварстве своих предшественников. Наиболее популярными мерами борьбы со своими политическими противниками были лишение имущества, оскпление (кастрация) для мужчин и заточение в монастырь для женщин, отрубание конечностей, отрезание носа и ушей, ослепление и прочие виды членовредительства. Все это неизбежно создавало атмосферу всеобщей подозрительности и культ деспотизма, которым и славилась Византия рубежа тысячелетий. Императоры, испытывая постоянно страх перед завтрашним днем, доходили до того, что короновали своих наследников во младенческом возрасте, что не мешало им, однако, относиться с подозрительностью и к последним и по мере взросления детей, применять к ним зачастую жесточайшие репрессивные меры. При дворе непрестанно царила удушающая атмосфера интриг, борьбы противоборствующих аристократических партий, на корню уничтожающая всякую попытку утверждения на олимпе власти здоровых элементов. Одаренный, талантливый политик, не связанный по рукам и ногам узами тесных корпоративных интересов имел немного шансов самостоятельно пробить себе дорогу к трону и уж тем более на сколько-нибудь значительный срок укрепиться на престоле. Сложившаяся ситуация стала причиной того, что в Византийской империи, начиная с Константина Великого и до самого ее падения более чем где-либо в государствах старого или нового мира и лучшие государственные мужи и превосходнейшие полководцы зачастую становились жертвами придворных махинаций, коренившихся в низменной зависти и ненависти. Неудивительно, что деморализованное, дестабилизированное и перманентно перевозбужденное бесконечными политическими неурядицами византийское общество налету подхватывало едва заметное дуновение ветра революционных перемен и всегда было легким на подъем против правительства, чем-то неугодившего толпе. Объектом всенародного возмущения нередко являлась и церковная власть в лице константинопольского первосвященника; причем, интересен тот факт, что главными разжигателями пожара демонического гнева толпы, как правило, являлись монахи, недовольные политическим курсом патриарха. Кроважадность их при этом не останавливали ни угроза возможного наказания по административной линии в случае подавления бунта, ни святительский сан избранной ими жертвы. Как правило, возникавшие мятежи сопровождались слепыми жестокими погромами владений родственников свергнутых правителей, неизбежно переходившими за границы родственных связей и крушащими на своем пути особняки любых более или менее зажиточных граждан. Вряд ли можно предполагать, что в сложившихся условиях абсолютной расшатанности каких-либо государственных устоев уровень нравственного сознания общества будет сколько-нибудь высоким. Напротив, эпоха рубежа тысячелетий характеризуется отсутствием в Византийской империи всяческих нравственных принципов. Чего стоит только вспомнить о нашумевших «подвигах» императора Михаила III,

превратившего свою резиденцию в очаг распутства и доходившего в компании своих псевдо-митрополитов до гнуснейшего пародирования евхаристического тайнодействия. Как и во всякую эпоху смутного времени, характеризующуюся неуверенностью в грядущем дне и нравственной распущенностью, Византийское общество того времени было переполнено языческими идеями, суевериями, оракулами, магическими обрядами, астрологией, прорицателями, волшебниками и проч. Итак, все вышеизложенное достаточно красноречиво свидетельствует о тех существенных препятствиях, которые встали в описываемую эпоху перед Церковью при выполнении ее истинного назначения. Чтобы оставаться достойной своего высокого призвания, Церкви следовало выдвигать нравственные требования, идущие коренным образом вразрез с общим настроением народа, а значит, зачастую и противопоставлять себя общественному мнению той эпохи.

§ 22. Положение Церкви в Византийской империи на рубеже тысячелетий

Успех или неудача основной миссии Церкви — освящения жизнедеятельности общества и государства и свидетельствования об истине и добре, как правило, зависит от сочетания двух факторов: во-первых, от состояния дел в самой внутренней церковной жизни; а во-вторых, от того, в каких отношениях находится Церковь как общественный институт с другим общественным институтом — государством. Причем чаще всего в истории бывало так, что характер этих взаимоотношений определялся в одностороннем порядке, а именно более сильным началом — государством. Церкви же обычно доставалась оборонительная позиция, призванная хоть как-то защитить и сохранить ее канонические установления. В частности, на Соборе 869 года было определено, что избрание епископов, митрополитов и патриархов в соответствии с древними правилами должно совершаться не через насилие или какую-нибудь хитрость со стороны светских властей, а самим священноначалием, и что если когда-нибудь подобное нарушение будет иметь место, то такое епископство должно быть признано нелегитимным и немедленно аннулировано. Дело дошло даже до того, что отдельным пунктом было прописано положение о недопустимости присутствия на церковных соборах самих императоров или их уполномоченных, что более чем красноречиво свидетельствует о чрезмерно излишней «опеке» Церкви со стороны светской власти Византии. Определяя, в свою очередь, отношение Церкви к государству, патриарх Фотий писал: «патриарх обязан предостерегать императора и наставлять его на путь истинный в случае греха, потому что, если ошибки царя и властей остаются неизобличенными, народ легко приходит к подражанию недолжному; наоборот, при надлежащем вразумлении глав государства, народ, склонный к преступлению, удержится от подражания злему». Содержащаяся в данном высказывании претензия Церкви не только на самостоятельность, но и некоторое нравственное учительство по отношению к светской власти вполне объясняется тем, что юридически, в теории такая независимость действительно имела место. Это прекрасно доказывает законодательство того времени. В частности, в правилах императоров Василия I и Льва VI, касающихся прав и обязанностей Константинопольского патриарха и императора в отношении к Церкви каждому из них определены нормы, с которыми они должны были соотносить свою религиозную деятельность. Причем, правила эти свидетельствуют о довольно высоком месте Церкви в государственной сфере. Да и идеал императора носил существенный религиозный оттенок: по замыслу авторов указанного законодательства, император «...обязан приводить в исполнение все заповеди Священного Писания, определения Семи Вселенских соборов; отличаясь перед всеми в православии и религиозной ревности». В целом, можно сказать, что рассматриваемое законодательство, наделяя императора и патриарха различными функциями, фактически уравнивало их права и власть. Впрочем, как уже было сказано, реальное положение дел, определяющее истинную картину государственно-церковных отношений, диктовалось в одностороннем порядке главой государства. Так, император Василий Македонянин, управляющий Византией в конце 60-х и в 70-е годы IX столетия, проводил линию независимости Церкви в ее деятельности, участвовал в работе соборов 869 и 879 годов. Напротив, [Лев VI](#) провозгласил принцип, согласно которому царь есть закон неписанный, то есть императору все дозволено. Таким образом, несмотря на то, что юридически в Византии государство и Церковь были поставлены на одну плоскость, на деле ее права очень часто попирались светской властью. IX столетие, непосредственно следующее за эпохой Вселенских Соборов, предоставляет многочисленные примеры вмешательства государства в жизнь Церкви.

§ 23. Продолжение иконоборческой ереси после VII Вселенского Собора

Несмотря на победу иконопочитания на VII Вселенском Соборе партия иконоборцев сохраняла свое влияние после него еще довольно длительный срок — более полувека. Некоторые из иконоборческих епископов, признавшие на Соборе иконопочитание ради сохранения за собой занимаемых кафедр, втайне оставались врагами иконопочитания. В войсках еще со времени Константина Копронима, несмотря на проводимые Ириной чистки, господствовал также иконоборческий дух. До тех пор, пока Византией правила святая Ирина, даже в то время, когда ее отстранил от власти ее сын Константин VI Порфирородный (789—797), господствующее положение в Церкви имели иконопочитатели. К этому времени относится жизнь и молитвенный подвиг крупнейшего деятеля «монашеской партии» рубежа VIII и IX столетий — преподобного Феодора Студита (759—826), настоятеля крупнеего в Константинополе Студийского монастыря святого Иоанна Предтечи. Отличаясь с молодости принципиальностью в вопросах христианской нравственности, в 795 г. он выступил с резким осуждением второго брака правившего тогда Константина с фрейлиной Феодотой, родственницей игумена, и даже разорвал общение с патриархом Тарасием, багословившим этот «прелюбодейный» брак. В ответ последовала высылка императором Феодора и поддержавших его монахов, длившаяся до 797 г., когда вернувшаяся к власти после государственного переворота святая Ирина приблизила Феодора Студита к себе и назначила настоятелем Студийского монастыря. В годы игуменства Феодора эта обитель переживала настоящий расцвет: число братий увеличилось с 12 до 1999 человек, росла благотворительность, был введен строгий общежительный устав. Студийским монастырь елался «образцовым» монастырем империи, одним из главных центров ее церковной жизни. Благодаря преподобному Феодору монашество в целом пережило фазу возрождения очищений и подъема. В эти же годы, в самом конце VIII столетия в Европе произошло событие, существенно повлиявшее на формирование биполярной модели «Запад — Восток» — образование в 800 году империи франков. Выше уже было сказано о том, что военная и дипломатическая поддержка франким королем Пипином Коротким папского престола и дарования ему в 755 г. принадлежавшего грекам Равеннского экзархата после изгнания оттуда лангобардов уже начало разводить политические мосты между Римом и Константинополем. В 90-х годах король франков Карл Великий подчинил себе Лангобардское государство в Италии, чем еще больше укрепил позиции Римской Церкви. После этого следов военно-политического влияния Византии в Италии не осталось и в помине. Внешнеполитический курс правительства святой Ирины явно не прибавлял престижа Византии в глазах римлян. Даже восстановление иконопочитания на VII Вселенском Соборе не сделало Константинополь полюсом политического притяжения для Рима. Папский престол всерьез сязал свои интересы с державой франков. Не смутила его и грубое иконоборчество Карла Великого, имевшего скорее под собой мотив политического оппонирования Византии как единственной сверхдержаве того времени. Вершиной франко-римского альянса стало венчание 25 декабря 800 года папой Львом III Карла Великого как императора. По мнению одного из современных историков Церкви, прот. В. Асмуса, «это было событие, которое в области политической явилось важнейшей предпосылкой церковного разделения, потому что, по всем принятым представлениям того времени, империя — это единое всемирное государство. Двух империй быть никак не может. Есть и может быть только одна империя. Она существовала прежде, имела столицей Рим, потом — Константинополь. До последнего момента империя, имевшая столицей Константинополь, продолжала во всем христианском мире считаться

римской, и хотя ее границы не совпадали с границами христианского мира, она считалась неким идеальным увенчанием всего христианского мира». По замыслу пап, создание в 800 г. империи франков было не столько альтернативой уже существующей империи, в скорее — рождением нового полюса извечной римской державы, открытием третьего этапа ее истории. Но как бы то ни было, списать со счетов могущественную еще тогда Византию в одночасье было невозможно, и Карл Великий намеревается «поглотить» ее посредством династического брака со святой Ириной, как он это делал со всеми вновь захваченными территориями. Однако направленное к Константинопольскому двору франское посольство было с позором отправлено восвояси. Да и положение самой Ирины на престоле становилось все менее устойчивым. Оппозиция ее внешнеполитическому курсу, терпящая неудачи по всем направлениям, организовала в 802 году государственный переворот, в результате которого первая в истории Византии женщина-императрица была свергнута и сослана в монастырь на остров Лесбос, где вскоре (803) скончалась. На престол взошел государственный казначей Никифор (802—811 гг.), бывший сторонником иконопочитания. Стремясь поправить финансовое положение государства, он пошел на лишение льгот монастырей, чем восстановил против себя монашество. После смерти в 806 году патриарха Тарасия наиболее достойной кандидатурой на патриаршью кафедру был игумен Феодор Студит, однако императору был нужен другой, более удобный ему человек. Им стал его тезка Никифор Исповедник (806—815), также сторонник иконопочитания; Феодор Студит же стал его ближайшим советником и сподвижником. Император Никифор, в отличие от своей царственной предшественницы, вел активную внешнюю политику, много воевал с Болгарской империей хана Крума на Балканах и погиб там в 811 году в одном из сражений. Следующий император Михаил I Рангаве (811—813 гг.) также был иконопочитателем, восстановил добрые взаимоотношения с монашеством, еще более укрепил авторитет и влияние при дворе преподобного Феодора Студита. Михаил признал Карла Великого императором (правда, не римским), разрушая тем самым всеобщую в то время убежденность об исключительности Константинополя в качестве столицы империи. Военные неудачи на Балканах привели к мятежу в армии, где традиционно, еще со времен Константина Копронима, были сильны иконоборцы; Михаил I был низвержен и пострижен в монахи вместе со своим сыном Никитой (будущим патриархом Игнатием). Трон занял полководец Лев V Армянин (813—820 гг.) из иконоборческой партии зеленых. С этого момента начинается второй виток гонений на иконопочитание, продолжающихся три десятилетия. Воспитанный в иконоборческих началах и окруженный иконоборцами, Лев Армянин неминуемо должен был сделаться гонителем иконопочитания. Но сначала он старался прикрывать свою ненависть к иконам желанием примирить партии иконоборческую и православную. Не объявляя еще об уничтожении иконопочитания, он поручил ученому Иоанну Грамматику, будущему патриарху, составить записку со свидетельствами из древних отцов против иконопочитания, чтобы убедить православных отказаться от него. Но иконоборческая партия настоятельно требовала решительных мер против иконопочитания и даже открыто выражала свою ненависть к иконам. Так, однажды, иконоборческие солдаты начали бросать камнями в известную икону Христа Споручника, поставленную Ириной на прежнем месте над воротами императорского дворца. Император, под предлогом прекращения беспорядков, приказал опять снять икону. Православные, во главе которых стояли константинопольский патриарх Никифор и преподобный Феодор Студит, видя, что начинается гонение на иконы, устроили совещание и решились твердо держаться постановлений VII Вселенского Собора. Узнав об этом, император пригласил к себе патриарха, все еще рассчитывая путем убеждения достигнуть уничтожения иконопочитания. С патриархом явились Феодор Студит и другие православные богословы и на предложение императора о примирении с иконоборческой партией решительно отказались

сделать какие-либо уступки еретикам. Не достигнув уничтожения иконопочитания переговорами, Лев Армянин принялся за насильственные меры: он издал указ, которым запрещалось монахам проповедовать иконопочитание. Указ должны были подписать все монахи, но подписали только немногие. Феодор же Студит написал окружное послание к монахам, в котором убеждал повиноваться больше Богу, нежели людям. Император пошел дальше в своем преследовании иконопочитания. В 815 г. патриарх Никифор был низложен и сослан, а на его место поставлен иконоборец Феодот Мелиссинос Касситер (815—822). Новый патриарх, всецело полагаясь на помощь Иоанна Грамматика созвал собор, на котором VII Вселенский Собор был отвергнут, и иконоборческий собор Константина Копронима 754 г. признан законным. Впрочем, собор Феодота Касситера хотел сделать уступку православным, предлагая предоставить воле каждого почитать иконы или нет, то есть признать иконопочитание необязательным. Только немногие монахи, пришедшие на собор по приглашению, согласились на это предложение, но и те, после убеждений Феодора Студита, отказались. Большинство же, под руководством Феодора Студита, не хотело знать ни нового патриарха, ни собора, ни его предложений. Феодор Студит не убоился даже открыто выразить протест иконоборческим распоряжениям. В Вербное воскресенье он устроил торжественную процессию по улицам города с иконами, пением псалмов и т.д... Император был крайне недоволен таким противодействием православных и, подобно Константину Копронику, начал открыто гнать их, и, прежде всего, монахов. Монастыри были разрушены, монахи изгоняемы или ссылаемы в заточение. Феодор Студит был одним из первых страдальцев за веру. Его сослали в заточение и мучили там голодом, так что он умер бы, если бы темничный страж, тайный иконопочитатель, не разделял с ним свою пищу. Из своего заточения Феодор рассылал письма православным и поддерживал в них любовь к иконопочитанию. В 820 году император Лев V пал жертвой очередного заговора, во главе которого стоял его бывший сослуживец, сменивший его на императорском троне с титулом Михаила II Травла Аморийца (820—829), основатель Аморийской династии. Будучи сам иконоборцем, иконопочитателей он старался не преследовать, занимая более взвешенную позицию. После смерти в 20-х годах патриарха Феодота он всячески препятствовал возвращению на первосвятительскую кафедру святого Никифора Исповедника и отдал ее в руки другого иконоборца. В 829 году Михаила II сменил на престоле его сын Феофил (829—842 гг.), последний и ревностный иконоборец, организатор беспощадных гонений на иконопочитателей. В 831 году он повторно женился на Феодоре, родом пафлогонянке, наполовину армянке. С ней в императорский дворец вошло иконопочитание. В 833 году он поставил патриархом своего бывшего воспитателя, давшего ему блестящее образование — Иоанна Грамматика (833—842 гг.), такого же фанатичного иконоборца.

§ 24. Торжество Православия. Патриархи Мефодий (842—847 гг.) и Игнатий (847—857, 867—877 гг.)

Как и 70 лет назад, заслуга восстановления иконопочитания принадлежала женщине. После смерти в 842 году императора Феофила у власти в качестве регентши при его трехлетнем сыне Михаиле III встала его супруга Феодора (842—856 гг.), восстановившая иконопочитание с согласия братьев ее покойного супруга. Однако ее собственный брат, Мануил поначалу опасался противодействия иконоборческой партии, но и он согласился после того, как выздоровел от тяжелой болезни, во время которой, по убеждению монахов, дал обещание восстановить иконопочитание. Иконоборческий патриарх Иоанн Грамматик был низложен и на его место поставлен ревностный иконопочитатель святитель Мефодий (842—847 гг.). В начале 842 года он собрал собор, на котором была подтверждена святость VII Вселенского Собора, и иконопочитание было восстановлено. Затем, 11 марта 843 года в воскресенье на первой неделе Великого поста устроена была торжественная процессия по улицам города с иконами. Этот день остался навсегда днем торжества Церкви над всеми ересями, днем Православия. После этого иконоборческие епископы были низложены и место их заступили православные. Теперь из того уже обессиленная и отжившая свое иконоборческая партия окончательно потеряла свою силу. Середина IX столетия в истории Византии стала временем культурного подъема, чему энергично способствовало правительство Варды. В императорском Магнабрском дворце он основал высшую школу, где изучали все отрасли науки того времени. Его ректором стал видный ученый Лев Математик; одним из самых блестящих профессоров этого учебного заведения был Фотий, будущий Константинопольский патриарх; из этого же университета вышел и Константин Философ — святой Кирилл, создатель славянской азбуки. Расцвет перживала и внешняя политика. Бывшие имперские земли были отвоеваны: на северо-западе — у болгар; востоке — у арабов. В центральной части малоазийского полуострова Византия вторглась в земли, давно заселенные дуалитической сектой павликиан, организованных в некое пободие одрена-государства. Разбив еретиков, византийцы выселили большую их часть во Фракию, где таким образом были посеяны зерна будущего болгарского богомилства. Патриарх Мефодий отличался умеренным образом действий, чем вызвал недовольство зилотов — ревнителей иконопочитания — монахов Студийского монастыря, которым его курс казался слишком мягким; в результате они вновь были отлучены от церковного общения. После смерти святителя Мефодия на патриарший престол был назначен Игнатий. В период его правления мы сталкиваемся с одним из ярких примеров вмешательства государства во внутреннюю церковную жизнь — таковым стал политический курс сына Феодоры императора Михаила III, по прозвищу Пьяница (856—867 гг.): речь идет о незаконном низвержении константинопольского патриарха Игнатия. Патриарх Игнатий был сыном злополучного императора Михаила Рангаве и, как это часто бывало в те времена, стал невинной жертвой дворцовых интриг, в результате которых подвергся самому популярному тогда приему борьбы был кастрирован и насильно пострижен в монахи. Драматичная судьба и отличавшие его высокие нравственные качества способствовали, в особенности среди широких народных слоев, созданию вокруг его личности ореола мученика. Его молодость совпала с последней фазой внутрицерковной борьбы с иконоборчеством, увенчавшейся в 842 году торжеством православия, в которой Игнатий принял самое деятельное участие. Этим он снискал большую популярность среди черного духовенства. Взойдя в 847 году на первосвятительскую кафедру, патриарх становится ревностным противником царящего при дворе Михаила III всеобщей безнравственности, разврата, олицетворением и вдохновителем которых был дядя несовершеннолетнего императора Варда. Подобно трагической участи

Иоанна Предтечи, выступившего в свое время с резким обличением поведения Ирода Антипы, жившего в незаконной связи с женой своего брата, Иродиадой, и поплатившегося за это головой в прямом смысле слова, Игнатий стал жертвой прелюбодеяния Варды со своей овдовевшей невесткой. После многочисленных пастырских наставлений предстоятель решился однажды на радикальное средство прилюдно на большом празднике торжественно отлучил царственного вельможу от причастия, чем вызвал звериную ярость с его стороны: тот выхватил меч и чуть не пронзил патриарха, совершающего таинство святой евхаристии. После этой стычки Игнатий и Варда стали открытыми врагами, причем перевес сил был явно не в пользу первосвященника. В 856 году в результате государственного переворота, организованного Вардой, его сестра, святая Феодора была отстранена от власти и позже сослана в монастырь. Отказавшийся насильно постричь в монахи правящую императрицу Феодору, что открывало бы Варде прямой путь к неограниченной власти при несовершеннолетнем императоре, патриарх Игнатий был обвинен в государственной измене и лишен кафедры. Есть мнение, что «Игнатий принял участие в заговоре против императора Михаила, отлучил от Церкви кесаря Варду и встал во главе консервативной монашеской партии игнатиан. За это он поплатился кафедрой и был сослан византийским правительством. Понимая безисходность создавшегося положения, Игнатий подписал заявление об уходе и дал благословение на выборы нового патриарха». Сосланный в заточение опальный первосвященник подвергался многолетним истязаниям, побоям и унижениям. Такая же участь постигла и его сподвижников: их преследовали, травили, всячески издевались: как физически, так и духовно. Жестокие гонения продолжались до того момента, когда однажды в разразившемся землетрясении суеверный византийский народ, высоко чтивший Игнатия, увидел Божью кару за нескончаемые злодеяния, учиненные правительством в отношении низверженного патриарха и его сторонников, и поднял восстание. История с Игнатием наглядно показывает униженное и бесправное положение Церкви в Византийской империи, неуважение государством священнейших прав Церкви, доказывает, что мнение и слово первосвященника константинопольского патриархата не стоили и выеденного яйца в глазах императорского двора, а сама фигура патриарха ничем не была защищена от очередного изгиба политического курса властей. Вскоре после отставки Игнатия на патриаршью кафедру был избран человек, имя которого стало, пожалуй, самым громким в череде нескольких десятков константинопольских патриархов. Имя это Фотий.

§ 25. Святой патриарх Фотий (858—867, 878—886 гг.)

Патриарх Фотий происходил из богатой и знатной семьи; он был племянником святого патриарха Тарасия. До восшествия 25 декабря 858 года на патриарший престол он был светским человеком и по своему высочайшему интеллектуальному потенциалу, одаренности и блестящей эрудиции обогнал свой посредственный в деле просвещения век, пожалуй, на несколько столетий. Фотий возглавил константинопольскую церковь в очень нелегкое для нее время политического противостояния с латинством в лице римского папы Николая I (858—867 гг.). Именно в годы правления Фотия противостояние Запада и Востока впервые было осознано как столкновение двух различных миров. Именно святитель Фотий впервые указал на те нововведения в доктрине Западной Церкви, которые составляют настоящую сущность разделения: папизм и учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (*filioque*). Наконец, в первое десятилетие патриаршества Фотия осуществилась яркая апостольская миссия в хазарских и славянских землях святых солунских братьев — Константина — Кирилла и Мефодия. Кроме этого, в это десятилетие начинается письменная история греко-русских взаимоотношений: знаменитая осада Константинополя войсками киевских князей Аскольда и Дира 862 года и чудесное их крещение, о котором говорится в «Окружном послании к восточным престолом» патриарха Фотия, написанном в 867 году. С приходом Фотия церковное общество разделилось на две партии — фотиан и зилово-игнатиян. Однако противостояние внутри Константинопольской церкви не имело того существенного исторического значения, которое приобрело вызванное им усиление напряжения в отношениях Рима и Константинополя. Обе константинопольские партии в целях разрешения спора обратились к третьей стороне — римскому папе Николаю. И вот тут епископу апостольской кафедры предстал удобный случай заявить о вселенском значении и власти Рима над всей Вселенской Церковью, мысля себя верховным судьей в делах «подведомственной» ему константинопольской церкви. Николай I отправил на собор в Константинополь своих легатов и письмо императору Михаилу, где он настойчиво проводил требование недопустимости возведения или низложения патриархов без ведома папы, а также выдвинул требование возвращения в юрисдикцию Римского престола Иллирии, Калабрии и Сицилии. В то же время прибывшие в Константинополь послы Николая I признали легитимным избрание в патриархи Фотия, а поведение Игнатия предосудительным и присоединились к приговору над ним. Будучи официально утвержден в патриаршем достоинстве на Первом-Втором Соборе 861 года, в разгар преследований Игнатия, патриарх Фотий всячески старался облегчить мучения своего предшественника, многократно обращаясь, хотя и тщетно, к Варде с призывом милосердия и кротости. Однако реакция папы не совпала с мнением его легатов. Увидев, что Византия не признает его в качестве решающей инстанции, а Иллирия, Калабрия и Сицилия остаются в юрисдикции Константинополя, Николай I в 863 году провел в Латеране свой собственный собор, где анафематствовал Фотия и вернул в патриаршее достоинство Игнатия, разослав при этом окружное послание всем восточным патриархам, в котором призывал разорвать всяческое общение с Фотием. Реальных последствий эти решения папского престола в Византии не имели; зато святитель Фотий в ответ на них в 867 году созвал в Константинополе собор, где осудил папу Николая I и учение об исхождении Святого Духа от Отца и Сына (*filioque*). В том же году римский первосвященник умер, и папский престол наследовал Адриан II (867—872 гг.). Поменялась власть и в Византии. В результате очередного государственного переворота был убит сначала кесарь Варда, а затем и император. Царский трон занял бывший друг Михаила III, которого он приблизил к себе из простых крестьян — Василий Македонянин (867—886 гг.), основатель новой македонской династии. Новый

византийский император, движимый побуждениями к восстановлению отношений с Римом, низверг Фотия с престола, куда вернул опального Игнатия. Причем этим, казалось бы, благовидным актом очередной раз было грубо попорно мнение Церкви, выраженное на Соборе 861 года в пользу патриршества Фотия. И потом, на тот момент именно личность Фотия наилучшим образом отвечала потребностям церковной жизни, наполненной духовным и политическим противостоянием с папством. Это трудно объяснить как-то иначе, нежели характерным для византийских правителей проявлением слепого восточного деспотизма. Теперь Игнатий с Фотием поменялись ролями: десятилетие преследований Игнатия сменилось десятилетием изгнания Фотия — не менее жестокого и унижительного, чем выпало на долю его коллеги по первосвятительскому служению и постигнутому обоим несчастью. В 869—870 годах в Константинополе состоялся Собор, в котором участвовали папские легаты; и Римская церковь даже считает его VIII Вселенским Собором, хотя и здесь не обошлось без противостояния Рима и Константинополя. Согласия римские легаты и игнатиане достигли лишь в том, что патриарх Фотий был объявлен не только низложенным, но и отлученным от Церкви. В вопросе же юрисдикции Римского престола единого мнения достигнуто не было: Византия продолжала не признавать верховенство Рима. Кроме этого, не в пользу апостольской кафедры был решен и вопрос о юрисдикции Болгарской Церкви: Собор принял обращение болгарского князя с просьбой принять Болгарскую Церковь в юрисдикцию Константинопольского патриархата, причем уделив ей довольно высокое 16-место из 60-ти, что говорит о признании собором автономии Болгарской Церкви. В 70-х годах раскол византийского клира на две партии усугубился: причем в оппозиции к Игнатию было большинство священства, полюбившего святителя Фотия за годы его правления и твердо следовавшему ему равно на пьедестале и в опале. Заточенный в монастырь, Фотий был лишен всего, что составляло все глубинное существо его бытия: общения с близкими и книгами; большей муки придумать для него было невозможно. Критичность создавшегося положения не могла не беспокоить императора Василия, и в 873 году он возвращает Фотия из ссылки и приближает ко двору. Здесь произошло примирение двух святых иерархов, после чего они в согласии трудились на благо Церкви вплоть до кончины Игнатия в 877 году. В связи со смертью Игнатия Фотий вернулся на патриаршую кафедру. Вернулся, чтобы по прошествии еще одного десятилетия быть снова низвергнутым и снова заточенным в монастырь. Но если первый раз его низложение хоть как-то оправдывалось стремлением к восстановлению достоинства опального Игнатия, то во втором случае он стал жертвой исключительного самодурства императорской власти. Ликвидации конфликта между фотианами и игнатианами способствовал и римский папа Иоанн VIII, пришедший в 872 году на смену Адриану II. К концу 70-х годов, после возвращения Фотия наметилось потепление в отношениях Рима и Константинополя, окончательно закрепленное на Великом Соборе святой Софии 879—880 годов. Здесь собралось 383 епископа, чего не было со времени Халкидонского Собора. Этот Великий Собор до XII века на Западе причислялся к Вселенским. Папский престол в лице своих легатов, присланных на Собор, объявил об исключении Собора 869—870 гг., где был осужден святитель Фотий, исключенным из числа Вселенских Соборов. Теперь папа Иоанн VIII высказывал самые братские чувства к Константинопольскому патриарху, призывал к миру и единству. Свято-Софийский Собор, внося ясность с религиозно-политическими спорами Востока и Запада, постановил, что Римский папа и Константинопольский патриарх имеют равные юрисдикционные права в своих сферах влияния. Никео-Цареградский Символ веры провозглашен навечно неизменяемым (таким образом было осуждено *filioque*). Итак, святитель Фотий завершил свой подвиг патриаршего служения в полном согласии как внутри Константинопольской Церкви — со смертью патриарха Игнатия конфликт фотиан и игнатиан изжил сам себя, — так с Римской Церковью. Взаимоотношения с государственной властью в

этот период также были гармоничны. Патриарх Фотий принимал активное участие в законотворческой деятельности Василия I, сопоставимой по своим размахам только с эпохой Юстиниана. В частности, он внес огромный вклад в создание знаменитой «Эпанагоги» (в греч. — «введение», подразумевалось введение в свод законов) в части, касаемой Церкви. В «Эпанагоге» была представлена новая модель теории симфонии властей, рожденной юстиниановским законодательством. Император и патриарх изображаются в качестве двух глав вселенной, сотрудничающих на благо человечества.

§ 26. Императоры [Лев VI](#) Мудрый, Философ (886—912) и Константин VII Багрянородный (945—959). Патриархи Николай Мистик (901—907; 912—925) и Евфимий (906—911)

В 886 году император Василий Македонянин трагически погиб на охоте, и на престол взошел его сын [Лев VI](#) Мудрый, Философ (886—912 гг.). Будучи учеником святителя Фотия, Лев полностью оправдывал свое прозвище — он был одним из самых просвещенных монархов, проявившем себя равно как законотворчестве, богословии, гимнографии и светской поэзии. Отметая все, что было связано с отцом, он не мог мириться и с тем, что патриаршу кафедру занимает его учитель и сподвижник Василия Фотий. Новый император пожелал видеть рядом собой в качестве патриарха своего 16-летнего брата Стефана. И вот, благодаря этому безумному царскому капризу, был отправлен в отставку один из блистательных патриархов всей византийской эпохи, ученейший муж и талантливый пастырь Фотий. Стефан же, слабый и болезненный от природы, протянул всего до 22 лет от роду и в 892 году скончался на шестом году своего странного патриаршества. Удивительно непримиримое и горделивое упорство Льва VI стало причиной глубокого конфликта его с Церковью и в отношении его собственной биографии. Следуя негативному примеру царя Давида, убившего обманом мужа своей возлюбленной, Лев Мудрый, при живой своей супруге Феофании, увлекся женой своего чиновника, Зоей, уничтожил ее мужа и после смерти Феофании в 898 году женился на Зое. Однако и она не порадовала императора ни долгими годами семейного счастья, ни произведенными наследниками. После ее смерти в 900 году Лев вступает в третий брак с Евдокией, и снова ему не везет: в 901 году она умирает во время родов. В том же 901 году патриаршу кафедру занял Николай Мистик (901—907; 912—925 гг.), прозванный так потому, что до этого занимал пост имперского тайного секретаря. Он был соучеником императора Льва у святителя Фотия. Лев Мудрый снова продолжает поиски второй половины. На этот раз ею становится еще одна Зоя, которая в конце 905 года наконец-то рождает ему наследника будущего императора Константина Порфирогенита. Правда, ребенок был рожден вне брака, так как до рождения сына, наследника Лев не решался нарушить изданные им самим законы, категорически запрещающие четвертый брак. И при том, что в те времена четвертый брак был чудовищным нарушением не только церковных, но светских законов, утвержденных самим Львом Мудрым, император требует от Церкви узаконения его очередного выбора. Отчаясь изменить в свою пользу непреклонную позицию патриарха Николая, Лев нашел некоего священника Фому, который в 906 году согласился повенчать четвертый брак самодержца. Но и после этого патриарх Николай не переставал совершать тщетные попытки вразумить императора, неоднократно слезно припадая к его ногам. Наконец, видя упорство венценосного правителя, он решился на крайнюю меру: отлучил его от Церкви. Тогда Лев обратился за благословением своего брака к Римскому папе и добился его согласия. Николай же, продолжавший свой непримиримый курс на отлучение императора от церковного общения, был им варварски отстранен от занимаемого поста и сослан в заточение, где ему пришлось находиться в самых унижительных условиях; лишь перед самой своей смертью император Лев Мудрый вернул из ссылки патриарха-изгнанника. На место низвергнутого с кафедры патриарха Николая Мистика императором Львом Мудрым был возведен Евфимий (907—911 гг.), который, в отличие от своего непримиримого предшественника, охотно признал законным четвертый брак императора. После этого все византийское духовенство разделилось в соответствии с поддержкой воззрений или Николая, или Евфимия, в результате чего возникли две церковные

партии: николаитов (зилотов, ревнителей старого православия) и евфимитов (политиков). При жизни императора Льва Мудрого николаиты терпели изгнание, а после его смерти в 912 г. брат Льва Мудрого, Александр (912—913 гг.), придя к власти, возвратил николаитов и предоставил им занять свои кафедры. Патриарха Евфимия подвергли поруганию и заключили в монастырь, а на патриаршество вновь возвели Николая Мистика. Евфимиты продолжили враждовать против николаитов, хотя вопрос о четвертом браке и потерял свое значение. В 912 году император Александр созвал в Константинополе собор, на котором Евфимий был осужден, а император оправил письмо Римскому папе Анастасию с обвинением папы Сергия III во вмешательстве в дела другого патриарха и потворство четвертому браку его брата Льва. С этого момента мирные отношения Востока и Запада, установленные на Великом Свято-Софийском Соборе 879 года, были вновь нарушены, теперь уже навсегда. После скоропостижной смерти Александра при семилетнем наследнике Константине в 913 году был сформирован регентский совет во главе с патриархом Николаем. Однако опрометчивые внешнеполитические действия в ходе Греко-болгарской войны обещали ему падение как политику; в результате переворота к власти пришла вдова императора Льва Мудрого Зоя (913—919 гг.). Постепенно рычаги управления перешли в руки адмирала Романа Лакапина (919—944 гг.), женившего 14-летнего Константина на своей дочери и ставшего вторым императором. На фоне всех этих политических неурядиц, в отсутствие полноправного законного императора и Церковь была раздираема соперничеством двух партий — евфимитов и николаитов. Партию евфимитов поддерживала императрица Зоя, вдова Льва Мудрого. Она не могла примириться с патриархом Николаем, осудившим ее брак со Львом, но и вредить церковным делам тоже не могла, пока сам Николай считался регентом ее малолетнего сына, императора Константина Порфирогенита. После удаления патриарха от регентства евфимиты стали сильнее и решительнее. Раздор между спорящими клириками принял, к соблазну верующих, самые грубые формы, вплоть до взаимных оскорблений и даже побоев. Патриарх Николай глубоко страдал из-за сложившегося положения и прилагал все усилия для церковного умиротворения. К чести патриарха Николая нужно заметить, что он не только сам никогда не прибегал к жестоким мерам, но и убеждал верных ему епископов терпеливо переносить оскорбления. Из числа его противников были лишены своих кафедр лишь сам Евфимий и трое-четверо наиболее приверженных ему митрополитов. Остальные епископы, в надежде на их будущее исправление, были оставлены на своих местах. Правда, после смерти Евфимия в 917 году раскол начал сам себя изживать. Но для умиротворения Церкви нужна была действенная мера сверху. Ей стал Константинопольский собор 920 года. На этом соборе был принят документ, который назывался «Томос соединения», в котором решительно возбранялся четвертый брак и введены некоторые ограничения, относящиеся к третьему и даже второму браку, более соответствующие достоинству христианской жизни. Об императоре Льве Мудром, четвертый брак которого дал повод к церковным беспорядкам, ничего не было упомянуто. Это обстоятельство смягчило сердца евфимитов, и на соборе большинство отступников соединилось с Церковью, причем без всяких притеснений виновных. Тех немногих епископов и священников, которые продолжали упорствовать в своем отступлении от Церкви, патриарх Николай продолжал увещевать. Для усиления воздействия, он побудил римскую церковь, утвердившую ранее четвертый брак императора Льва и спровоцировавшую тем самым церковные смуты, — согласиться с запрещением четвертого брака, принятым в Константинополе. Римская церковь прислала в Константинополь двух легатов, и они вместе с Николаем предали проклятию соблазн, причиненный четвертым браком. Тем самым распоряжения Николая приобрели общую церковную значимость, которая благотворно подействовала на упорных евфимитов. К концу патриаршества Николая раздоры между николаитами и евфимитами значительно поутихли, но их отголоски были заметны в церковной

истории почти до конца X века. После смерти в 925 году Николая Мистика император Роман Лакопин назначил патриархом своего 16-летнего сына Феофилакта (925—956 гг.), рукоположенный в 933 году паскими легатами. На протяжении всех 30 лет своего крайне унизительного для Церкви патриаршества он больше интересовался светскими развлечениями, нежели исполнением своих патриарших обязанностей. В годы правления императоров Льва Мудрого и Романа Лакопина состоялись очередные контакты Византии и Руси: после нападения руссов на Константинополь в 907 году был заключен договор 911 года, а по результатам похода 943 года князя Игоря Старого в 944 году был заключен очередной договор. В 944 году в Византии произошел очередной государственный переворот — сыновья Романа Лакопина свергли своего отца. Однако победила партия сторонников Константина (945—959 гг.), достигшего к тому времени уже почти 40-летнего возраста. Мятежные сыновья Лакопина вслед за своим отцом были отправлены в ссылку. Константин, как и его отец, был ученым энциклопедического склада, хотя гораздо более мягкохарактерный. Правителем он был довольно посредственным, зато написал много поучительных книг в области государственного управления. Это было воистину воплощение типа ученого и писателя на троне. В царствование Константина в 957 году в столицу империи прибыла с визитом вдова великого Киевского князя Игоря — святая равноапостольная Ольга. По-видимому, там же она и приняла крещение с именем Елены, супруги императора.

§ 27. Расцвет Византийской империи при императорах Никифоре Фоке (962—969),

Иоанне Цимисхий (969—976) и Василии II (976—1025)

После смерти в 959 году Константина VII Багрянородного Византийская империя вступила в эру своего зенита, наивысшего могущества. Императором стал его сын Роман II Лакопин (959—963 гг.), внук Романа I. В 956 году он женился на простолюдинке Анастасии, ставшей императрицей Феофанией. После смерти своего молодого царственного супруга она стала регентше при двух малолетних сыновьях Василии II и Константине VIII и вскоре вышла замуж за известного и знатного генерала Никифора Фоку (963—969 гг.). Параллельно с этим императором его провозгласила и армейская среда. В царствование Никифора Фоки начинается расцвет святой Афонской горы. Никифор был энергичным законодателем. В частности, в 964 году он издал Новеллу, ограничивающую рост монастырских и церковных земель, продиктованную, с одной стороны, государственными интересами непрестанных военных действий, а с другой — пониманием монашества как молитвенного делания, а не экономического предприятия. Активной была и внешняя политика: ведя войны с исламом, император постоянно был проникнут сознанием того, что он защищает не только государство, но и христианскую веру. Поэтому он предложил даже всех воинов, павших в сражениях с неверными, почитать как святых. При Никифоре была отвоевана Антиохия — центр древней патриархии, весь малоазийский полуостров принадлежал теперь византийцам. В 969 году в результате заговора против Никифора Фоки, во главе которого стояла императрица Феофания и ее новый избранник — талантливый полководец и друг Никифора — армянин Иоанн Цимисхий (968—976 гг.), император был зверски убит. В ответ на это патриарх Полиевкт отлучил всех убийц императора от Церкви, вынудил Иоанна Цимисхия сослать Феофанию в монастырь и еще вдобавок потребовал отменить закон Никифора Фоки об ограничении роста монастырских и церковных земель. Эти условия, получившие наименование «византийского схождения в коноссо», свидетельствовали об огромном влиянии в данный период Церкви на светскую власть. Время расцвета Византийской державы во второй половине X столетия на практике воплощало принцип симфонии двух властей. Классическими стали слова Иоанна Цимисхия: «Я признаю две власти в этой жизни: священство и царство. Создатель мира вручил первой заботу о душах и последней — заботу о телах; если ни одна из них не ущемлена, мир находится в безопасности». Новый правитель империи женился на дочери Константина Багрянородного Феодоре, тетке венценосных наследников Василия и Константина. Цимисхий сочетал в себе качества блестящего военачальника и талантливого государственного деятеля. Он с успехом решил балканскую проблему: отвечая на притязания киевского князя Святослава, завоевавшему часть Болгарии, — ни больше, ни меньше — на Константинополь и все византийские земли в Европе, Иоанн Цимисхий в 971 году взял болгарскую столицу Великий Преслав и чуть позже вынудил Святослава подписать унижительный договор, по которому тот обязывался не только убраться с Балкан и никогда не нападать на Византию, но и помогать ей защищаться от своих врагов. Император нормализовал также отношения с Западной империей, выдав замуж за Оттона II одну из своих родственниц. Небывалых размеров достигли в его правление завоевания на Востоке — в Северной Месопотамии, Сирии, Ливане, Палестине, Галилее и т.д. Расширение византийской территории продолжилось бы и далее, если бы не внезапная кончина Иоанна Цимисхия в 976 году. Императорский трон ему наследовал представитель законной Македонской династии, внук Константина VII Багрянородного Василий II (976—1025 гг.) Болгаробойца. В первое десятилетие его правления Византию сотрясали гражданские войны; беспокойными были отношения с болгарами, создавшими в это время мощную империю. В 987 году подняли мятеж генералы Варда Склиз и Варда Фока, контролировавшие практически все

вооруженные силы страны. Молодому императору срочно нужна была внешняя помощь, и он нашел ее в лице киевского князя Владимира, который вторгся в византийские земли с шеститысячным отрядом и наголову разгромил повстанцев. В награду за эту услугу Владимиру была обещана в жены царевна Анна при условии принятия им и его народом христианской веры. Это было беспрецедентное решение: до этого момента еще не один правитель мира не был удостоен чести получить в жены порфирородную принцессу. Правда, когда опасность миновала, греки решили дать «задний ход» и взять свои обещания назад, но Владимир военной силой принудил их свое слово сдержать; при этом он выполнил и свое обещание. Эти события 988 года вошли в историю как крещение Руси. Тем самым юрисдикция Константинопольского патриархата была расширена до необозримых пределов. Большую часть времени своего правления Василий II проводил на театре военных действий, главным образом на Балканах. Продолжалась упорная борьба с Болгарией, и лишь после полутора десятков лет постоянного напряжения сил императору удалось сокрушить могущественного болгарского правителя Самуила. В 1014 году в одном из сражений его армия была нагло разбита, а пленные ослеплены, после чего Василий получил прозвище Болгаробойца, а Болгария вновь была включена в состав империи. После кончины в 1025 году императора Василия II, не оставившего наследников, власть в империи на протяжении почти двух десятков лет доставалась неудавшимся мужьям сестры Василия Зои, последним из которых был старый пьяница и развратник Константин IX Мономах (1042—1054 гг.). Византия в это время переживала время небывалого культурного подъема и с полным правом считалась единственным по-настоящему цивилизованным государством мира. Одним из крупнейших философов, богословов, литераторов и историков того времени был знаменитый Михаил Пселл (1018—1096 гг.), а виднейшим представителем господствующей «монашеской партии», составляющей около 10 % населения, был преподобный Симеон Новый Богослов (949—1022 гг.). Он проявил себя ранним образом как в восхитительной гимнографии, так и в возвышенном богословии, за что снискал наряду с апостолом Иоанном и святителем Григорием редчайший в Церкви титул Богослова.

§ 28. Христианская жизнь в Западной Церкви в IX-XI веках

Христианская жизнь в Западной Церкви в IX-XI веках представляла собой безотрадное явление. Новые народы Запада, едва вышедшие из состояния дикости, приняв христианство, исполняли его небрежно, формально-обрядово, да и то непостоянно, сохраняя при этом свои языческие понятия о нравственности и обычаях и придавая языческий смысл православным обрядам. Нравственная порча коснулась и западного монашества. Монастыри, во главе со своими аббатствами, подобно епископам, ставшие в вассальные отношения к королям и князьям, приобрели большие имения, а через них и богатства. Обобщение имущества прекратилось, монахи начали вести жизнь роскошную и распущенную. Об умственном и физическом труде не было и речи. Вследствие такого извращения монастырской жизни явились попытки восстановить древний устав Бенедикта Нурсийского и преобразовать монашество в соответствии с этим уставом. Наиболее удачной была попытка аббата Бернона, прежде бургундского графа. В 910 г. он основал монастырь в Клюньи, в Бургундии, в котором ввел устав Бенедикта. Его преемник Одон (ум. 942 г.) распространил клюнийские порядки в других монастырях, так что составила новая конгрегация монастырей под управлением клюнийского аббата. Монахи этой конгрегации с успехом занимались воспитанием детей и приобрели большое влияние на общество. В начале XI в. были даже попытки восстановить древнее восточное отшельничество. Некто Ромуальд, из рода герцогов равеннских, и собравшиеся вокруг него другие ревнители благочестия стали вести пустынножизнь на Аппенинах, основав монашеское общество, известное под названием Камальдольского ордена, отличавшегося строгостью монашеской жизни.

§ 29. Причины и предпосылки разделения церквей

Выдающееся по своему драматизму событие, произошедшее в жизни Христианской Церкви в середине XI столетия, определило судьбу мирового христианства на все последующее тысячелетие. Один из крупнейших русских церковных историков начала прошлого века, М.Э. Поснов считал правильным называть это событие великим церковным расколом. Главное основание для этого он видел в том, что и Восточная и Западная Церковь признают друг друга апостольски-преемственными и владеющими благодатными средствами спасения. Этот чрезвычайно сложный исторический факт разветвляется своими корнями не только в христианской почве, но выходит за её границы, проникая в классический мир. Разделение Вселенской Церкви на Восточную и Западную произошло не в одночасье. Его причины уходят корнями как минимум на 6—7 столетий. Наиболее ясно и просто, в общем, формулированы «причины» разделения Церквей у профессора Скабаллановича; таковых по нему три — этнографическая, государственно-политическая и религиозная. Этнографическая причина — это различие в гении, характере грека и римлянина, исторически проявившаяся бесспорно и признаваемая всеми. Государственно-политическая причина — это перенесение столицы в Константинополь, при чем явились новые роды, даже целые народы, заинтересованные в существовании новой столицы на берегах Босфора и враждовавшие с Римом, как соперником. Религиозные причины заключались в различии между Восточной и Западной Церквями, в некоторых религиозных верованиях, в канонических действиях, обрядах и обычаях. Между ними первое место должно быть предоставлено предметам догматическим. Из таковых имеется различие в учении об исхождении Святого Духа: по восточному — только от Отца, а по западному — от Отца и Сына (*Filioque*). Доктор А. Пихлер в своем двухтомном труде доказывает, что главной причиной великого Церковного раскола было образование франкской империи, как наследницы Римской, а потом ненормальное отношение Церкви к государству на Востоке — сервиллизм со стороны правящего клира. Проф. А. Гарнак, не отрицая значение в деле разделения Церквей богословских споров, иерархического властолюбия и национальных резких особенностей, основную движущую причину данного явления указывает в различном ответе на вопрос об идеале жизни. В то же время, признавая громадное значение за фактом коронования папою Львом III — Карла Великого, можно понять тех, кто видит причину великого Церковного раскола, в конце концов, в области каноническо-административной организации Церкви, именно, в борьбе за власть между папой Римским и патриархом Константинопольским. И здесь Константинопольский патриарх представляется более виновным, чем Римский папа. Поняв, что папы, со времени коронования Карла Великого в Римские императоры, навсегда сделались одиозными, политически преступными в глазах Византийских царей и отделение их вместе с тем и от Восточной Церкви считалось как бы уже совершившимся фактом, Константинопольский патриарх построил на этом всю свою программу фантастического возвышения. Первым пунктом в этой программе было освобождение от всякой канонической зависимости от Римского папы. Это то стремление, которое очень точно выражают, прилагая Константинопольскому патриарху эпитет «Восточный папа». Вторую и последнюю задачу, составляло не только уравнивание патриаршей власти с царской, но и возвышение над ней. Когда оказалось невозможным добиться от папы независимости, ни путем дипломатическим, ни деньгами или богатыми подарками, ни яростной полемикой, или жестокой войной, то Константинопольские патриархи предпочли совсем порвать с папою, как бы разделить неделимую, единую Церковь, но быть благодаря этому независимыми от папы, чем оставаться в общении с папами, но неизбежно чувствовать свою

каноническую зависимость от них. Собственно религиозных причин две: 1. Учение, оформленное в догмат о главенстве и власти папы над Церковью. 2. Учение об исхождении Святого Духа и от Сына (*filioque*). Каноническое нововведение, сделавшее папу главою и верховным судьей всей Вселенской Церкви, учение о главенстве папы, поставившее его выше Вселенских соборов, ниспровергало все церковные порядки, установленные апостолами и отцами, предоставляя возможность искажения всего христианского вероучения, преподанного Господом Иисусом Христом и апостолами, в результате вероятных человеческих заблуждений папы. Учение об исхождении Святого Духа и от Сына (*filioque*) утвердилось в VI-XI веках сначала в Испании, а потом и во всех западных церквях; Вселенской Церковью оно всегда признавалось ересью. Затем, западная церковь допустила много обрядовых изменений: пост в субботу, совершение Евхаристии на опресноках, безбрачие духовенства и т.п. Причины культурно-исторические следующие: Римская империя в до-христианский и христианский периоды резко разделялась на две половины: восточную и западную. Это обуславливалось разнородностью населения: в первой половине преобладало население греческое, во второй — латинское или олатинившееся, каждое со своим особым характером и направлением жизни и деятельности. Соответственно были свои особенности и в христианских церквях восточных и западных. Наиболее выдающейся особенностью было различие в направлении церковного просвещения. Восточные церкви, допуская участие разума в делах веры, занимались богословскими науками, исследовали вероучительные догматы. По словам Б. Мелиоранского, народы эллинского мира «поняли христианство преимущественно как богооткровенную метафизику и этику, как свыше указанный путь к нравственному совершенству и спасению личности и к познанию сущности Божией». Этим объясняется полнота пытливой богословской жизни Востока, которая равно изливала себя в глубинах Богопознания и в еретических отклонениях от него, сотрясая и обессиливая восточный церковный организм. Западные же церкви, отрицая участие разума в деле веры, чуждались подобных научных исследований, но обращали большое внимание на внешнюю сторону христианства: обряды, дисциплину, управление, отношение Церкви к государству и обществу и т.п. То, что выдающийся русский историк Церкви конца XIX столетия В.В. Болотов назвал «воздействием романского на христианское», выразило себя в терпеливом и методичном созидании церковного здания, ибо римляне, «как самый государственный народ в мире, как создатели образцового права они поняли христианство как богооткровенную программу общественного устройства... Где Восток видел философскую и моральную идею, там Запад создавал институт...». Интересы и стремления в восточной и западной церкви тоже были различны. Восточная церковь боролась с ересями, возникавшими при разрешении догматических вопросов, и стремилась установить православное вероучение на прочных началах. Западная церковь богословскими вопросами не интересовалась; ее стремлением было сохранение церковных порядков и своей независимости от светской власти, а также усиление своего влияния на общество и государство. Но эти различия не отчуждали восточную церковь от западной до тех пор, пока их связывало единство веры, таинств и церковного устройства. К несчастью всего христианского мира, западная церковь нарушила это единство и отпала от союза с восточной церковью. Таким образом, своим постепенным отклонением от принятых установлений Вселенской церкви западная церковь подготовила свое отпадение от союза с церковью восточной. Что касается первой религиозной причины — учения о власти папы над Церковью — она также имеет под собой культурно-историческую подоплеку. Именно Рим воспитал у своих граждан чувство превосходства над всеми, которое ярко выражается в известных изречениях неопределенной древности: «*Roma locuta — res decisa (causa finita), urbs Roma caput mundi regit orbis frena rotundi*». *Civis romanus* — звучало очень гордо и вызывало к себе почтительное отношение (вспомним историю

пленения апостола Павла). Обаяние Римом не только сохранилось у древних народов, принявших христианство, но перешло к варварским народам, поселившимся на развалинах Римской империи. И не удивительно. Римское единое государство, римская культура — это не были пустые, праздные слова, но понятия с исключительно ценным содержанием. Осененный и обвеянный славой старого Рима и епископ Римский, считавший себя призванным заботиться «о мире всего мира и благосостоянии святых Божиих Церквей», издавна занял выдающееся положение в Христианской Церкви. Еще в конце I века в лице Климента римская община желает подавить иерархические волнения и нестроения в Коринфской Церкви и водворить в ней мир. Папа Виктор I добивается у императора Коммода освобождения христиан, работавших в качестве рабов в мучительных условиях в рудниках Сардинии. Папа Дионисий был встревожен жалобами на мнимое неправославие архиепископа Дионисия Александрийского. Чрез Римский Собор и свое частное письмо к нему, он тактично старается наставить его на истинный путь. Вот немногие факты из влиятельной деятельности Римского епископа в течение первых трех веков. Но что подобных фактов могло быть и в десятки раз более, это доказывается отношением к Римской общине со стороны других Церквей и отдельных иерархов за данное и последующее время. Еще в начале II века, св. Игнатий называет Римскую Церковь «председательствующей в Римской стране» и «предстоящей в любви,» которой он поручает свою Сирскую Церковь, осиротевшую за его похищением из её среды. Дионисий Коринфский благодарит Римскую Церковь за её древний обычай — оказывать всем братьям различные благодеяния и посылать вспомоществование многим Церквам. В деле хранения истинного учения, Римская Церковь пользовалась непререкаемым авторитетом. Сюда спешат, отвергнутые своими Восточными Церквами, гностики, чтобы найти оправдание своих мнений и поддержку своей деятельности в общении с Римской Церковью. Сюда же направляются с Востока и представители истины церковной, чтобы поразить врагов там, где они ищут опоры, и проповедовать христианское учение в центре тогдашнего мира. В полном согласии с указанными фактами, св. Ириней объявляет Римскую Церковь центром, масштабом истины христианской. С IV по IX века, во время Вселенских Соборов, хотя трудность продолжительной борьбы с еретиками понес и силу догматической мысли обнаружил Восток, однако и Запад ничего не потерял в своем значении; наоборот, папа в это время много выиграл и среди варварских народов и на христианском Востоке. Завоевывая древний мир, варварские народы были сами духовно побеждены им — именно, его идеями единства под господством Рима и универсализма христианства, представляемого папою. Глубоким и символическим фактом последнего всегда остается отступление от Рима диких полчищ Аттилы по просьбе папы Льва I. Не принимая постоянного живого участия в догматической борьбе и работе Востока, папа, тем не менее, напряженно следил за нею и никогда не упускал случая высказать вовремя ясных определенных мыслей, которые иногда разрастались до целых трактатов, ни подсказать удачных выражений, оборотов речи, которые могли разбивать фокусы еретической системы. Папы почти всегда удачно становились на сторону ортодоксально мыслящих, входили в их печальное положение и оказывали им деятельное содействие. Начало разногласий прежде всего на Востоке, а затем в отношениях между Востоком и Западом, было положено учреждением Константинопольской архиепископии, а потом и возвышением её, как столичной. Начиная с Константинопольского Собора 381 г. Царьградский архиепископ и канонически и фактически был первым епископом на Востоке. Права его были закреплены 28 канонами Халкидонского Собора. Не довольствуясь этим, Константинопольский архиепископ, мало-помалу, вступил в соперничество даже с Римом. Несмотря на очень определенно выраженный канон, указывавший Константинопольскому архиепископу место после Римского Папы: тем не менее, появились попытки перетолковать слово «после» римского — в смысле хронологическом, а не разрядном.

Попытки были, очевидно, многочисленны и настойчивы. Константинопольский архиепископ, опираясь на Византийского императора, не хотел признавать канонического первенства Римского папы. Отсюда понятно, почему Римский папа Лев I чрезвычайно неохотно согласился, по просьбе императора Маркиана, на Собор в Халкидоне: он понимал настроение тогдашнего архиепископа Константинопольского Анатолия. Предчувствия его не обманули. Появился 28 канон. Однако, и по этому канону, архиепископ Константинопольский «второй по нем», т.е. после папы Римского. То же говорит и 36 правило Трулльского Собора и 132 новелла Юстиниана I. Начавшееся с IV века, с перенесением столицы на Восток, воздействие (реакция) латинского просвещения на эллинистическое образование, привело еще в V веке к взаимному национальному обособлению христианского Востока и Запада. Сперва недовольство между римлянином и эллинистом выразилось в том, что первый не хотел знать греческого языка, второй — латинского. Знание римлянином греческого языка стало редкостью. «Разделение языков» повело к взаимному непониманию в мыслях, идеях и духовному своеобразию в дальнейшем развитии. По словам Григория Богослова, восточные стали считать западных «иноземцами.» В указанной борьбе восточные, как это обычно бывает с полемистами, зашли значительно дальше тех границ, которые нужно было защищать, они уклонились от эллинистической культуры и создали византийскую. Хотя Византия не опиралась, как Рим, на определенную нацию, — ибо эллинизм есть понятие духовно-культурное, а не национальное; однако на Востоке были не только выдающиеся роды, но и целые нации, в интересах которых было закрепить дело Константина Великого и не позволить возвратить столицу в Рим. Усиленная деятельность в этом направлении отразилась и на идеологии, и на эллинистической культуре, создав на её место византийскую, как духовную вязь и единство между гражданами восточной половины империи. Византизм воспринял в себя и претворил все известные ему культуры; он сохранил все виды искусства, науки, права, но лишь придал всему этому своеобразную окраску. Отличительная черта византийской культуры — это глубокая религиозность, даже с отпечатком аскетизма. Напуганные бурным развитием богословско-философской мысли в IV-V веке, повлекшей за собой смуту не только в церковной, но и в государственной жизни, византийцы создали богословие, характеризующееся традиционализмом и консерватизмом. Вооружаясь против либерализма, даже широкого философствования в богословии, стремились, так сказать, к воцерковлению научного богословия. Внешним выражением такого стремления явилось отвержение оригенизма и установление V Вселенским Собором определенного круга «избранных отцов.» Вместо Оригена выступают теперь Агеорagitica, давшие византийскому обществу то, чего ему недоставало — философию, которая заменила «нецерковный гносис Оригена» и удовлетворяла мистическим запросам византийцев. Богословская мысль, особенно в после-юстиниановской эпохе, заметно мельчает, чуждается созидательной работы и постепенно замирает в слепом повторении готовых фраз и положений. Христологический вопрос, усердие к разработке которого не иссякло в VI-VII в., постепенно уже выходит из фазы своего глубоко-жизненного сотериологического освещения и переходит в фазу тонкой, но сухой диалектической работы. Боязнь самостоятельной и свободной мысли, страх пред новшествами и забота о неприкосновенном сохранении прежнего богословского наследия, ярко выраженная в постановлениях Трулльского Собора (пр. 1—2; ср. 19), давали себя знать отчасти и ранее; еще после Халкидонского Собора идея Вселенского Собора сделалась практически неприемлемой, нежелательной. II. Римские папы никогда не были в дружбе с императорами Византийскими, ибо их взгляд об отношении Церкви к государству был всегда далек не только от подчинения василевсам, но и от «союза» с ними. Исторические обстоятельства показали, что папам не было смысла держаться того государства, императоры которого угрожали чистоте веры и принуждали Церковь повиноваться своей воле, если, тем

более, они не были в состоянии защитить Рим от вторгавшихся варваров. В столетие споров из-за икон и давления лангобардов, папство разорвало связь с Византийским государством и избрало себе в помощь германского короля Запада, объединив свои интересы с франкской династией, главу которой, в лице Карла Великого оно возвело на трон римских императоров. На это событие мало обращают внимания; но фактическое значение его в деле канонического примата пап на Востоке, в смысле почти полного упадка его, — огромно. Глубокое недовольство Византийских императоров Римскими папами, повидимому, особенным образом соответствовало настроению Константино-польского архиепископа. Царьградский патриарх, как духовный сановник, собственно был «без роду, без племени.» Он обязан своим возвышением только столичному граду, а не апостольской кафедре. Правда, будто бы еще с VI-го века принято было ссылаться на апостола Андрея, как основателя Византийской Церкви. Однако на чем оно основано и кто верил такому преданию! Тем не менее Константинопольский патриарх считал себя в праве подчинить своей власти древние, несомненно апостольского происхождения, патриаршие кафедры — Александрийскую, Антиохийскую и Иерусалимскую. Это подчинение фактически началось с VII-го века, а в конце IX-го века оно нашло себе выражение в законодательном памятнике, т.е. Епаналоге. Там, между прочим, написано: «Престол Константинопольский украшающий столицу, признан первым в Соборных постановлениях, последуя которым Божественные законы повелевают, чтобы возникающие при других кафедрах несогласия доводились до сведения и поступали на суд этого престола. Каждому патриарху принадлежит забота и попечение о всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквах, а равно, суд, рассмотрение и решение дел; но предстоятелю Константинополя предоставлено на пределах других кафедр, где не последовало еще освящение храма, дать ставропигию; и не это лишь, но и рассматривать и исправлять возникающие при других кафедрах несогласия.» Это обстоятельство — властвование Константинопольского патриарха над восточными древними патриархатами — значительно позже, около половины XI-го века, подчеркивает папа [Лев IX](#) в своем письме к Антиохийскому патриарху Петру, убеждая его, что Антиохийская кафедра занимает третье место после Римской (и Александрийской) и должна «всемерно защищать» его, а затем на то же указывает в своем письме патриарху Михаилу Керулларию. Последнему папа пишет: «Ты усиливаешься лишить патриархов Александрийского и Антиохийского древнейших преимуществ и, вопреки всякому приличию и закону, подчинить их своей власти.» Считая почему-то строго каноническим и вполне отвечающим идее соборного управления Церковью — подчинение ему восточных патриарших кафедр, — Константинопольский патриарх, наоборот, свое каноническое подчинение Римскому предстоятелю, согласно всем соборным постановлениям, отводившим ему второе место, лишь после Римского, рассматривал прямо противозаконным и ни с чем несообразным и провозглашал себя будто бы вполне самостоятельным. Впрочем, так представлял дело Константинопольский патриарх лишь людям, националистически настроенным, или профанам, не понимавшим смысла церковного канонического управления. Однако, есть некоторые основания думать, что сам-то Константинопольский патриарх и Византийский царь сознавали каноническое соотношение Константинопольской Церкви с Римской. В доказательство этой мысли можно привести два факта из позднейшей истории — один из 30-ых годов X века, а другой из первой четверти XI столетия. По сбивчивому рассказу западного посла епископа Люитпранда Кремонского, император Византийский Роман I (920—944 г.) добивался у владетельного римского сенатора Альбрехта за известное финансовое вознаграждение, чтобы папа отказался на все будущие времена от права папства давать патриарху Константинопольскому *pallium*. Очевидно, мы здесь имеем дело с простым заблуждением писателя, ибо папа никогда не пользовался правом давать палий греческими патриархам, или

хотя бы утверждать их. Но зерно истины здесь в том, что император Роман признавал примат за Римским папой и при удобном случае хотел купить для своего сына, юного патриарха Феофилакта, полную независимость от папы. Этот случай вполне проясняется и восполняется таким фактом церковной жизни в царствование императора Василия П. Рудольф Глабр, Ключинский монах, рассказывает: «Около 1024 г., Константинопольский предстоятель Евстафий (1019—1025 г.) со своим царем Василием и некоторые другие греки составили совет о том, как бы получить согласие Римского первосвященника на то, чтобы Константинопольская Церковь в своем пределе (*in suo orbe*), как Римская во вселенной (*in universo*), была и называлась Вселенской. Они тотчас отправили послов, которые понесли в Рим много различных даров, как к Римскому первосвященнику, так и к другим лицам, которые могли со своей стороны оказать содействие». Из письма, обращенного к папе, ясно, что в Константинополе хотели от Рима полного невмешательства папы в восточные дела: папа и на Западе и на Востоке признается единственным владыкою Западной Церкви; но пусть же он согласится признать Константинопольского патриарха в той же роли на Востоке (По выражению Брейе, здесь шла речь об «автономии.»). Современный данным событиям папа Иоанн XIX, непризнанный немецким королем Генрихом III и находившийся в тяжелых материальных условиях, готов был удовлетворить искательства патриарха и Византийского двора. Однако, общественное мнение не позволило ему сделать этого. Папа давно уже перестал быть *privata persona*, его имя принадлежало целому западному миру. В особенности наблюдала за папами, глазами Аргуса, Ключинская реформаторская партия. Едва деловые сношения папы с Византией стали известны в обществе, как во Франции и Италии преимущественно, приверженцы реформы подняли бурю. Многие или лично отправились в Рим, или обратились к папе письменно. Между ними самым значительным явлением, по выраженным мыслям, было письмо папе со стороны аббата Виллерма или Вильгельма. Известен еще один случай в этом роде. Последнюю попытку добиться у папы единовластительства и полной самостоятельности, или независимости от Римской Церкви на Востоке, повидимому сделал патриарх Михаил Керулларий. Письма в таком роде, от только что названного патриарха папе Льву IX не сохранились; но из ответного письма папы патриарху Михаилу Керулларию ясно следует, что подобное письмо было написано. Именно, в ответном письме папы читаем: «ты (т.е. патриарх Михаил) писал нам, что если Римская Церковь, чрез наше посредство, приняла твое имя, то наше имя, чрез твое посредство, было бы принято во всей вселенной — не чудовищно ли это, любезнейший брат?» Первый серьезный конфликт у архиепископа Константинопольского с папою произошел в последней четверти V века. Тогда возник первый раскол между Римской и Константинопольской Церковью, продолжавшийся 35 лет (482—519 гг.). Натянутые отношения между Римом и Константинополем были при Юстиниане и папе Вигилии и во время монофелитских споров и иконоборческих смут, когда отстаивая иконопочитание, и вследствие давления лангобардов папство разорвало связь с Византийским государством и избрало себе в помощь франкскую династию, главу которой, в лице Карла Великого оно возвело на трон римских императоров. Император Никифор (802—811 г.) запретил Византийской Церкви сношаться с Римскою, потому что, как сказано в письме патриарха Никифора (806—815 г.) к папе: «Вы (римляне) сами отделились от Церкви». В факте коронования папою Карла восточные правители увидели посягательство на их права как единственных правомочных ромейских владетелей — Римских кесарей. Поэтому и последующие Византийские императоры не могли ни забыть, ни простить папам указанного факта. Папы, пользуясь своим географически-политическим положением, держались независимо от Византийских императоров. Они не только, подобно восточным патриархам, не подчинялись императорским эдиктам по делам веры и Церкви, но открыто протестовали против них. Это стоило смерти папе Мартину I, а менее чем чрез 100 лет спустя,

папы поплатились за это целым Иллириком. Около 1024 г. Константинопольский предстоятель Евстафий (1019—1025 г.) со своим царем Василием и некоторые другие греки составили совет о том, как бы получить согласие Римского первосвященника на то, чтобы Константинопольская Церковь в своем пределе (*in suo orbe*), как Римская во вселенной (*in universo*), была и называлась Вселенской. Современный данным событиям папа Иоанн XIX, не признанный немецким королем Генрихом III и находившийся в тяжелых материальных условиях, готов был удовлетворить искательства патриарха и Византийского двора. Однако общественное мнение не позволило ему сделать этого.

§ 30. Великий церковный раскол

Трагическая драма, которая вскрыла уже существовавший в Церкви раскол и обусловила собой дальнейшие открытые неприязни в жизни восточных и западных христиан, состояла из двух актов и разыгрывалась, с значительными интермедиями, в течение двух столетий: с половины IX в. до половины XI в. Первый акт имел место в IX веке, главными действующими лицами были папа Николай I и патриарх Фотий; второй — в XI веке с главными его участниками — папой Львом IX и патриархом Михаилом Керулларием. Во второй половине IX века начавшиеся частые, оживленные взаимоотношения между Римской и Византийской Церквами имели, к сожалению, не мирный, а полемический характер. При чем раздор вращался более между личностями, чем между Церквами. Взаимоотношения между Римом и Константинополем продолжались и в X в., хотя нельзя сказать, чтобы они имели вполне нормальный характер. К папе обращались лишь в делах сомнительного характера — в спорных случаях, или в таких, когда надеялись получить от него какие-либо права. В начале XI века папа Бенедикт VIII (1012—1024 г.), по просьбе немецкого императора Генриха, внес в символ Греческой Церкви, по выражению одного историка, «трагическое слово» — «Filioque». Патриарх Сергий II (999—1019 г.) вычеркнул тогда из диптихов своей Церкви имя папы. Однако это не помешало новому патриарху Евстафию (1019—1024 г.), вместе с императором Василием II, обратиться в 1024 г. к папе Иоанну XIX и ходатайствовать перед ним об «автокефалии» для Византийского патриарха. Папа Лев IX (1048—1054 гг.) был защитником Рима и Италии против норманов. Отсюда понятно, почему он нуждался и домогался политического союза с Византией и не мог не желать мира с Константинопольским патриархом. Однако, по-своему убедившись, что Византийская Церковь относится к Римской без достаточного уважения, он порвал с нею всякие сношения. Михаил Керулларий (1043—1058 г.) не принимал никаких агрессивных полемических мер по отношению к Риму в течение 9—10 лет своего патриаршества. В 1053 г. он первый выступил с неожиданным распоряжением о закрытии в Константинополе латинских церквей и монастырей, совершавших Евхаристию, естественно, по латинскому обряду. Папа начинает действовать за одно с византийским дукою (наместником) в Италии, с Аргирою. Папе легко удавалось в Италии распространять латинский обряд и среди греков. Патриарх Константинопольский, разумеется, был осведомлен о том, и имел естественное желание, так или иначе, прекратить пропаганду. Имелось в виду сохранить зону греческого влияния в южной Италии и защитить её от латинских натисков. В Константинополе было получено письмо от папы Льва IX на имя Михаила Керуллария и Льва Охридского, смысл которого заключался в следующем: Константинопольская Церковь, даже весь Восток, столь много получившие от Римской Церкви, не только не должны направлять против неё никаких атак, а должны почитать её, как свою мать. Папе удалось до известной степени достигнуть своей цели — патриарх как бы потерял интерес к острой полемике и готов был, при известных условиях, идти на примирение с папою. Патриарх Михаил Керулларий, повидимому, главным условием примирения и единения с папою, выставляет уравнение в правах Константинопольской Церкви в отношении ко всему Востоку — с Римскою — в её отношении к целому Западу. Столкновение двух сильных характеров стало вопросом ближайшего времени. Будучи сам очень слабым богословом, патриарх Михаил Керулларий поручил монаху Студийского монастыря, Никите Стифату, составить обличение против латинян. Он оперирует, впрочем, над теми же невинными предметами, как опресноки и субботный пост, прибавляя еще целибат. В ответ на Византийское посольство к папе, приглашавшее его к союзу с Византией для изгнания норманов из Италии, в начале 1054 г. были отправлены папские делегаты в Константинополь. Их было трое —

кардинал Гумберт, канцлер Римской Церкви Фридрих и архиепископ Петр из Амальфии. Вскоре по приезде, послы вместе с императором посетили Студийский монастырь. Здесь в присутствии императора устроен был colloquium с Никитой. Последний признал себя побежденным и отказался от своего трактата, который был торжественно сожжен на монастырском дворе. Гумберт с самого начала взял тон, решительно не соответствующий примирению, не приняв при этом во внимание личных качеств и характера патриарха Михаила Керуллария. Привыкший к сервиллизму греческих епископов, патриарх жаловался на папских легатов, что они не воздавали ему должного почтения. Хотя уже и в Константинополе узнали о смерти папы, 19 апреля 1054 г., однако послы действовали с прежним дерзновением. Папские легаты в Великой Церкви обратились с проповедью к народу, жалуясь на упорство их патриарха. Затем, они положили на св. престол буллу экскоммуникации, которая касалась патриарха и его приверженцев. Волнения в народе поднялись, но не против Михаила Керуллария, а против легатов и чуть не стоили им жизни. После отъезда послов в Константинополе поднялся такой мятеж, что он чуть не стоил не только короны, но и жизни императору Константину IX, а Аргира был лишен всех почестей и отправлен со своим семейством в изгнание. Затем Михаил созывает Собор из членов всех партий греческой Церкви. 20 июля, от трибунала патриарха, в присутствии 7 архиепископов, епископов и посланных императора, был произнесен приговор не только «против нечестивой хартии, но и против тех, кто трудился над её изготовлением — советом, или даже только голосом». Через 5 дней анафема была повторена торжественно, булла сожжена, за исключением одного экземпляра. Повидимому, патриарх Михаил происшедшее считал за разделение Церквей, как это отчасти показывает его переписка с патриархом Антиохийским Петром. Соглашения между Константинополем и Римом не состоялось. Константинопольскому Собору патриарха Михаила, от 20 июля 1054 г., было почему-то придано общее значение осуждения латинян. Однако справедливость требует сказать, что никогда не было недостатка в предостерегавших и увещевавших голосах к церковному единению и миру, как например, Феофилакт Болгарский. Его послание относится к 1091—1092 гг.

Библиография

1. Аджинджал Е.К. Из истории христианства Абхазии. — Сухум: Изд-во «Стратофил», Сухумо-Абхазская епархия, 2000. — 144 с.
2. Асмус В.В., прот. История Церкви. — М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1998. — 84 с.
3. Бобринский А. Свидетельства нехристианских писателей первого и второго веков о Господе нашем Иисусе Христе и христианах. — Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2002. — 54 с.
4. Болотов В.В. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. В 4-х тт. М.: Мартис, 2000—2003.
5. Васечко В.Н., свящ. Сравнительное богословие. Сравнительное богословие. Курс лекций. — М.: ПСТБИ, 1998. — 65 с.
6. Дворкин А.Л. Очерки по истории Православной Церкви. — Н. Новгород, «Братство св. Александра Невского», 2003. — 816 с.
7. Епифанович С.Л. Преп. Максим Исповедник и Византийское богословие. — М., 2002.
8. Зноско-Боровский М., прот. Православие, римо-католичество, протестантизм и сектантство. Сравнительное богословие. М.: Артос-Медиа, 2003. — 256 с.
9. Иисус Христос в документах истории. Составление, статья и комментарии Б.Г. Деревенского. Изд. 4-е, исправленное и дополненное — СПб.: Алетейя, 2001. — 574 с. (Античное христианство. Источники).
10. История Православной Церкви до разделения церквей (для детей и юношества). — СПб.: Сатис, 1994. — 248 с.
11. Карташев А.В. Вселенские Соборы. — М.: Христианская жизнь, 2004. — 800 с.
12. Кассиан (Безобразов), еп. Христос и первое христианское поколение. 4-е изд., испр. и доп. — М.: ПСТБИ; Русский путь, 2003. — 574 с.
13. Лебедев А.П. Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX, X и XI веках. Изд. 2-е, доп. — М.: «ДиК», 1997. — 382 с. (Репринт 1902 г.).
14. Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан. — М., 1994.
15. Мейендорф Иоанн. История Церкви и Восточно-христианская мистика / Сост. И общ. ред. И.В. Мамаладзе. — М.: Институт ДИ-ДИК, 2000. — 576 с.: илл. — Серия «Древо».
16. Огицкий Д., Козлов М., свящ. Православие и западное христианство. — М.: МДА; Отчий дом, 1995. — 176 с.
17. Поснов М.Э. История Христианской Церкви. — Брюссель, «Жизнь с Богом», 1964.
18. Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. — М.: Православный паломник, 1998.—528 с. (Серия «Православное монашество и аскетика в исследованиях и памятниках»).
19. Скворцев К.И. Философия отцов и учителей Церкви (период апологетов). — Киев: Общество любителей православной литературы Издателей имени святителя Льва, папы Римского, 2003. — 472 с.
20. Скурат К.Е. Золотой век святоотеческой письменности (IV-Vвв.). Учебное пособие по патрологии для студентов духовных академий. — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Московская Духовная Академия, 2003. — 320 с.
21. Скурат К.Е. Отцы Церкви. — М., 2000.
22. Смирнов Е.И. История Христианской Церкви. Изд-е 10-е. — СТСЛ, 1997. — 462 с. (репринт 1915 г.).

23. Тальберг Н. История Христианской Церкви. — М.: ПСТБИ, 2000. — 520 с.

24. Шмеман Александр, прот. Исторический путь православия. — М., «Православный паломник», 2003.